

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
STATE
UNIVERSITY
BULLETIN

Moscow University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER FOUR

JULY – AUGUST

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2022

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 4

ИЮЛЬ – АВГУСТ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — **РЕМНЁВА Марина Леонтьевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по лингвистике — **КОБОЗЕВА Ирина Михайловна**, д.ф.н., проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по литературоведению — **ТОЛМАЧЁВ Василий Михайлович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по лингвистике — **КНЯЗЕВ Сергей Владимирович**, д.ф.н., проф., ведущий научный сотрудник отдела диалектологии и лингвистической географии Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН

Отв. секретарь по литературоведению — **ЗЫКОВА Галина Владимировна**, д.ф.н., проф. кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Оргсекретарь — **БЕЛАВИНА Екатерина Михайловна**, к.ф.н., доц. кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Викторовна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе; **БЕЛИКОВ Алексей Евгеньевич**, к.ф.н., доц. кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ВЕНЕДИКТОВА Татьяна Дмитриевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИВИНСКИЙ Дмитрий Павлович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИЗОТОВ Андрей Иванович**, д.ф.н., проф. кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **КОРОВИН Владимир Леонидович**, д.ф.н., доц. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПАХСАРЬЯН Наталья Тиграновна**, д.ф.н., проф. кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПЕТРУХИНА Елена Васильевна**, д.ф.н., проф. кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **СОЛОПОВ Алексей Иванович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ТАТЕВОСОВ Сергей Георгиевич**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi) PhD, проф. (Италия, Туринский ун-т); **БАКЕС Жан-Луи**, проф. (Франция, Университет Париж IV); **ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич**, д.ф.н., проф. (Россия, ИЯ РАН); **ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна** (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., проф. (Швейцария, Женевский ун-т); **ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович**, д.ф.н., проф. (Россия, ИМЛИ РАН); **ТЕРКУЛОВ Вячеслав Исаевич**, д.ф.н., проф. (ДНР, Донецкий национальный университет); **УХЛИК Младен** (Mladen Uhlik), PhD, доц. (Словения, ун-т Любляны)

Редактор *И.В. Луканина*

СТАТЬИ

<i>Дьяченко С.В., Князев С.В.</i> Эволюция диссимилиативного аканья в Москве: три поколения	9
<i>Шатин В.Ю.</i> О сопоставительных парах губных фонем в костром- ских и пошехонских говорах XVII в. и их дальнейшей судьбе	29
<i>Potapova R.K., Potapov V.V., Kuryanova I.V.</i> Acoustical correlates of the native language speaker identity	39
<i>Белов А.М.</i> О лингвистических методах в общей филологии: случай интертекстуальности	50
<i>Никитина Е.Н.</i> Возвратные эмотивные глаголы в «Семантико-грам- матическом словаре»	64
<i>Девятова Н.М.</i> Вводно-модальное слово конечно и его прагматиче- ские смыслы	80
<i>Волошина А.В.</i> Прием цитирования у Дионисия Галикарнасского (на материале сочинения «О Демосфене»)	93
<i>Пастернак Е.А.</i> О (не)точности и (не)бедности рифмы Г.Р. Державина (на материале корпуса рифм пятого тома «Сочинений»)	103
<i>Октябрьская О.С.</i> Семья и общество в повести А.П. Гайдара «Судьба барабанщика»	112
<i>Куц Н.В.</i> История России в поэзии барона Е.Ф. Розена 1820-х годов . .	122
<i>Бережнов Д.А.</i> О некоторых аспектах неклассического психологизма (А. Белый и В. Набоков) в свете философии А. Бергсона	132
<i>Семина А.А.</i> Виктор Пелевин — читатель Владимира Маканина . . .	142
<i>Белавина Е.М.</i> Эстетический потенциал автоперевода: французские стихи Джона Эшбери	154

О ДОСТОЕВСКОМ

<i>Кибальник С.А.</i> «Молодая эмиграция» в романе «Идиот»	164
<i>Ковалевская Т.В.</i> Первое соборное послание апостола Иоанна Бого- слова в мысли и творчестве Ф.М. Достоевского	175

Казаков А.А. Антропологические искания XX в. и антипсихологизм Ф.М. Достоевского	185
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Солнцева Н.М. Г о л у б к о в М. М. Зачем нужна русская литература? Из записок университетского словесника. М.: Прометей, 2021 . . .	197
Кожухаров Р.Р. Ортодоксы и еретики русской литературы XX — на- чала XXI веков: Коллективная монография к юбилею профессора Н.М. Солнцевой. М.: МАКС Пресс, 2022	203
Изотов А.И. К о с к о в á J. Neurčité tvary slovesné v češtině, ruštině a němčině a jejich vzájemná ekvivalence. Praha: Academia, 2022	210

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Косарик М.А. XV Международная научная конференция по истории языкознания (ICHoLS XV)	214
Бибикова А.М. VI Международная конференция «Алисовские чте- ния» (МГУ, 25 февраля 2022)	220
Криницын А.Б. Всероссийская конференция «Достоевский и лите- ратурный процесс XIX века. Поэтика прозы Достоевского»	226

Юбилеи

Мухортов Д.С., Стрелец И.Э. От экспрессивного синтаксиса до когнитивной лингвистики: К юбилею О.В. Александровой	233
Шешкен А.Г. Иво Поспишил	238

CONTENTS

ARTICLES

<i>Dyachenko S.V., Knyazev S.V.</i> Evolution of Dissimilative akanje in Moscow: Three generations	9
<i>Shatin V.Yu.</i> On Labial Phoneme Pairs in 17th-Century Kostroma and poshekhonye dialects and on their future	29
<i>Potapova R.K., Potapov V.V., Kuryanova I.V.</i> Acoustical Correlates of the Native Language Speaker identity	39
<i>Belov A.M.</i> On Linguistic Methods in General Philology: Researching Intertext	50
<i>Nikitina E.N.</i> Reflexive Psych Verbs as State Predicates: Semantics of Construction and Text Functions	64
<i>Devyatova N.M.</i> Introductory Modal Word <i>konechno</i> and Its Pragmatic Meaning	80
<i>Voloshina A.V.</i> Citation as a Literary Device in the Essay on Demosthenes By Dionysius of Halicarnassus	93
<i>Pasternak E.A.</i> On the (in)Accuracy and (im)Perfection of G.R. Derzhavin's Rhyme (A Study of the Corpus of Rhymes from the Fifth Volume of Works)	103
<i>Oktyabrskaya O.S.</i> Family and Society in A.P. Gaidar's Story the Drummer's Fate	112
<i>Kuts N.V.</i> History of Russia in E.F. Rosen's Poetry of the 1820s	122
<i>Berezhnov D.A.</i> On Some Aspects of Non-Classic Psychological Narration (In Works of A. Bely and V. Nabokov) in the View of Bergson's Philosophy	132
<i>Semina A.A.</i> V. Pelevin as a Reader of V. Makanin's Works	142
<i>Belavina E.M.</i> The Aesthetic Potential of Self-Translation: John Ashbery's French Poems	154

ABOUT DOSTOEVSKY

<i>Kibalnik S.A.</i> "Young Emigrants" in the Novel the Idiot	164
---	-----

<i>Kovalevskaya T.V.</i> The First Epistle of John In Fyodor Dostoevsky's Works and Thought	175
<i>Kazakov A.A.</i> Anthropological Searching of the 20th Century and Dostoevsky's Antipsychologism	185

REVIEWS

<i>Solntseva N.M.</i> Golubkov M. M. Why Do We Need Russian Literature? From the Notes of a University Philologist. M.: Prometheus, 2021 . . .	197
<i>Kozhukharov R.R.</i> Orthodoxes and Heretics of the Russian Literature of the 20th — Early 21st Centuries. Collective monograph dedicated to the anniversary of Professor N.M. Solntseva / Ed. M.M. Golubkov; comp. and editors: G.V. Zykova, N.A. Nerezenko, O.S. Oktyabrskaya, A.A. Semina. Moscow: MAKSPress, 2022	203
<i>Izotov A.I.</i> K o c k o v á J. Neurčité tvary slovesné v češtině, ruštině a němčině a jejich vzájemná ekvivalence. Praha: Academia, 2022	210

SCIENTIFIC LIFE

<i>Kossarik M.A.</i> XV International Conference on the History of Language Sciences (ICHoLS XV)	214
<i>Bibikova A.M.</i> VI International Conference "Alisova's readings" (MSU, February 25, 2022)	220
<i>Krinit syn A.B.</i> The All-Russian Conference "Dostoevsky and the Literary Process of the 19th Century. The Poetics of Dostoevsky's Prose"	226

ANNIVERSARIES

<i>Mukhortov D.S., Strelets I.E.</i> From Expressive Syntax to Cognitive Linguistics: Celebrating the Anniversary of Olga Alexandrova	233
<i>Sheshken A.G.</i> Ivo Pospíšil	238

СТАТЬИ

ЭВОЛЮЦИЯ ДИССИМИЛЯТИВНОГО АКАНЬЯ В МОСКВЕ: ТРИ ПОКОЛЕНИЯ

С.В. Дьяченко, С.В. Князев

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук,
Москва, Россия; svet-lan-a@list.ru; svknia@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматривается изменение системы диссимильного аканья под воздействием недиссимильного московского аканья на материале трех поколений двух семей, состоящих из пяти человек каждая: бабушки (родившейся на территории распространения диссимильного аканья), мамы и троих детей (родившихся и выросших в Москве). Для сопоставления привлекался материал пять носителей литературного языка. В результате двух экспериментов, которые были посвящены анализу формантной структуры гласных первого предударного слога перед ударным [a], перед ударными [и], [ы], [у] и ударного гласного [a], а также длительности тех же самых гласных, выяснилось, что следы количественной диссимильации предударных гласных по отношению к ударным сохраняются не только у самых старших представительниц «диалектных» групп информантов, но и у их потомков двух поколений, однако у самых старших информантов диссимильная зависимость выражена более явно. Различие предударных гласных в зависимости от качества ударных наблюдается у старших «диалектных» информантов и как будто отсутствует у младших, однако при этом у них предударные гласные совпадают не в [a]-образном звуке, как у носителей литературного языка, а в более централизованном [ɤ]-образном.

Ключевые слова: русский язык; фонетика; диалектология; безударные гласные; диссимильное аканье

Для цитирования: Дьяченко С.В., Князев С.В. Эволюция диссимильного аканья в Москве: три поколения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 4. С. 9–28.

EVOLUTION OF DISSIMILATIVE AKAN'JE IN MOSCOW: THREE GENERATIONS

Svetlana Dyachenko, Sergey Knyazev

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, svet-lan-a@list.ru; svknia@gmail.com*

Abstract: The paper deals with evolution of one part of dialectal phonetic system (neutralization of non-high unstressed vowels' in different allophones as a function

of stressed vowel's length or/and quality) over the course of three generations of speakers from two families, 5 members each (grandmother, moved from a village to Moscow, mother and three children born in Moscow). Another five speakers (Modern Standard Russian, Moscow variety) served as the basis for comparison. The results of two consecutive experiments based on the analysis of the qualitative (formant structure) and quantitative (vowel duration) data show that some rather significant traces of dissimilative *akan'je* are still kept not only in the idiolects of the senior representatives of the observed families but in the idiolects of junior representatives as well. The differentiation of prestressed vowels with regard to stressed vowels' quality/duration is almost lost in pronunciation of the youngest speakers but non-high unstressed vowels are neutralized in their idiolects in a vowel, which is significantly more centralized (reduced) than [a] of Standard Russian speakers'.

Key words: Russian; phonetics; dialects; unstressed vowels; dissimilative *akan'je*

For citation: Dyachenko S., Knyazev S. (2022) Evolution of dissimilative *akan'je* in Moscow: three generations. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 4, pp. 9–28.

Введение

В фонетических исследованиях литературного произношения обычным ограничением является требование к информантам типа «родились и выросли в N» (см., например, [Kochetov, 2017: 323]). Так, в частности, характеризуют своих информантов авторы монографии «Русская разговорная речь» [Русская разговорная речь, 1973: 34]: «Основной материал был собран нами в 1967–1970 гг. в Москве и Ленинграде. Большая часть наших информантов — коренные жители этих городов. Многие из них — потомственные москвичи или ленинградцы, т.е. и их родители (а у некоторых и деды) родились и жили в этих городах».

Однако зачастую в речи родившихся и живущих в Москве носителей современного русского литературного языка (СРЛЯ) сохраняются фонетические особенности, свойственные их предкам, иногда — на протяжении нескольких поколений [Князев, Малыхина, 2019].

Одной из таких особенностей является система предударного вокализма с южнорусской основой. Ряду южнорусских говоров свойственно так называемое диссимилятивное аканье (ДА), представляющее качественную (исходно — количественную) зависимость реализации гласного предударного слога после исконно твердого согласного от подъема (исходно — длительности) ударного гласного. В системах с ДА в позиции перед открытым (долгим)

ударным гласным [а] произносится краткий [ъ]-образный звук, а перед закрытыми (краткими) ударными [и], [ы], [у] — долгий [а] (например, *в[ъ]да*, но *в[а]ды*; *ст[ъ]ла*, но *ст[а]лу* при стандартном литературном *в[а]да*, *в[а]ды*; *ст[а]ла*, *ст[а]лу*); перед остальными ударными возможна вариативность в зависимости от типа ДА [Аванесов, 1949: 67–70]. В Москве в речи переселенцев из южно-русских областей и их потомков система ДА под воздействием недиссимилятивного аканья начинает эволюционировать в сторону уменьшения контраста между предударными гласными; при этом предполагается, что диссимилятивная зависимость гласных по качеству сохраняется дольше, чем количественная [Князев, Малахина, 2019].

Результаты предыдущей работы [там же], выполненной на ограниченном материале (одна семья, по одному представителю каждого поколения), оказались достаточно противоречивыми, поэтому целью настоящего исследования был анализ того, как именно изменяется система диссимилятивного аканья под влиянием недиссимилятивного, на более обширном материале: трех поколений двух других более крупных семей, состоящих из *бабушки* (родившейся на территории распространения ДА и впоследствии переехавшей в Москву), *мамы* и троих *детей*, родившихся и выросших в Москве (всего 10 основных информантов и пять носителей СРЛЯ в качестве основания для сопоставления).

Исследование состояло из двух экспериментов: по результатам первого из них (предварительного) была сформулирована рабочая гипотеза, протестированная в ходе второго (основного) эксперимента.

Эксперимент 1

Информанты 1

В ходе первого эксперимента информантами были члены одной семьи, женщины, представляющие три поколения — «бабушка» (Б1), «мама» (М1) и «дети» (Д11, Д12, Д13):

Б1 — род. в 1941 г. в Бобруйске, в Москве живет с 1987 г.,

М1 — род. в 1969 г. в Баку, в Москве живет с 1987 г.,

Д11 — род. в 1992 г. в Москве,

Д12 — род. в 1992 г. в Москве¹,

Д13 — род. в 1997 г. в Москве.

¹ Д11 и Д12 — двойняшки, поэтому год (и день) рождения у них один и тот же.

Материал 1

Материалом для первого эксперимента служили 43 слова с гласным на месте этимологических *о* и *а* в первом предударном слоге после парных твердых согласных в позиции перед

1) ударным [а]: *форшмак, сказали, застать, помогать, когда, оборотясь, сказал, товарищ, расплакаться, горячую, лобзанье, сказать, слова, Москва, Кондрат, сознания, контракт, кабальный, плантаций, по классам, надорвав, глаза* (всего — 23) и

2) ударными [и], [ы], [у]: *балагурим, могиле, покинул, пойду, шаловливо, почувствовать, свою, тоску, подписан, под Киевом* (2 раза), *поют* (5 раз), *гарнира, возму, пресловутый, проснутся* (всего — 20).

Эти слова были прочитаны информантами в составе отрывков из стихотворных произведений русских поэтов (полный список текстов см. в [Князев, 2021a: 10–11, 17–18]).

Процедура анализа 1

В ходе эксперимента были измерены значения первой (F_1) и второй (F_2) формант гласных ударного (только [а]) и первого предударного слогов в тестовых словах. С целью максимальной нивелировки коартикуляционного воздействия соседних мягких согласных измерения проводились на отрезке гласных, составляющих их стационарный отрезок или центральную часть (вторую треть).

Гласные [а] и [ъ], находящиеся в случае диссимилятивного аканья в отношении дополнительной дистрибуции в первом предударном слоге, с артикуляционной точки зрения отличаются друг от друга подъемом (более низком в случае [а]) и рядом (более задним у [а]), что акустически проявляется в значении первой и второй формант этих гласных. Для «нейтрального» [ъ] эти значения принято считать равными 500 (F_1) и 1500 (F_2) Гц [Кодзасов, Кривнова, 2001: 130–131]; для [а], они могут колебаться в зависимости от целого ряда параметров, в первую очередь — частоты основного тона и в общем случае приблизительно равны 730 и 1090 Гц соответственно для мужского голоса, 850 и 1220 Гц для женского, 1030 и 1370 для детского [Peterson, Barney, 1952: 183], что в среднем составляет 870 (F_1) и 1230 (F_2) Гц. Таким образом, вторая форманта [а] существенно ниже, а первая — выше, чем у [ъ]. Однако абсолютные значения формант подвержены существенным колебаниям (в том числе и на стационарном отрезке) еще и в зависимости от сегментного контекста гласных — в первую очередь, от способа образования соседних согласных (F_1), а также их места артикуляции и твердости/мягкости (F_2). В этой связи при описании результатов исследования в качестве основного параметра было использовано значение $\Delta F = F_2 - F_1$ (Гц), позволяющее в определенной степени нивелировать влияние сегментного контекста на формантную картину гласных.

Результаты 1

Результаты первого эксперимента приведены в табл. 1.

Таблица 1

Средние значения $\Delta F = F_2 - F_1$ (Hz) ударного и предударного гласных

информант	[á]	предударный перед [и́], [ы́], [у́]	предударный перед [á]
Б1	1526 — 741 = 785 100%	1504 — 720 = 784 100%	1533 — 701 = 832 106%
М1	1322 — 660 = 662 100%	1298 — 642 = 656 99%	1383 — 599 = 784 118%
Д _{ср}	1414 — 844 = 570 100%	1393 — 716 = 677 119%	1438 — 713 = 725 127%
Д11	1442 — 853 = 589	1401 — 646 = 755	1486 — 691 = 795
Д12	1410 — 855 = 555	1368 — 756 = 612	1423 — 727 = 696
Д13	1390 — 825 = 564	1410 — 746 = 664	1404 — 721 = 683

Обсуждение 1

Приведенные в табл. 1 данные дают основания для следующих заключений:

- в речи представителей более старшего поколения (Б1 и М1), родившихся не в Москве, наблюдаются различия в качестве гласного первого предударного слога в зависимости от качества ударного: перед [и́], [ы́], [у́] произносится гласный того же типа, что и ударный [á], а перед [á] — гласный, отличающийся от него более высоким подъемом и более передним рядом, т.е. более редуцированный;
- в речи представителей более младшего поколения (Д11, Д12 и Д13), родившихся и выросших в Москве, различия в качестве гласного первого предударного слога в зависимости от качества ударного выражены в меньшей степени: и перед ударными [и́], [ы́], [у́], и перед [á] предударный гласный является существенно более закрытым и передним, чем ударный [á].

Эти наблюдения позволяют сформулировать **рабочую гипотезу** для дальнейшего исследования:

- система диссимилятивного аканья под влиянием недиссимилятивного эволюционирует в направлении сближения двух разных предударных гласных друг с другом, но сближение это происходит не в направлении [a]-образного гласного, а в направлении [ɘ]-образного или промежуточного между ними варианта, что может проявляться, например, в том, что [a] и [ɘ] начинают употребляться не последовательно в зависимости от ударного гласного, а более или менее свободно, в зависимости от других факторов.

Эксперимент 2

Информанты 2

В ходе второго эксперимента информантами были:

1) те же участники, что и в эксперименте 1 (см. выше Информанты 1);

2) члены другой семьи, представляющие те же три поколения — «бабушка» (Б2), «мама» (М2) и «дети» (Д21, Д22, Д23):

Б2 — род. в 1950 г. в Тамбовской обл., в Москве живет с 1968 г.,

М2 — род. в 1971 г. в Москве,

Д21 — род. в 1994 г. в Москве,

Д22 — род. в 2001 г. в Москве,

Д23 — род. в 2013 г. в Москве;

3) носители литературного языка, все ближайшие родственники которых (родители, бабушки и дедушки) родились и жили/живут в Москве и Московской области:

ЛЯ1 — СМК, род. в 1979 г. в Москве,

ЛЯ2 — АВМ, род. в 1972 г. в Москве,

ЛЯ3 — АВК, род. в 1982 г. в Москве,

ЛЯ4 — ОВК, род. в 1953 г. в Москве,

ЛЯ5 — СВК, род. в 1963 г. в Москве.

Материал 2

Материалом для второго эксперимента служили 65 слов с гласным на месте этимологических *о* и *а* в первом предударном слоге после парных твердых согласных в позиции перед

1) ударным [а]: *облюбовала, столба, изолятор, сказать, папаша* (2 раза), *контраст, бросают, галантный, миновать, останавливаются, канонады, стояли, командный, галантный, талантливо, толчками, командный, создавшие, толпа, даваться, проклятой, когда* (3 раза), *парадный, военкомат, программ, талант, краса, слова, бросает, канавы, поля, корявый, парадный* (всего — 36) и

2) ударными [и], [ы], [у]: *наsupротив, незабудки, расположились, возвысись, творится, картины, сторожи, контролируй, малыш, в Мадриде, борцы, достиг, разрывов, скажи, склонив, падучей, просты, таковы, оплатил, политикой, помылся, сходил, вопил, парижский, какие, могилы, колючки, холмы, каким-то* (всего — 29).

Эти слова были прочитаны информантами в составе отрывков из стихотворных произведений русских поэтов (полный список текстов см. в [Князев, 2021б: 142–145]).

Процедура анализа 2

В ходе второго эксперимента применялась та же процедура, что и в эксперименте 1, кроме того, была измерена длительность ударных и предударных гласных в тестовых словах.

Результаты 2

Результаты второго эксперимента приведены в табл. 2 и 3 и на рис. 1–21.

Таблица 2

Средние значения $\Delta F = F_2 - F_1$ (Hz) ударного и предупредного гласных

информант	[á]	предударный перед [í], [ý], [ý]	предударный перед [á]
Б1	1314 – 744 = 570 100%	1331 – 736 = 595 104%	1414 – 719 = 695 122%
М1	1395 – 662 = 733 100%	1353 – 601 = 752 103%	1380 – 612 = 768 105%
Д1 _{ср}	1407 – 675 = 732 100%	1415 – 599 = 816 112%	1377 – 615 = 762 104%
Д11	1443 – 626 = 817	1458 – 542 = 916	1427 – 559 = 868
Д12	1451 – 756 = 695	1526 – 645 = 881	1442 – 676 = 766
Д13	1327 – 644 = 683	1261 – 610 = 641	1262 – 609 = 653
Б2	1447 – 769 = 678 100%	1417 – 707 = 710 105%	1578 – 702 = 876 129%
М2	1307 – 708 = 599 100%	1413 – 629 = 784 131%	1360 – 638 = 722 120%
Д2 _{ср}	1380 – 654 = 726 100%	1429 – 588 = 841 116%	1480 – 590 = 890 123%
Д21	1244 – 534 = 710	1268 – 477 = 791	1329 – 493 = 836
Д22	1455 – 745 = 710	1471 – 665 = 806	1575 – 660 = 915
Д23	1440 – 684 = 756	1547 – 621 = 926	1535 – 617 = 918
ЛЯ1	1514 – 739 = 775	1581 – 692 = 889	1493 – 715 = 777
ЛЯ2	1410 – 681 = 729	1419 – 634 = 785	1346 – 648 = 698
ЛЯ3	1457 – 681 = 777	1522 – 655 = 867	1393 – 706 = 687
ЛЯ4	1602 – 545 = 1057	1634 – 531 = 1103	1586 – 537 = 1049
ЛЯ5	1251 – 548 = 703	1312 – 485 = 827	1212 – 537 = 675
ЛЯ _{ср}	1447 – 639 = 808 100%	1494 – 599 = 895 111%	1406 – 629 = 777 96%

Приведенные в табл. 2 данные позволяют сделать следующие заключения:

- у старших информантов Б1 и Б2 прослеживается зависимость качества гласного предупредного слога от качества ударного: предупредный перед [и], [ы], [у] по значению ΔF почти совпадает с ударным [а], в то время как перед [а] он характеризуется бóльшим значением

ΔF , т.е. более высоким подъемом и/или более передним рядом, чем [а] (повторим, что различия в абсолютных значениях F_1 и F_2 могут быть обусловлены различиями в консонантных контекстах);

- в речи информанта среднего поколения М1 наблюдается тенденция к сближению предударных гласных перед [и], [ы], [у] и перед [а] в направлении к ударному [а], тогда как у информанта М2 и младших информантов — детей (все они родились и выросли в Москве) предударные гласные как перед [и], [ы], [у], так и перед [а] имеют значения ΔF более высокие, чем у ударного [а], т.е. соответствующие гласные могут быть охарактеризованы как в той или иной степени редуцированные; при этом различия между предударными перед [и], [ы], [у] и перед [а] у этих информантов несущественны;

- в отличие от этого, у эталонных литературных дикторов наблюдаются лишь незначительные различия между ударным [а] и предударными перед [и], [ы], [у] и перед [а], обусловленные качеством соседних согласных.

Таким образом, диссимилиация предударного гласного по качеству наблюдается только у самых старших представительниц первых двух групп информантов, которые родились в областях, характеризующихся диссимилиативным аканьем; в речи носителей среднего и младшего поколений эта зависимость утрачивается, но у подавляющего большинства участников эксперимента (семь из восьми) прослеживается тенденция к совпадению гласных перед закрытыми и открытыми ударными в звуке, приближающемся к [ъ] (или среднем между [ъ] и [а]), а не к [а], как этого можно было бы ожидать вследствие воздействия недиссимилиативного аканья московского типа.

Таблица 3

Средние значения длительности ударного и предударного гласных

информант	предударный + ударный [и́], [ы́], [у́]	предударный + ударный [а́]
Б1	100 + 126 = 226 (128%)	78 + 144 = 222 (100%)
М1	105 + 106 = 211 (110%)	95 + 136 = 231 (100%)
Д1 _{ср}	81 + 95 = 176 (117%)	69 + 126 = 195 (100%)
Д11	89 + 97 = 186	69 + 144 = 213
Д12	68 + 96 = 164	62 + 105 = 167
Д13	87 + 93 = 180	75 + 130 = 205
Б2	98 + 134 = 232 (132%)	74 + 147 = 221 (100%)
М2	77 + 104 = 181 (119%)	65 + 120 = 185 (100%)
Д2 _{ср}	79 + 102 = 181 (129%)	61 + 117 = 178 (100%)
Д21	67 + 87 = 154	52 + 100 = 152

информант	предударный + ударный [и́], [ы́], [у́]	предударный + ударный [а́]
Д22	79 + 98 = 177	61 + 110 = 171
Д23	90 + 120 = 210	70 + 142 = 212
ЛЯ1	71 + 73 = 144	66 + 93 = 159
ЛЯ2	81 + 82 = 163	80 + 109 = 189
ЛЯ3	68 + 75 = 143	60 + 92 = 152
ЛЯ4	95 + 97 = 192	82 + 126 = 208
ЛЯ5	75 + 80 = 155	67 + 104 = 171
ЛЯ _{ср}	78 + 81 = 159 (110%)	71 + 105 = 176 (100%)

Приведенные в табл. 3 данные о средних значениях длительности предударных и ударных гласных позволяют сделать вывод о том, что у информантов первых двух групп (за исключением, как и в первом случае, М1) предударный гласный перед [и], [ы], [у] значительно более долгий, чем перед [а] (разница составляет от 17 до 32%); в то время как у эталонных носителей литературного языка (и прилегающего к ним М1) эта разница гораздо меньше (10%). Обращает также на себя внимание тот факт, что общая продолжительность гласных ударного и предударного слогов (просодического ядра слова) представляет собой практически постоянную величину вне зависимости от распределения долготных характеристик гласных по слогам.

Таким образом, можно предполагать, что следы количественной диссимилиации гласных наблюдаются не только у первого поколения переселенцев из областей с диссимилиативным вокализмом в Москву, но и у их потомков двух поколений.

Ниже данные об абсолютной длительности гласных первого предударного слога на месте фонем неверхнего подъема после твердых согласных перед ударными [а] и [и], [ы], [у] и ударного [а] (рис. 1–3), а также значения $\Delta F = F_2 - F_1$ (Hz) гласных этих же трех типов (рис. 4–6) приведены на диаграммах размаха.

Диаграмма размаха показывает первый и третий квартили (собственно ящик), которые соответствуют средней половине всех данных выборки, и «усы», которые соответствуют первой и последней четвертям данных выборки. Таким образом, границы «ящика» соответствуют границам первого и третьего квартилей, линия, разделяющая «ящик» на две части, представляет собой медиану, а нижняя и верхняя границы «усов» демонстрируют минимальное и максимальное значения всей выборки данных. Расстояния между отдельными частями ящика позволяют определить степень «плотности» данных на определенном отрезке шкалы. Черным кружком

на диаграмме показано среднеарифметическое значение каждого набора данных.

На диаграммах размаха длительностей гласных по оси ординат отложены значения длительности гласных в миллисекундах, на оси абсцисс размещены «ящички с усами», отображающие длительность гласных каждого из информантов в одной из трех позиций.

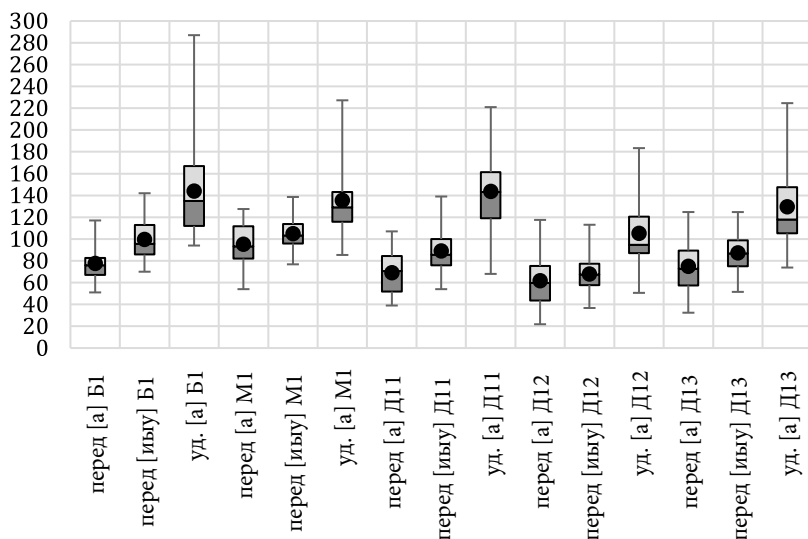

Рис. 1. Диаграмма размаха длительностей гласных информантов Б1, М1, Д11, Д12, Д13

Приведенные на диаграмме (рис. 1) данные свидетельствуют о том, что длительность ударного [а] у всех информантов заметно превышает длительность предударного гласного и перед [а], и перед [и], [ы], [у]. По расположению «ящичков» видно, что разница между длительностью предударных перед [а] и перед [и], [ы], [у] у младших информантов не существенная, а в случае верхней границы «ящичков» предударных гласных Д12 и М1 она минимальная. Значительно более, чем у остальных, разница между длительностью предударных гласных двух типов выражена у информанта Б1 (особенно хорошо это видно по расположению «ящичков», т.е. концентрации средней половины всех данных выборки), что можно интерпретировать как сохранение следов количественной диссимилиации гласных перед ударным [а] у информанта Б1 и отсутствие таких следов у информантов М1, Д11, а особенно Д12 и Д13.

На этой диаграмме (рис. 2) также видно, что длительность ударного [а] у всех информантов существенно превышает длительность предударных. Контраст между длительностью ударного [а] и пред-

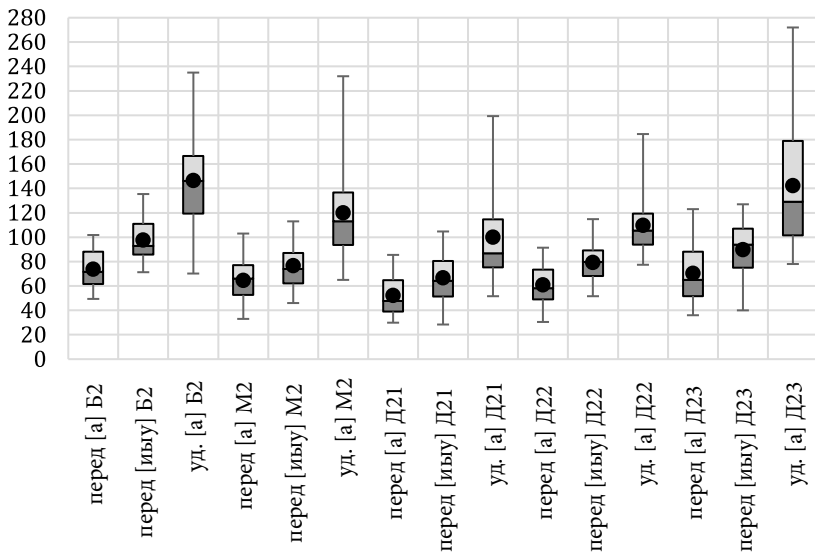

Рис. 2. Диаграмма размаха длительностей гласных информантов B2, M2, D21, D22, D23

ударных гласных больше у информантов младшего поколения (к которым примыкает и M2), чем у B2, однако в этом случае он выражен в меньшей степени, чем у информантов первой группы. Разница между длительностью предударного перед [a] и перед [и], [ы], [у] у всех информантов этой группы примерно одинакова и невелика (чуть больше, чем у других, у информантов B2 и D22). Иными словами, у этих информантов различия по длительности наблюдаются только между ударным [a] и предударным на месте фонем неверхнего подъема после твердых согласных, предударные же гласные различаются по длительности несущественно.

Количественные характеристики гласных группы носителей литературного языка (рис. 3) выраженно отличаются от соответствующих характеристик гласных информантов описанных выше двух групп «диалектных» дикторов. Прежде всего в этих данных зафиксирован гораздо меньший контраст между длительностью ударного и предударного [a]. Исключение представляет информант ЛЯ4: у ударного [a] вытянута верхняя часть «ящика» и очень длинный верхний «ус», за счет чего создается впечатление, что контраст между длительностью ударного и предударного гласных велик. Однако, поскольку у других четырех информантов подобного не наблюдается, можно полагать, что наличие столь долгих ударных гласных может быть связано с особой манерой чтения стихотворных

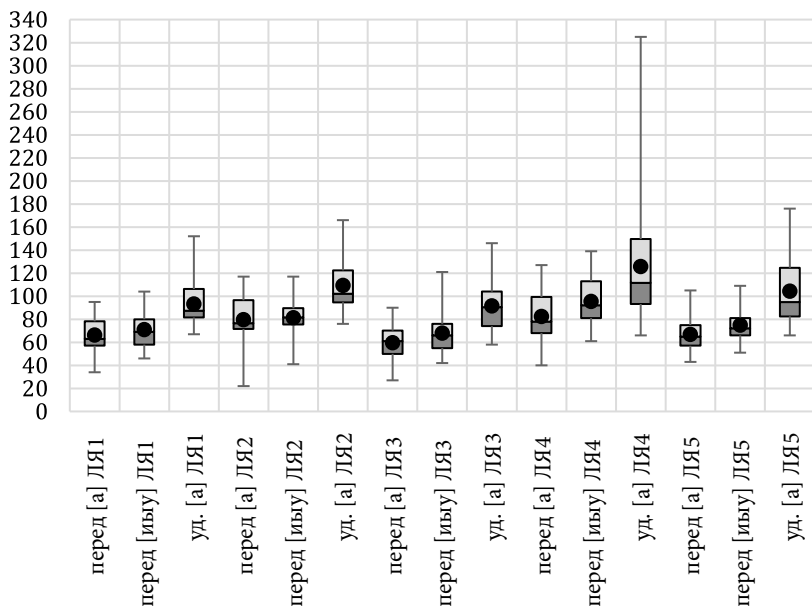

Рис. 3. Диаграмма размаха длительностей гласных информантов ЛЯ1, ЛЯ2, ЛЯ3, ЛЯ4, ЛЯ5

текстов данным информантом. Разница же между длительностью предударного перед [а] и перед [и], [ы], [у], как и ожидалось, у всех литературных информантов незначительна (у информанта ЛЯ2 она даже в пользу предударного перед [а]).

На диаграммах размаха значений $\Delta F = F_2 - F_1$ (рис. 4–6) по оси ординат отложены значения ΔF в герцах, на оси абсцисс размещены «ящики с усами», отображающие ΔF гласных каждого из информантов в одной из трех позиций. Диаграмма более подробно, чем таблица со средними значениями ΔF представляет данные о качестве рассматриваемых предударных и ударных гласных, поскольку на ней, помимо среднеарифметических значений, можно видеть также медианные значения и зоны наибольшей «плотности» данных на определенном участке шкалы, т.е. зоны наибольшей концентрации данных. Эти зоны не всегда соответствуют среднеарифметическим значениям.

Приведенные на диаграмме (рис. 4) данные в первую очередь расположение «ящиков», демонстрирующих среднюю половину выборки, показывают, что у информанта Б1 «самый» редуцированный гласный — предударный перед [а], однако и предударный перед [и], [ы], [у] несколько сдвинут в более верхний подъем и передний ряд по сравнению с ударным [а]. У других информантов и предудар-

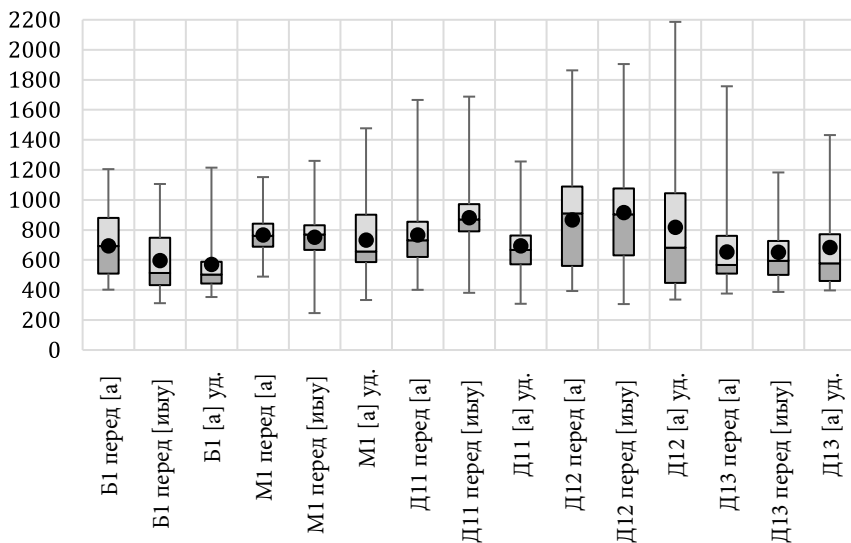

Рис. 4. Диаграмма размаха значений $\Delta F = F_2 - F_1$ (Hz) информантов B1, M1, D11, D12, D13

ный перед [и], [ы], [у], и предударный перед [а] характеризуются более высокими значениями ΔF , чем ударный [а], но при этом предударный перед [а] не более редуцированный, чем перед [и], [ы], [у] (как правило, они примерно одинаковы), а у информанта D11 он, напротив, даже менее [ъ]-образный.

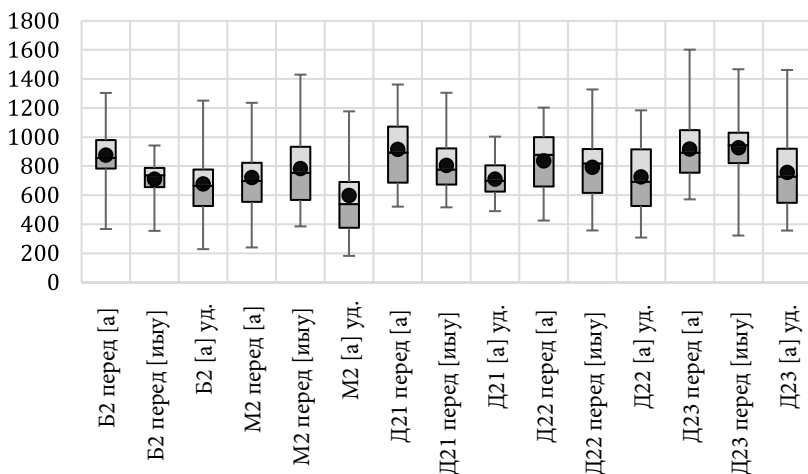

Рис. 5. Диаграмма размаха значений $\Delta F = F_2 - F_1$ (Hz) информантов B2, M2, D21, D22, D23

По расположению «ящичков» на этой диаграмме (рис. 5) видно, что у информанта Б2 предударный перед [а] имеет самые высокие значения ΔF , т.е. этот гласный наиболее редуцированный и значительно отличается от предударного перед [и], [ы], [у] и тем более ударного [а]. У других информантов такого контраста нет, но заметно, что предударные у них всегда более редуцированы, чем ударный [а], а предударный перед [а] — более редуцирован, чем предударный перед [и], [ы], [у].

Таким образом, у информантов Б1 и Б2 сохраняется в речи диссимилиативная зависимость гласных по качеству, а у информантов младшего возраста эта зависимость выражена в меньшей степени.

На диаграмме (рис. 6) видно, что у всех информантов (за исключением ЛЯ2) предударный перед [а] в большей степени приближается по качеству к ударному [а], чем гласный в позиции перед [и], [ы], [у].

В социофонетических исследованиях для изображения зон рассеивания гласных принято использовать графики, отражающие нормализованные данные. С 1970 г. было разработано несколько способов нормализации формантных значений, наиболее известно около пятнадцати таких способов, которые неоднократно подвергались тестированию, см. обзор в [Adank, Smits, van Hout, 2004]. Все методики нормализации предполагают нивелировку физиологически обусловленного варьирования значений. По результатам тестирования одним из лучших до сих пор считается метод нормализации Б.М. Лобанова [Lobanov, 1971], в котором используются средние

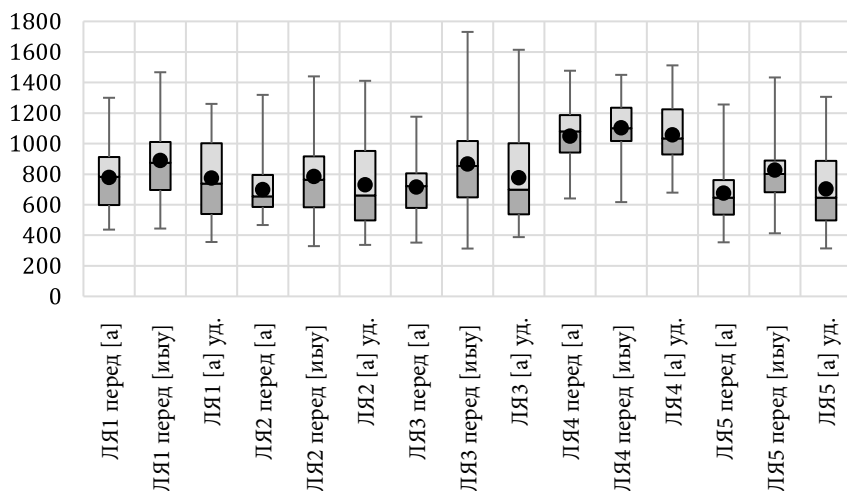

Рис. 6. Диаграмма размаха значений $\Delta F = F_2 - F_1$ (Hz) информантов ЛЯ1, ЛЯ2, ЛЯ3, ЛЯ4, ЛЯ5

значения формант гласных выборки и их стандартные отклонения; нормализованные значения рассчитываются по формуле $FNi = (Fi - Mi)/\sigma_i$, где FN — нормализованное формантное значение, i — номер форманты (1 или 2), Mi — среднее значение Fi для всех гласных (рассчитывается отдельно для каждого диктора), σ_i — стандартное отклонение от среднего значения для всех гласных (рассчитывается отдельно для каждого диктора). На основе средних нормализованных формантных значений определяется центр наибольшей концентрации аллофонов каждой из фонем и область дисперсии формантных значений.

Ниже с помощью графиков, построенных на основе нормализованных данных, демонстрируются зоны рассеивания гласных первого предударного слога на месте фонем неверхнего подъема после твердых согласных перед ударными [a] и [и], [ы], [у], а также ударного [a]. Зоны рассеивания формантных значений каждого из этих трех типов гласных представлены на рис. 7–21 (графики построены с помощью метода нормализации Б.М. Лобанова на сайте <http://lingtools.uoregon.edu/norm/norm1.php>).

На рис. 7 видно, что у информанта Б1 предударный перед [a] сдвинут вперед и вверх по сравнению с ударным [a], т.е. является более централизованным (редуцированным), а предударный перед [и], [ы], [у] практически совпадает с ударным [a]. У младших информантов М1, Д11, Д12, Д13 наблюдается сближение зон предударных гласных (до практически полного совпадения у Д13) и «отдаление» их от зоны ударного [a]. У всех этих информантов предударные гласные выше по подъему, чем ударный [a].

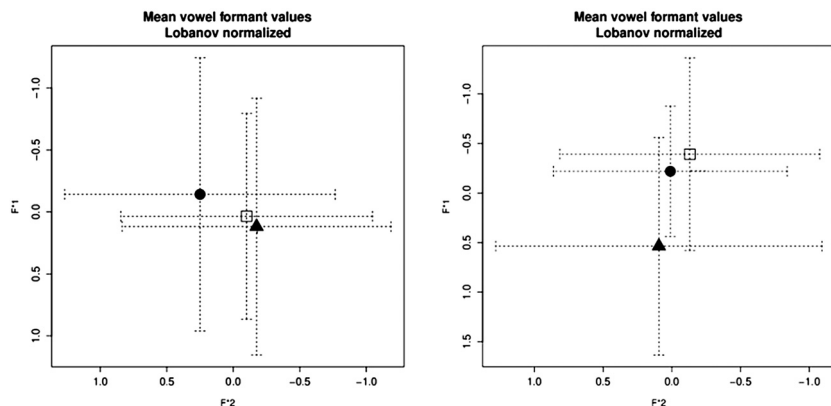

Рис. 7–8. (Б1, М1) Зоны рассеивания гласных. Условные обозначения: кружок — предударный перед [a], квадрат — предударный перед [и], [ы], [у], треугольник — ударный [a].

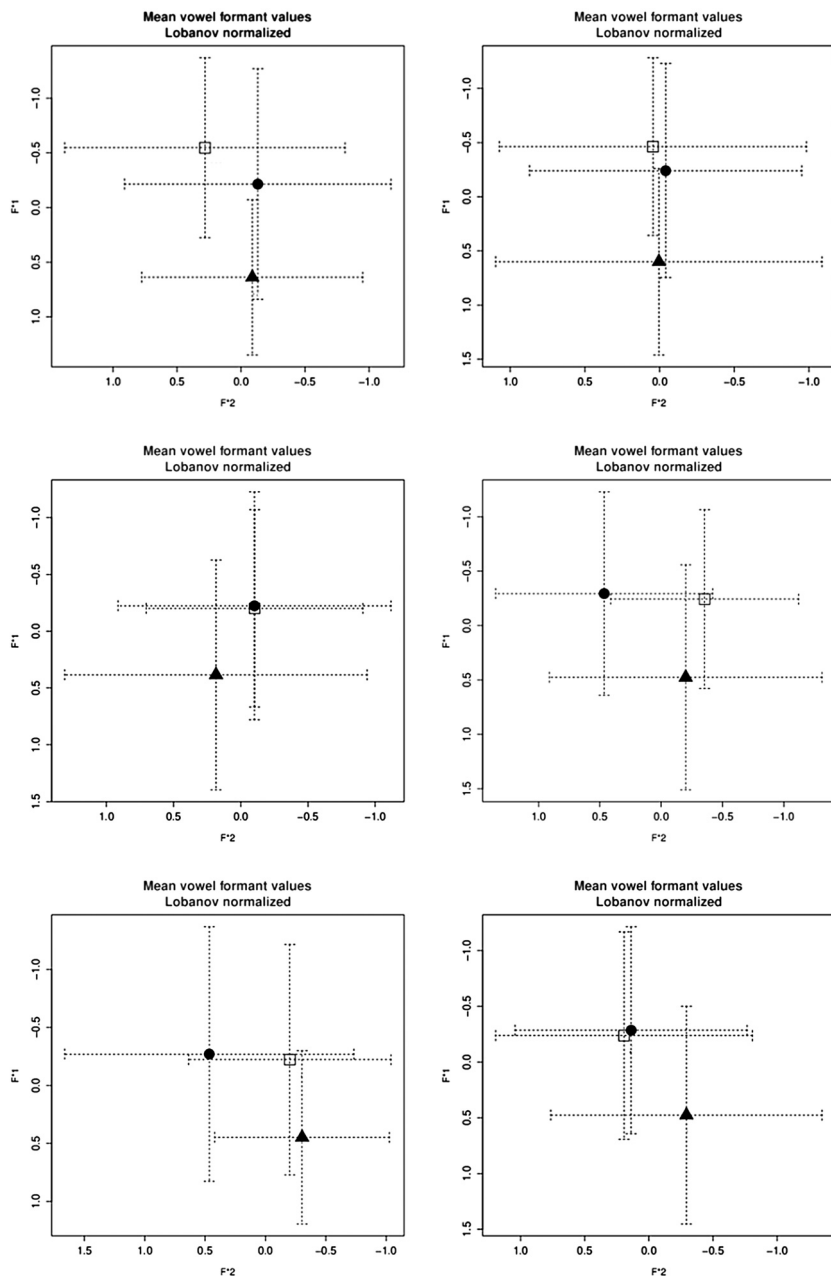

Рис. 9–14. (Д11, Д12, Д13, Б2, Д21, Д23) Зоны рассеивания гласных. Условные обозначения: кружок — предударный перед [а], квадрат — предударный перед [и], [ы], [у], треугольник — ударный [а].

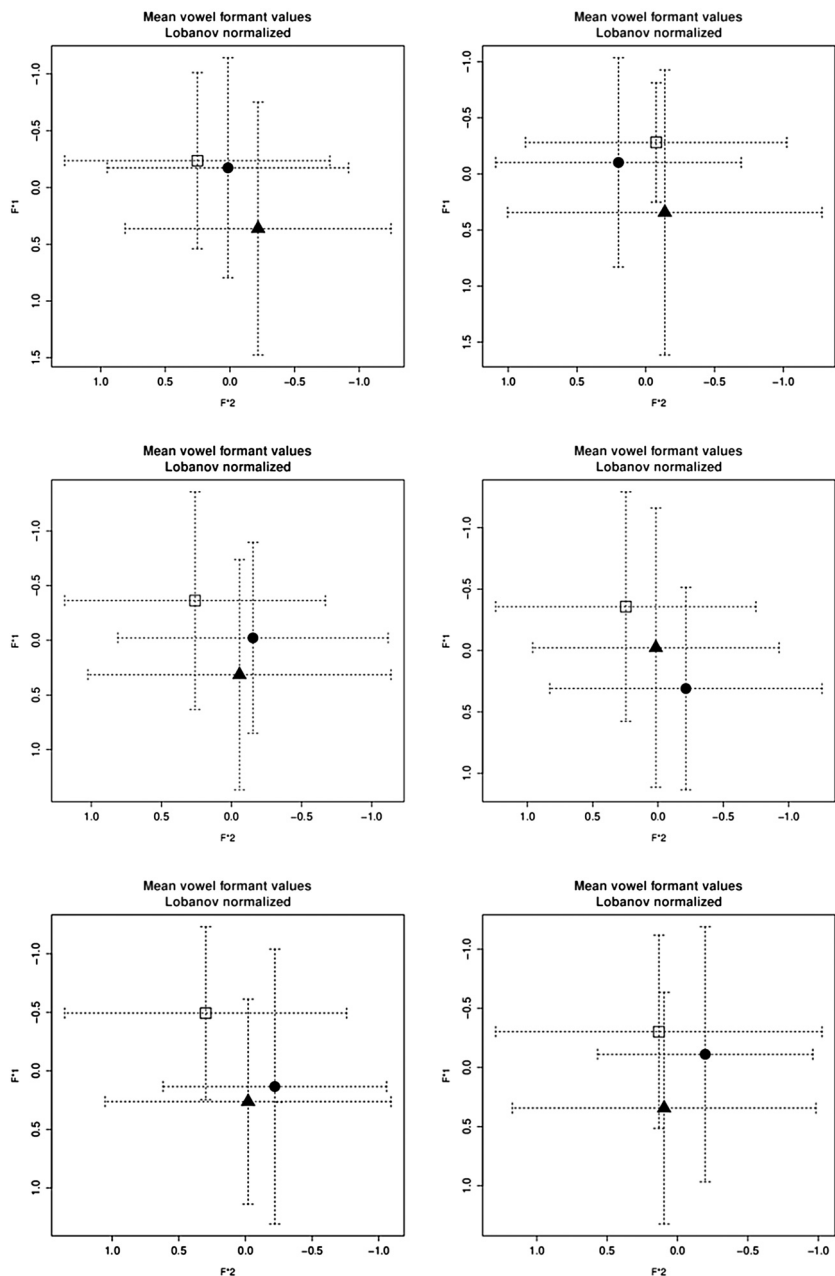

Рис. 15–20. (М2, Д22, ЛЯ1, ЛЯ3, ЛЯ5, ЛЯ2) Зоны рассеивания гласных. Условные обозначения: кружок — предударный перед [а], квадрат — предударный перед [и], [ы], [у], треугольник — ударный [а].

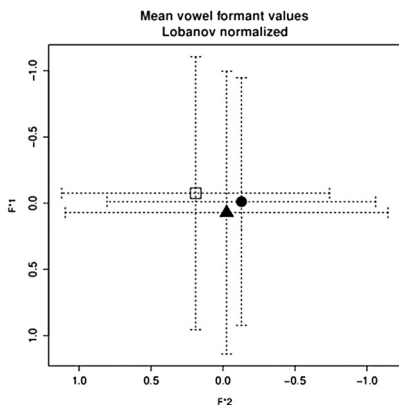

Рис. 21. (ЛЯ4) Зоны рассеивания гласных. Условные обозначения: кружок — предударный перед [а], квадрат — предударный перед [и], [ы], [у], треугольник — ударный [а]

У информанта Б2 (рис. 12) оба предударных выше по подъему, чем ударный [а], но различаются по ряду: перед [а] гласный существенно более передний, а перед [и], [ы], [у] даже немного более задний, чем ударный [а]. У младших информантов этой группы предударные в большей или меньшей степени сближаются друг с другом (до почти полного совпадения у Д23). При этом у всех они более централизованы, чем ударный [а].

Таким образом, различие по качеству у предударных гласных в зависимости от типа ударного гласного наблюдается

у старших информантов Б1 и Б2 и отсутствует у младших, при этом у них наблюдается тенденция к совпадению предударных гласных не в [а]-образном звуке, а в более централизованном, сближающимся с [ɤ] или промежуточном между [ɤ] и [а].

На графиках эталонных литературных информантов (рис. 17–21) наблюдается совершенно иная картина: оба предударных гласных ближе по качеству (F-картине) к ударному [а], чем у информантов первых двух групп (особенно это заметно у информанта ЛЯ4). При этом в большей степени у них всех выражены отличия от ударного [а] предударного гласного перед [и], [ы], [у], а не перед [а] (а предударный перед [а] обычно немного сдвинут в более задний ряд по сравнению с ударным). Возможно, этот факт объясняется наличием межслоговой ассимиляции предударного гласного ударному [а], см. [Пауфощима, 1980], другим объяснением может служить разница в консонантных контекстах этих гласных.

Выводы

Проведенное исследование подтверждает рабочую гипотезу о том, что система диссимилятивного аканья под влиянием недиссимилятивного в Москве изменяется у потомков переселенцев в направлении сближения двух предударных гласных [ɤ] и [а] друг с другом, причем оно происходит не в направлении [а]-образного гласного, как можно было бы ожидать, а в направлении более централизованного: [ɤ]-образного или промежуточного между [а] и [ɤ].

При этом следы количественной диссимилиации отчетливо сохраняются только у самих переселенцев, родившихся в областях диссимилиативного вокализма, и в гораздо меньшей степени выражены у их потомков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949.
2. Князев С.В. О взаимодействии фонетических параметров, реализующих фонологический контраст по голосу в русском языке // Сибирский филологический журнал. 2021а. № 4. С. 137–153.
3. Князев С.В. Фонационное варьирование согласных в связи с их способом и местом образования в русском языке // Вопросы языкознания. 2021б. № 3. С. 7–25.
4. Князев С.В., Малыхина П.А. Эволюция диалектной системы безударного вокализма в речи жителей Москвы: 4 поколения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции Диалог-2019. Т. 18. М., 2019. С. 304–317.
5. Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М., 2001.
6. Пауфогшима Р.Ф. Активные процессы в современном русском литературном языке (Ассимилятивные изменения безударных гласных) // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1980. Т. 39. № 1. С. 61–68.
7. Русская разговорная речь / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1973.
8. Adank P., Smits R., van Hout R. A comparison of vowel normalization procedures for language variation research // Acoustical Society of America. Vol. 116. No. 5. November 2004. P. 3099–3107.
9. Kochetov A. Acoustics of Russian Voiceless Sibilant Fricatives // Journal of the International Phonetic Association. 2017. Vol. 47. Issue 3. P. 321–348.
10. Lobanov B.M. Classification of Russian Vowels Spoken by Different Speakers // Acoustical Society of America. 1971. February. P. 606–608.
11. Peterson G. and H. Barney (1952). Control methods used in a study of vowels. Journal of the Acoustical Society of America, vol. 24, pp. 175–184.
12. The Vowel Normalization and Plotting Suite. URL: <http://lingtools.uoregon.edu/norm/norm1.php> (дата обращения: 11.01.2022).

REFERENCES

1. Avanesov R.I. *Ocherki russkoi dialektologii* [Essays on Russian dialectology]. Moscow, 1949. 335 p.
2. Knyazev S.V. O vzaimodeistvii foneticheskikh parametrov, realizuyushchikh fonologicheskii kontrast po golosu v russkom yazyke [On the interaction of phonetic parameters implementing the voiced / voiceless phonological opposition in Standard Modern Russian]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* — Siberian Journal of Philology, 2021a, no. 4, pp. 137–153. (In Russ.)
3. Knyazev S.V. Fonatsionnoe var'irovanie soglasnykh v svyazi s ikh sposobom i mestom obrazovaniya v russkom yazyke [Voice coarticulation as a function of place and manner of articulation in Russian]. *Voprosy Jazykoznanija* — Topics in the study of language. 2021b, no. 3, pp. 7–25. (In Russ.)
4. Knyazev S.V., Malykhina P.A. Evolyutsiya dialektnoi sistemy bezudarnogo vokalizma v rechi zhitelei Moskvy: 4 pokoleniya [Evolution of dialectal unstressed vowels' system in Moscow: 4 generations]. *Komp'yuternaya Lingvistika i Intellekturnye Tekhnologii*:

- Trudy Mezhdunarodnoy Konferentsii "Dialog 2019"* — Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialog 2019". Moscow, pp. 304–317. (In Russ.)
5. Kodzasov S.V., Krivnova O.F. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow, 2001.
 6. Paufoshima R.F. Aktivnye protsessy v sovremennom russkom literaturnom yazyke (Assimilyativnye izmeneniya bezudarnykh glasnykh) [Active processes in the modern Russian literary language (Assimilation changes in unstressed vowels)]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* — Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Literature and Language Series. 1980. Vol. 39, no. 1, pp. 61–68. (In Russ.)
 7. Russian colloquial speech [*Russkaya razgovornaya rech'*]. Resp. ed. E.A. Zemskaya. Moscow, 1973.
 8. Adank P., Smits R., van Hout R. A comparison of vowel normalization procedures for language variation research. *Acoustical Society of America*. Vol. 116, No. 5. November 2004, pp. 3099–3107.
 9. Kochetov A. Acoustics of Russian Voiceless Sibilant Fricatives. *Journal of the International Phonetic Association*, vol. 47, issue 3, pp. 321–348.
 10. Lobanov B.M. Classification of Russian Vowels Spoken by Different Speakers. *Journal of the Acoustical Society of America*. February 1971, pp. 606–608.
 11. Peterson G. and Barney H. Control methods used in a study of vowels. *Journal of the Acoustical Society of America*, 1952, vol. 24, pp. 175–184.
 12. The Vowel Normalization and Plotting Suite. URL: <http://lingtools.uoregon.edu/norm/norm1.php> (accessed 11 January 2022).

Поступила в редакцию 27.04.2022.

Принята к публикации 24.05.2022.

Отредактирована 24.05.2022

Received 27.04.2022.

Accepted 24.05.2022.

Revised 24.05.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дьяченко Светлана Владимировна — научный сотрудник ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова; svet-lan-a@list.ru

Князев Сергей Владимирович — ведущий научный сотрудник ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова; svknia@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Svetlana Dyachenko — researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; svet-lan-a@list.ru

Sergey Knyazev — leading researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; svknia@gmail.com

О СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ПАРАХ ГУБНЫХ ФОНЕМ В КОСТРОМСКИХ И ПОШЕХОНСКИХ ГОВОРАХ XVII В. И ИХ ДАЛЬНЕЙШЕЙ СУДЬБЕ

В.Ю. Шатин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; vl.shatin@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматриваются новые данные костромской и пошехонской деловой письменности XVII в., позволяющие сделать вывод об истории губных фонем в севернорусских говорах, отраженных в исследованных отказных книгах. Полученные результаты затем сравниваются с данными современных говоров на рассматриваемой территории. Общей и для костромских, и для пошехонских говоров XVII в. оказывается уже по большому счету оформившаяся подсистема губно-зубных фонем с сопоставительными парами <в> — <ф> и <в'> — <ф'>, где <в> регулярно реализуется посредством [в] перед звонкими согласными и посредством [ф] в слабой позиции, а нестабильности в корреляции по твердости-мягкости не наблюдается, что сближает весь массив рассматриваемых говоров XVII в. с говорами центра. Однако некоторые особенности костромских (в рамках рассматриваемого ареала — восточных) говоров XVII в. (ряд нестандартных замен и написаний, обнаруженных в костромской отказной книге, недвусмысленно указывает на возможную реализацию <в> посредством [х] перед [т] и [п], наличие изменения [вн] → [мн], возможную реализацию <ф> посредством [х] либо [хв], на возможность билабиальной реализации фонемы <в>, а также на некоторую нестабильность корреляции по твердости-мягкости) отличают их от пошехонских (в рамках рассматриваемого ареала — западных) и показывают, что звук [ф] и мягкие губные были в них, по всей видимости, освоены недостаточно. Таким образом, оппозиция <в> — <ф> и <в'> — <ф'> в говорах, отраженных в костромской отказной книге, была менее устойчива, чем в синхронных пошехонских, что подтверждается дальнейшим развитием и большей пестротой реализаций <в> в слабой позиции на костромской периферии и по сей день. Диалектная картина, отраженная в памятниках деловой письменности и сохраняющаяся в рассматриваемых говорах до настоящего времени, оказывается неоднородной, причем неоднородность эта сложилась уже к XVII в.

Ключевые слова: губные фонемы; деловая письменность; историческая диалектология; историческая фонетика русского языка; история русского языка; костромские говоры; пошехонские говоры; севернорусские говоры

Для цитирования: Шатин В.Ю. О сопоставительных парах губных фонем в костромских и пошехонских говорах XVII в. и их дальнейшей судьбе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 4. С. 29–38.

ON LABIAL PHONEME PAIRS IN 17TH CENTURY KOSTROMA AND POSHEKHONYE DIALECTS AND ON THEIR FUTURE FATE

Vladimir Shatin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; vl.shatin@gmail.com

Abstract: In an article a new data of 17th century Kostroma and Poshekhonye business style documents is being considered. Based on it, we may come to a conclusion about the history of labial phonemes in northern Russian dialects. The results are then compared with the data of modern dialects in the territory under consideration. It turns out that in both Kostroma and Poshekhonye 17th century dialects a subsystem of labiodental phonemes was already comprised of four elements (<v> — <f> and <v'> — <f'>), where sound [v] represented <v> before voiced consonants and sound [f] represented this same phoneme in a weak position. However, some features of 17th century Kostroma (eastern within the considered area) dialects distinguished them from the Poshekhonye ones (western within the considered area). A number of non-standard substitutions and spellings found in Kostroma sources indicates the possible implementation of <v> by [h] before [t] and [p], the presence of a [wn] → [mn] change, the possible implementation of <f> by [h] or [hv], as well as the possibility of a bilabial representation of phoneme <v> and instability in <v> — <v'> correlation. All this data shows that the sound [f] in 17th century Kostroma dialects was not as common as in synchronous Poshekhonye dialects. Thus, the opposition <v> — <f> and <v'> — <f'> in the former was less stable than in the latter, which is confirmed by the further development and greater diversity of sounds representing <v> in a weak position in periphery Kostroma dialects to this day. This dialectal heterogeneity, which may both be observed in business style documents and is preserved in modern dialects, turns out to have already developed by the early 17th century.

Key words: business style documents; historical dialectology; historical phonetics of the Russian language; history of the Russian language; Kostroma dialects; labial phonemes; northern Russian dialects; Poshekhonye dialects; Russian dialectology

For citation: Shatin V.Yu. (2022) On Labial Phoneme Pairs in 17th Century Kostroma and Poshekhonye Dialects and on Their Future Fate. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 4, pp. 29–38.

Рассмотрение вопроса о сопоставительных парах губных фонем неразрывно связано с установлением их конкретных фонетических реализаций, а потому для начала обратимся к примерам, позволяющим сделать вывод о том, какими звуками фонема <в> реализовалась в слабых позициях в костромских и пошехонских говорах XVII в.

Материалом исследования послужили Костромская отказная книга 1619–1634 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 11086. Исследованы лл. 1–948 об. Далее — **Костр.**) и Пошехонская отказная книга 1615–1650, 1653 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 12540. Исследованы лл. 1–438 об. Далее — **Пош.**).

В **Костр.** встретились лишь два примера, отражающих позиционное оглушение <в> в конце слова: *семено^ф* ном. sg. 280; *тре^тяко^ф* ном. sg. 489 об.

Столь малое их число обусловлено, по всей видимости, графическим традиционализмом, не позволявшим писцам отражать это явление регулярно. Однако сам факт их наличия в **Костр.** указывает на позиционное оглушение <в> в конце слова в говорах, отраженных в данной отказной книге.

Имеется в **Костр.** также и ряд примеров оглушения в позиции перед глухим согласным: *виту^фтову* dat. sg. 682 об.; *фторо^в* ном. sg. 481, 927; *фторо^и* ном. sg. 776 об.; *ф поле* 28 об. х2, 29 об. х2; *пя^тдеся^т* 30 об.; *ф че^т* 786 об.; *яко^вле^фскова* gen. sg. 353 об.; и др.

Следующая группа примеров показывает, что в говоре, отраженном в **Костр.**, в слабой позиции перед глухими взрывными согласными [т] и [п] (как в начале фонетического слова, так и в его середине) была возможна свойственная некоторым великорусским говорам мена губных и заднеязычных: *вито^хтова* gen. sg. 299; *вито^хтова* gen. sg. 299 об.; *виту^хтова* gen. sg. 815; *х поле* loc. sg. 804, 805.

В статье А.К. Васильевой [Васильева, 1981] отмечается, что в одних говорах заднеязычные звуки в подобной позиции употребляются лишь перед губными согласными (как звонкими, так и глухими), в других — исключительно перед глухими губными (наиболее частая модель), а в третьих единственным условием является глухость следующего согласного, место же и способ его образования не важны [там же: 86].

В **Пош.** примеров, отражающих позиционное оглушение <в> в конце слова, не встретилось вовсе, что следует объяснять уже упоминавшимся графическим традиционализмом.

Однако в **Пош.** были обнаружены примеры позиционного оглушения <в> в позиции перед глухими смычными согласными: *фторо^и* ном. sg. 98 об.; *фторы^ика* ном. sg. 98 об.; *ф помѣсть^и* loc. sg. 5; *пошехо^иско^и* 5; *ф то^и* 53; *ф то^и* 52, 53.

В говоре, отраженном в **Пош.**, примеров мены губных и заднеязычных в слабой позиции перед глухими взрывными согласными обнаружить не удалось, что вновь может быть следствием графического традиционализма.

И, наконец, отдельно следует отметить, что во всем исследованном материале (и в **Костр.**, и в **Пош.**) нам встретилось лишь одно

написание, позволяющее предполагать окказиональную билабиальную реализацию фонемы <в>. Пример был обнаружен в **Костр.**, представлен в слабой позиции перед глухим согласным в начале фонетического слова и, во-первых, появляется в результате гиперкоррекции, а во-вторых, содержит исправление: *в¹садища* gen. sg. 116.

По данным ДАРЯ [ДАРЯ 1: 57] в современных говорах на интересующей нас территории (пятиугольник с вершинами в Пошехонье, Рыбинске, Костроме, Кологриве и Солигаличе) на месте фонемы <в> перед согласным в начале слова практически повсеместно преобладает реализация [в] перед звонким и [ф] перед глухим. Реализация [у] в обеих позициях представлена тремя очень небольшими островами в районе Солигалича, западнее Галича и юго-западнее Костромы. Западнее Костромы, а также южнее Кологрива несколькими островами покрупнее представлена реализация [в] в обеих позициях: как перед звонкими, так и перед глухими. Точечно на востоке представлены также глухие и звонкие заднеязычные (фрикативные) реализации, однако доля их крайне невелика.

Картину, представленную на карте, можно в целом описать следующим образом: западная (пошехонская) часть рассматриваемого ареала характеризуется гораздо меньшим числом нестандартных и отличных от [в] перед звонким и [ф] перед глухим реализаций (см. выше), чем его восточная (костромская) часть.

Что касается позиции в середине фонетического слова, то по данным ДАРЯ [там же: 56] произношение [в] перед звонкими при [ф] перед глухими представлено к северу от Волги между Пошехоньем и Чухломой максимально последовательно. Реализация [ў] перед звонкими и глухими согласными зафиксирована лишь небольшими островками (в районе Солигалича, Чухломы, Грязовца, северо-западнее Костромы). Одинаковая реализация [в] перед звонкими и глухими согласными возможна южнее Грязовца и западнее Костромы, но все эти ареалы крайне невелики. Остальные реализации ([х] перед глухими и прочие) единичны.

Можно сказать, что максимальной концентрацией нестандартных реализаций на карте характеризуются две небольших области: узкая полоса от Грязовца до Костромы и окрестности Солигалича и Чухломы.

Таким образом, ситуация в современных говорах на рассматриваемой территории в целом близка к ситуации в современных же говорах центра, где перед звонкими произносится [в], а перед глухими [ф]. Для позиции в начале слова в современных костромских и пошехонских говорах подобное распределение справедливо даже

¹ Исправлено на у.

в большей степени, чем для позиции в середине фонетического слова.

Все приведенные примеры свидетельствуют о том, что основной реализацией фонемы <в> в слабой позиции в рассматриваемых костромских и пошехонских говорах XVII в. был именно глухой губно-зубной звук [ф], а билабиальные реализации могли, хоть и чрезвычайно редко, присутствовать только на восточной костромской территории.

Отдельно приведем один интересный пример из **Пош.** (по глухости-звонкости позиция сильная): *якодевы* пом. рл. 435. Данное упрощение группы согласных [вл'] > [л'] засвидетельствовано также и в древненовгородском диалекте [Зализняк, 2004: 76, 77].

Отметим и ряд написаний, обнаруженных в **Костр.** и отражающих типичное для некоторых современных говоров на данной территории изменение кластера, зачастую начального, но порой прикрытого проклитиками, [вн] → [мн] (в обнаруженных примерах представлено лишь в одной лексеме): *мну*^к 832; *са мнукими* 789; *со мнука*^{ми} 790 об.; *со мнуко*^м 789 об.; *со мнучаты* 829.

По данным коллективной монографии «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров» [Образование..., 1970], изменение [вн] → [мн] признается лексически неограниченным в центральной части костромских говоров (преимущественно на территории чухломского акающего острова). На западе оно представлено лишь в отдельных словах, ведь даже характерное для центрального массива костромских говоров *мнук* зафиксировано здесь далеко не во всех говорах. В угличских говорах местами представлена также обратная мена типа *повню* и *вного*, которая, появившись в части ростово-суздальских говоров в XIII–XIV вв., по всей видимости, рано лексикализовалась, а затем распространилась там, где взаимодействие костромских говоров с инодиалектными особенностями проходило наиболее активно. Древним, т. е. появившимся в древнерусский или даже старорусский период, изменение [вн] → [мн], таким образом, считаться не может [там же: 302–304], а потому неудивительно, что в **Пош.** примеров, отражающих его, обнаружить не удалось.

В **Костр.** встретились также примеры, позволяющие предполагать отверждение реализаций фонемы <в'>.

[в'] → [в]: *вадени*^{хта} gen. sg. 431 об.; *деваносту* dat. sg. 37 об.; *дева*^м*ко* nom. sg. 805 об.

В **Пош.** подобных примеров обнаружить не удалось.

Обнаруженные в **Костр.** примеры, свидетельствующие о возможной нестабильности в корреляции по твердости-мягкости, можно отнести к граничащей с вологодскими части костромских

говоров, так как в основном массиве современных костромских и пошехонских говоров, по данным коллективной монографии «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров» [Образование..., 1970], представлена (как и в говорах центра) корреляция рассматриваемых губных фонем по твердости-мягкости [там же: 302].

Учитывая все приведенные выше данные, можно перейти к основному вопросу: можно ли считать, что в рассматриваемых говорах, отраженных в исследованных текстах, к XVII в. уже успела сложиться характерная для говоров центра система сопоставительных пар губных фонем <в> — <ф> и <в'> — <ф'>.

Обратимся к примерам, позволяющим судить о наличии в рассматриваемых говорах самостоятельных фонем <ф> и <ф'>. Что касается заимствованных имен, то в них буква **ф** в исследованных текстах употребляется правильно и регулярно

Костр.: *афона^{се}в* 929; *варфолом^ть*^и 292; *дорофеев^ь* 261; *ма^рфе* dat. sg. 58; *остафеи* п.р. 936; *па^мфи^л* п.р. 798; *хриса^нф^ь* 48; *ярофе^ико* 137 об.; и др.

Пош.: *дарафие^в* 224; *дороф^тью* 104; *прокоф^ев^ь* 120 об.; *timoф^тев^ь* 33; *трифано^в* 110 об.; *фе^тка* 120 об.; *филипе^в* 137; и др.

Этимологически правильное употребление **ф** в прочей заимствованной лексике нам не встретилось, что, однако, не удивительно, так как отказные книги служили определению прав владения, а потому имена собственные в них занимали место более важное, чем нарицательные существительные.

Как видим, буква **ф** в исследованных текстах употребляется достаточно правильно и регулярно, однако в обеих отказных книгах был обнаружен также и целый ряд замен.

Замены из **Костр.**

Прямые замены **ф** на **х**: *ону^хреи* 448.; *стахи^и* 927; *стах^ьи^и* п.р. 927; *стах^тико* 662 об.

Обратные им замены замены **х** на **ф**: *амфилофеи²* 49 об.; *а^нфилофеи^и* п.р. 48 об.; *евтиф^ьев^ь* 163 об.; *евтиф^тьико* 871 об.; *(еу)тиф^ьи^и* 297 об.; *малафеи^и* 699 об.; *малафие^в* 930 об.

Имеется в **Костр.** также и определенное число нестандартных замен, которые можно считать гиперкоррекцией.

Замены **ф** на **в**: *вила^тко^м* instr. sg. 412.; *с ви^лкою* так в ркп. «Филькою» 823 об.

Здесь же можно привести и ряд подобных написаний в еще одном антропониме, который, по всей видимости, лексикализировался в

² Здесь, а также в следующем примере могла повлиять и первая буква **ф** в данной лексеме, которая употреблена абсолютно верно.

новом фонетическом облике: *ма^тве^и* 850; *ма^твъе^вское²* gen. sg. 866 об.; *матвъевъ* 869 об.; *матвъ^и* п.р. 798 об.; и др.

Единственная в **Костр.** замена **ф** на **вф**: *тимо^вфе^и* 850 об.

Замена **ф** на **кф** (также единственная): *по^п кфедоръ* 407 об.

Предполагать за приведенными написаниями прямое отражение произношения (скажем, в случае замены **ф** на **кф**) тяжело, ведь на карте [ДАРЯ 1: 54] среди звуков, соответствующих <ф> и <ф'> литературного языка, ни одного подобного примера не обнаруживается. Костромской писец, по всей видимости, просто знал о возможной в подобных именах с **ф** вариативности и создавал эти формы либо исключительно гиперкорректно, либо же ошибочно восприняв на слух формы автономинации. Получиться они могли из сочетания [хв] посредством либо изменения, либо же отпадения первого элемента.

Отражены в **Костр.** также и традиционные лексикализованные замены **ф** на **п**: *агапи^п* 173 об.; *есипкомъ* instr. sg. 663 об.; *о^ссипо^в* 812; *останова* 842; *стена^п* п.р. 756, п.р. 937; и др.

Встретилась в **Костр.** также и одна необычная замена, хотя и подобная вышеприведенным, но лексикализации, очевидно, не подвергшаяся: *по^п п³едо^р* 438.

Замены из Пош.

Единственная прямая замена **ф** на **х**: *ховро^пица* 36.

Обратные замены замены **х** на **ф**: *е^встъфие^в* 33; *е^фтъфие^в* 84; *малафеева* асс. sg. 930 об.; *малафие^в* 322; *малафи^и* 226; *малафье^в* 95; *малафьева* gen. sg. 47, 50; *молафиеву* dat. sg. 50; *стафи^и* 78 об.

В **Пош.** также имеется некоторое число нестандартных замен, которые можно считать гиперкоррекцией, но их здесь на порядок меньше, чем в **Костр.**

Замены **ф** на **в** представлены лишь в антропониме, лексикализовавшемся в новом фонетическом облике: *ма^твие^в* nom. sg. 221 об., 293; *мо^твъе^в* nom. sg. 43 об.; *матъвия* gen. sg. 136; и др.

Лексикализованные замены **ф** на **п** в **Пош.** отражены не очень широко, были обнаружены лишь два примера: *степано^в* 370; *степано^п* instr. sg. 370.

Отдельно приведем два крайне интересных написания с заменами **ф** на **п** (принадлежат иному, нежели примеры *степано^в* 370 и *степано^п* instr. sg. 370, писцу): *п поле* loc. sg. 219, 220.

Объяснить их можно следующим образом: во-первых, здесь можно предполагать отражение какого-либо позиционного изменения реализации фонемы <в> в слабой позиции перед следующим глухим взрывным [п] (изменение консонантного кластера посред-

³ Исправлено на **ф**, можно также предположить и графическую ассимиляцию.

ством регрессивной ассимиляции с последующим появлением смычного и т. п.), а во-вторых, причиной подобного написания могла стать банальная гиперкоррекция писца, знавшего, что некоторым звукам [ф] в его речи соответствует «правильное» написание с **п**, чему, однако, могли мешать представления о правильном написании предлога *в*. Последнее замечание также объясняет редкость подобных примеров.

Приведем и обратные замены **п** на **ф** (которых, заметим, в **Костр.** не было вовсе, но в **Пош.** они представлены достаточно широко в ряде имен, уже подвергшихся, по всей видимости, лексикализации): *аграфъны* gen. sg. 368 об.; *агрофъны* gen. sg. 435 об.; *огрофъне* dat. sg. 373, 373 об.; *огрофънину* acc. sg. 373 об.; *огрофънко* 240; *огрофъною* 366; *огрофъны* gen. sg. 366; *прокофие*^в 98 об.; *прокофиевъ* 98, 98 об.; *прокофиевы* nom. pl. 98 об.; *фарафоно*^в 307 об.

Имеется в **Пош.** также и единственная замена **ф** на **к**: *проскуръни* nom. sg. 8.

При сравнении материалов, представленных в исследованных отказных книгах, в глаза сразу бросается большее число нестандартных (**ф** на **в**, **вф** и **кф**) замен в **Костр.** и бо́льшая освоенность писца-ми **Пош.** написаний с буквой **ф**.

На разницу в консонантизме рассматриваемых говоров XVII в. указывают также уже приводившиеся примеры из **Костр.** (*вадени^хта* gen. sg. 431 об.; *деваносту* dat. sg. 37 об.; *дева^тко* nom. sg. 805 об.), свидетельствующие о возможной несформированности корреляции по твердости-мягкости в части костромских говоров, и отсутствие подобных примеров в **Пош.**

По данным Диалектологического атласа русского языка [ДАРЯ 1: 54], в современных говорах на интересующей нас территории (см. выше) в соответствии с <ф> и <ф'> литературного языка практически не знают исключений парные реализации [ф] и [ф']. Западнее Чухломы, восточнее Солигалича, северо-восточнее Грязовца и на полпути между Костромой и Пошехоньем можно наблюдать несколько небольших ареалов, где на их месте в единичных случаях представлены [хв] и/или [х] — [хв'] и/или [х']. Между Галичем и Костромой в одном населенном пункте в ограниченном круге лексики наблюдаются также и реализации в [п]. Все это вновь указывает на специфику восточной части рассматриваемого ареала, где число нестандартных реализаций возрастает.

По данным коллективной монографии «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров» [Образование..., 1970] для современных костромских говоров (и костромские, и пошехонские говоры по классификации, представленной в этой работе, относятся к западной части костромских) характерна такая черта

говоров центра, как наличие сопоставительных пар фонем <в> — <ф> и <в'> — <ф'>, а отдельные ареалы с высоко сонорными билабиальными реализациями <в> ([w] или [ʝ]) находятся ближе к вологодским говорам, т. е. на северной периферии рассматриваемого ареала [там же: 302–304].

Таким образом, можно заключить, что общей для костромских и пошехонских говоров была и остается регулярная реализация <в> как [в] перед звонкими согласными и как [ф] в слабых позициях, а также сформированность корреляции рассматриваемых фонем по твердости-мягкости. К XVII в. мы можем наблюдать в говорах, отраженных в исследованных отказных книгах, уже по большому счету оформившуюся систему с сопоставительными парами фонем <в> — <ф> и <в'> — <ф'>, свойственную говорам центра [Галинская, 2002: 244].

Однако ряд особенностей отличает костромские говоры XVII в. от пошехонских: перед глухими [т] и [п] в них была возможна также и реализация <в> посредством [х], изменение [вн] → [мн] было представлено в костромских говорах уже в начале XVII в., целый ряд нестандартных замен и написаний, обнаруженных в **Костр.**, указывает на меньшую, по всей видимости, освоенность звука [ф] носителями говоров, отраженных в данной отказной книге. Корреляция по твердости-мягкости <в> — <в'> в костромских говорах XVII в. (или, по крайней мере, в их части) была, по всей видимости, также менее развита, чем в синхронных пошехонских.

Все эти особенности свидетельствуют о пестрой диалектной картине: западная (пошехонская) часть рассматриваемых говоров, была в этом звене их фонетической системы ближе к говорам центра, чем восточная (костромская), где складывающаяся оппозиция <в> — <ф> и <в'> — <ф'> была еще не столь устойчива (ср. примеры из **Костр.**, указывающие на возможные реализации <ф> посредством [х] / [хв], а также на возможную билабиальную реализацию фонемы <в> и на примеры, свидетельствующие о нестабильности корреляции по твердости-мягкости), что подтверждается дальнейшим развитием на рассматриваемой территории и большей пестротой реализаций <в> в слабой позиции на костромской периферии и по сей день.

ИСТОЧНИКИ

Костр. — Костромская отказная книга 1619–1634 гг. // РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 11086.
Пош. — Пошехонская отказная книга 1615–1650, 1653 гг. // РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 12540.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева А.К. Специфика поведения губных спирантов в говорах севернорусского наречия // Диалектология и лингвогеография русского языка / Под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей, Е.Г. Буровой. М., 1981. С. 76–91.
2. Галинская Е.А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.
3. Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. 1. Фонетика / Под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. М., 1986.
4. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
5. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (По материалам лингвистической географии) / Отв. ред. В.Г. Орлова. М., 1970.

SOURCES

Kostromskaya otkaznaya kniga 1619–1634 gg.
Poshexonskaya otkaznaya kniga 1615–1650, 1653 gg.

REFERENCES

1. Vasil'eva A.K. Specifika povedeniya gubnyx spirantov v govorax severnorusskogo narechiya [The specificity of labial spirants' behavior in northern Russian dialects]. *Dialektologiya i lingvogeografiya russkogo yazyka*, 1981, pp. 76–91. (In Russ.)
2. Galinskaya E.A. Istoricheskaya fonetika russkix dialektov v lingvogeograficheskom aspekte [Historical phonetics of Russian dialects in an aspect of linguistic geography]. Moscow, *Izd-vo MGU*, 2002. 272 p.
3. Dialektologicheskij atlas russkogo yazyka (Tsentr evropejskoj chasti SSSR). Vyp. 1. Fonetika [Dialectological atlas of the Russian language (Center of the European part of USSR). Part I. Phonetics]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1986.
4. Zaliznyak A.A. Drevnenovgorodskij dialekt [Old Novgorod dialect]. Moscow, *Yazyki slavyanskoj kul'tury*, 2004. 872 p.
5. Obrazovanie severnorusskogo narechiya i srednerusskix govorov (Po materialam lingvisticheskoy geografii) [The formation of the North Russian dialect and central Russian dialects (Based on linguistic geography materials)]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1970.

Поступила в редакцию 27.02.2022

Принята к публикации 24.05.2022

Отредактирована 14.06.2022

Received 27.02.2022

Accepted 24.05.2022

Revised 14.06.2022

ОБ АВТОРЕ

Шатин Владимир Юрьевич — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; vl.shatin@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir Shatin — PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; vl.shatin@gmail.com

ACOUSTIC CORRELATES OF THE NATIVE LANGUAGE SPEAKER IDENTITY

Rodmonga Potapova, Vsevolod Potapov, Irina Kuryanova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; rkpotapova@yandex.ru
M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
volikpotapov@gmail.com*

*Moscow Research Center of the Department of Regional Security
and Anti-Corruption, Moscow, Russia; ivkuryanova@mail.ru*

Abstract: When identifying a speaker by voice and speech, a special role belongs to the specifics of the utterance prosodics. The average value of the fundamental frequency (F_0) is traditionally considered an essential feature in the identification study of speech, since it is characterized by a fairly high degree of inter-speaker variability. In order to analyze informative acoustic correlates that enable identification of a foreign speaker, a study was conducted on the basis of the SIS II automated platform involving the material of the Tajik and Romany languages. In this study, in relation to the languages mentioned, the most informative values for identification comparison are fundamental frequency (F_0) values. In general, acoustic correlates acquire identification significance only in combinations of features, in their frequency and recurrence; therefore, in order to obtain reliable identification results, it is necessary to detect a broad range of prosodic characteristics of unprepared non-native speech. The realization of prosodic means of shaping a speech utterance is the basic factor in recognizing a non-native language by a forensic expert who does not speak the language under study and identifying “speakers” who speak a language that is not native to the forensic experts.

Key words: speech prosody; non-native speech identification; speech utterance macrosegmentation; speech frequency contour

Funding: This research is supported by the Russian Science Foundation, Project No 22-28-01050 (head of the research project: Prof. ScD Rodmonga Potapova).

For citation: Potapova R., Potapov V., Kuryanova I. (2022) Acoustic Correlates of the Native Language Speaker Identity. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 4, pp. 39–49.

АКУСТИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОВОРЯЩЕГО

Р.К. Потапова, В.В. Потапов, И.В. Курьянова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; rkpotapova@yandex.ru

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; volikpotapov@gmail.com

Московский исследовательский центр Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции, Москва, Россия; ivkuryanova@mail.ru

Аннотация: При идентификации говорящего по голосу и речи особая роль принадлежит специфике просодической оформленности высказывания. Среднее значение частоты основного тона традиционно считается существенным признаком при идентификационном исследовании речи, так как характеризуется достаточно высокой степенью междикторской вариативности. Для анализа информативных акустических коррелятов, позволяющих идентифицировать иноязычного говорящего, на базе автоматизированной платформы SIS II проведено исследование на материале таджикского и цыганского языков. В данном исследовании применительно к указанным языкам наиболее информативными для идентификационного сопоставления предстают значения частоты основного тона. В целом идентификационную значимость акустические корреляты приобретают только в комбинаторике, в их частотности и повторяемости, поэтому для получения достоверных результатов идентификации необходимо обнаружение целого комплекса просодических характеристик неподготовленной иноязычной речи. Реализация просодических средств оформления речевого высказывания является базовым фактором при распознавании экспертом-криминалистом, не владеющим исследуемым языком, иноязычной речи и идентификации говорящих на неродном языке «дикторов».

Ключевые слова: речевая просодия; идентификация иноязычной речи; макросегментация речевого высказывания; мелодическая огибающая высказывания

Финансирование: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-01050 (руководитель научного проекта: д-р филол. наук, проф. Р.К. Потапова).

Для цитирования: Потапова Р.К., Потапов В.В., Курьянова И.В. Акустические корреляты языковой идентичности говорящего // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 4. С. 39–49.

1. Introduction

1. Введение

Speech communication is a two-way process that involves not only the generation of speech, but also its perception, that is, auditory perception. At the same time, the generation, transmission and reception of a verbal message are only part of the overall process of communication as a whole. Comprehensive interdisciplinary research [Potapova, Potapov, 2006; Potapova, Potapov, 2012; Potapova, Potapov, Lebedeva, Agibalova, 2015] consider the process of communication not only with respect to the verbal specifics of its implementation, but also relying on paraverbal (intonational-rhythmic), non-verbal (facial expressions and gestures) and extraverbal (environment) means (see works by R.K. Potapova).

In the analytical study of the verbal and paraverbal characteristics of communication, the solution of forensic science problems is of particular importance, in particular, the identification of a person by voice and non-native spoken language. Paraverbal means of speech, in particular, prosody, play a special role in the analysis of speech behavior of a communicant speaking a foreign language, for the purpose of their subsequent identification [Potapova, 1999; Potapova, 2002; Potapova, Potapov, 2006 et al.]. The study of speech prosody to identify those acoustic correlates of speech that make it possible to identify a foreign speaker in a language unknown to an expert is an important task of modern instrumental phonetics and speech acoustics [Kuryanova, 2017]. In Russia, the first fundamental research in this area was performed under the supervision of R.K. Potapova on the material of Arabic, Chechen, English, French, Georgian, German, Lithuanian, Polish and Turkish [Potapova, 1999; Potapova, Potapov, 2001; Potapova, Potapov, 2011; Potapova, Potapov, 2019 et al.], during which informative characteristics of non-native speech perception were identified in relation to the speaker. In this regard, it is important to pay attention to auditory perception due to interlingual interference. In this situation, the listener must use various sets of perceptual patterns of phonetic units. During auditory decoding of foreign language utterances, listeners construct phonemic, syllabic, rhythmic and prosodic models of speech utterances in their native language. The problem of auditory perception of speech is associated with the problems of identifying voice and speech not with reliance on a visual image, but exclusively on an auditory image (ear-witness), in the field of forensic phonetics and with the linguistic competence of forensic experts, primarily forensic phoneticians [Hollien, 1990; Potapova, Potapov, 2014; Galyashina, 2021].

2. Suprasegmental level of speech continuum

2. Супraseгментный уровень звучащей речи

Speech communication is realized both at the segmental and suprasegmental levels. With regard to the study of foreign speech for forensic purposes, the fundamental means of speech communication is prosody that acts as an operational unit for the perception of unknown speech and plays a primary role in the primary recognition of a foreign speaker and personality identification [Potapova, Potapov, 2006; Potapova, Potapov, 2008; Potapova, Potapov, 2012; Potapova, Potapov, Lebedeva, Agibalova, 2015; Kuryanova, 2017]. Prosody is an essential component of any speech unit and has such informative features that make it possible to segment speech, identify and portray (assign attributes of the speaker) (profiling), etc. [Potapova, Potapov, 2006; Potapova, Potapov, 2008; Potapova, Potapov, 2012; Potapova, Potapov, Lebedeva, Agibalova, 2015].

Prosody is defined as a set of suprasegmental means at two levels: at the level of perception (pitch, tempo, loudness) and at the physical level (fundamental frequency (Hz), speech rate (Ns/sec), intensity (dB)) [Potapova, 1986; Potapova, 1997b; Potapova, Potapov, 2012; Potapova, Potapov, Lebedeva, Agibalova, 2015]. Pitch and fundamental frequency (F_0) are often used interchangeably in intonation studies. It should be emphasized that fundamental frequency (F_0) refers to the physical property of the speech signal, which is directly related to the speed of vibration of the vocal cords, and the pitch refers to the *perception* (see, for example, [Arvaniti, 2022]). Paraverbal variability of speech utterance can be considered as a function of the speaker's conceptual goal setting, while the acoustic elements of the prosodic structure are not equivalent in the transmission of connotative speech information [Potapova, 1997a; Potapova, Potapov, 2006]. One of the determining factors in solving the issue of identification is the speaker's linguistic affiliation, which manifests itself primarily in the rhythmic organization of the utterance [Potapov, 2001].

The potential of a comparative study of the rhythmic organization of various fragments of a speech signal is provided by relative stability in the process of implementing the melodic shaping of utterances [Kuryanova, 2017]. The syntagma melodic contour is traditionally understood as a trajectory of change in the fundamental frequency, which is realized in a certain speech segment [Potapova, 1994; Potapova, 1995; Ladd, 1996]. The syntagma includes a pre-nuclear part (or pre-head, pre-center), a nuclear part (or head, center) and a post-nuclear part (or post-head, post-center).

3. Informative acoustic correlates of non-native spontaneous speech

3. Информативные акустические корреляты устной спонтанной иноязычной речи

In terms of syntagmatics, any sound signal can be described by a certain set of physical characteristics that correspond to subjective sensations (for example, fundamental frequency $\leftrightarrow$ voice pitch, etc.) [Künzel, 1995; Künzel, 2000; Potapova, Potapov, 2006; Potapova, Potapov, 2012]. A special role in syntagmatics is played by the factor of distribution of frequency, dynamic and temporal parameters.

Perceptual processing of these acoustic events results in an auditory representation, which entails a substantial reduction of the variation present in the acoustic signal and produces a segmentation into syllable-sized units. Due to this segment, a continuous speech signal is converted into a sequence of short fragments. This process has a decisive influence on the *perception* of such prosodic attributes as pitch, loudness, and duration. For example, a change in the fundamental frequency (F_0) is converted into a sequence of pitch steps and pitch movements. Also, the appearance of syllables correlates with such derived prosodic attributes as prominence, speech rate, and rhythm [Mertens, 2022: 259].

To analyze informative acoustic correlates that enable identification of a non-native speaker, a study was conducted on the basis of the SIS II automated platform on the material of Tajik and Romany languages, as the most popular ones, taking into account the tasks of modern forensic science. The types/subtypes of the contour of the analyzed speech signal were classified according to the direction of the fundamental frequency (F_0) movement (ascending, descending, ascending-descending, etc.) and according to the fundamental frequency (F_0) value of the syntagma section relative to the boundaries of the fundamental frequency (F_0) range (low/high melodic pattern (contour) level). These realizations of syntagma sections differentiate various functionally loaded contour types and can be used to reflect the regional specifics of the usage of the same type of contour [Nolan, 1997; Kuryanova, 2011; Goloshchapova, Kuryanova, 2012]. In the course of the study, the types and subtypes of the syntagma contour classified in this way were analyzed according to the following parameters: the values of the initial and final fundamental frequency (F_0), the maximum and minimum fundamental frequency (F_0) values, the mean value of the fundamental frequency (F_0), temporal localization of the maximum and minimum (coordinate of the maximum/minimum value of the fundamental frequency (F_0) as a percentage of the total duration of the selected fragment), the difference between the maximum and minimum values of the fundamental frequency (F_0), the rate of change in the fundamental frequency (F_0), the angle or asymmetry (degree of asymmetry

in the distribution of fundamental frequency (F_0) values relative to the mean value), the excess kurtosis (degree of uniformity in the fundamental frequency (F_0)) distribution, the irregularity coefficient of the fundamental frequency (F_0) contour, the duration of the selected fragment.

Prosodic parameters have varying degrees of identification significance for a conclusion about the identity of voice and speech. The mean value of the fundamental frequency (F_0) is traditionally considered an essential feature in the identification study of speech [Zlatoustova, Potapova, Potapov, Trunin-Donskoy, 1997; Nolan, 2002; Potapova, Mikhailov, 2012; Potapova, Potapov, Lebedeva, Agibalova, 2015], since it is characterized by a fairly high degree of inter-speaker variability. In the course of the study, in relation to the languages mentioned, it was found that the most informative for identification comparison are the values of the fundamental frequency (F_0) (first of all, the minimum value of the fundamental frequency of the nuclear ascending and nuclear descending tones, as well as the values of the mean, initial and final fundamental frequency). These values are characterized by stability, regularity of manifestation and rather low intra-speaker variability. The rest of the analyzed acoustic parameters have a low distinguishing capability. The use of these parameters when identifying a speaker may be relevant in cases where the speaker's speech consistently shows pronounced differences from the typical nature of the implementation of a particular feature [Kuryanova, 2017].

When studying the rhythmic organization of speech, such issues as belonging to the style/kind of pronunciation, type of pronunciation (complete/incomplete, emotionally neutral/emotionally colored, prepared/unprepared speech production, etc.) come to the fore [Potapov, 2001; Potapova, Potapov, 2006]. It has been established that a change in the physical or emotional state of the speaker can significantly change the variability of the fundamental frequency [Hart, Collier, Cohen, 1990; Ladd, 1996; Zlatoustova, Potapova, Potapov, Trunin-Donskoy, 1997; Potapova, Potapov, 2011; Potapova, Potapov, Lebedeva, Agibalova, 2015]. Depending on the situation, the conditioned differences in the mean fundamental frequency caused, for example, by the contradiction between the physical and emotional state of the speaker, recording conditions, speech style and communicative situation, represent the greatest difficulty in identification studies [Hart, Collier, Cohen, 1990; Ladd, 1996; Zlatoustova, Potapova, Potapov, Trunin-Donskoy, 1997; Nolan, 2002; Potapova, Mikhailov, 2012; Potapova, Potapov, Lebedeva, Agibalova, 2015]. The analysis of the material used for the comparison showed that the indicated "speakers" were in different emotional states, which caused significant differences in certain prosodic characteristics of speech. The study of these phonograms made it possible to determine the dominant voice characteristics that are most susceptible to modifications during an

emotional shift (for the speech of “speakers” in both Tajik and Romany languages), which are presented in the table.

Thus, the identification comparison of phonograms by prosodic parameters should be preceded by a thorough perceptual-auditory analysis of the speech material in order to establish the factors that affect the degree of reliability of identification conclusions. Still, in the process of solving constant practical problems of this kind, it was revealed that trained experts who do not speak Tajik and Romany languages can almost equally identify and analyze the prosodic features of speech as experts who speak the studied languages or are native speakers of these languages. Naturally, the analytical and perceptual-auditory abilities of experts play a significant role, which is associated with a preliminary rigorous screening of candidates for performing tasks of this kind.

Table

Dominant characteristics of voice and speech subject to greatest modifications in various emotional states of the “speaker”

Доминирующие характеристики голоса и речи, подверженные наибольшему модификациям при различном эмоциональном состоянии «диктора»

Characteristics of voice and speech (in descending order)	Percentage of mismatches for the Tajik language	Percentage of mismatches for the Romany language
Melodic contour features	33,8% of the total number of mismatched features	29,9% of the total number of mismatched features
Temporal features	17,7% of the total number of mismatched features	18,3% of the total number of mismatched features
Loudness level	14,6% of the total number of mismatched features	13,8% of the total number of mismatched features
Pausation features	7,8% of the total number of mismatched features	7,1% of the total number of mismatched features
Articulation quality	6,8% of the total number of mismatched features	6,2% of the total number of mismatched features

4. Conclusion

4. Заключение

All of the above indicates the basic role of a multi-parameter analysis of a speech utterance, taking into account acoustic and perceptual-auditory characteristics. The correctness of perception of non-native speech at the suprasegmental level depends on the perceptual standards of listeners, while the presence of prosodic models of the native language in their mind does not prevent the correct identification of non-native prosodic

models (in relation to non-tonal languages) based on the analysis of the fundamental frequency (F_0) values. Acoustic correlates that characterize the speech structure are manifested in a specific distribution within the syntagma and in the phrase as a whole and are significant for identification of non-native speakers. The acoustic correlates described above acquire identification significance only in mutual combinations of features, in their frequency and recurrence; therefore, in order to obtain reliable identification results, it is necessary to identify precisely the set of prosodic characteristics of non-native spontaneous speech.

REFERENCES

1. Arvaniti A. The Autosegmental-Metrical Model of Intonational Phonology. *Barnes J., Shattuck-Hufnagel S. (eds.) Prosodic theory and practice*. Massachusetts, The MIT Press, 2022, pp. 26–63.
2. Galyashina Ye.I. *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza* [Forensic linguistic expertise]. Moscow, Prospekt, 2021. (In Russ.)
3. Goloshchapova T.I., Kuryanova I.V. Issledovaniye suprasegmentnogo urovnya zvuchashchey rechi pri identifikatsii inoyazychnykh diktirov [The study of the suprasegmental level of sounding speech in the identification of foreign speakers]. *Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii "Informatizatsiya i informatsionnaya bezopasnost' pravookhranitel'nykh organov"*. Moscow, 2012, pp. 273–278. (In Russ.)
4. Hart J., Collier R., Cohen A.A. *Perceptual Study of Intonation: An experimental-phonetic approach to speech melody*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990.
5. Hollien H. *The Acoustics of Crime: The New Science of Forensic Phonetics*. New York, Plenum Press, 1990.
6. Kuryanova I.V. Analiz melodicheskogo kontura vyskazyvaniy s tsel'yu identifikatsii inoyazychnykh diktirov [Analysis of the melodic contour of statements in order to identify foreign speakers]. *Materialy mezhdunarodnoy konferentsii "Speech and computer" (SPECOM'2011) / Otv. red. R. Potapova*. Moscow, 2011, pp. 405–409. (In Russ.)
7. Kuryanova I.V. *Identifikatsionnyye kharakteristiki inoyazychnogo govoryashchego (ekspertno-kriminalisticheskii aspekt)* [Identification characteristics of a foreign speaker (forensic aspect)]. Diss. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2017. (In Russ.)
8. Künzle H.J. Field Procedures in forensic speaker recognition. *Lewis J.W. (ed.) Studies in general and English phonetics. Essays in honour of J.D. O'Connor*. London, Routledge, 1995, pp. 68–84.
9. Künzle H.J. Effects of voice disguise on speaking fundamental frequency. *Forensic Linguistics*, 2000, № 7, pp. 149–179.
10. Ladd D.R. *Intonational Phonology*. Cambridge, Cambridge University Press, 1996.
11. Mertens P. The Prosogram Model for Pitch Stylization and Its Applications in Intonation Transcription. *Barnes J., Shattuck-Hufnagel S. (eds.) Prosodic theory and practice*. Massachusetts, The MIT Press, 2022, pp. 259–286.
12. Nolan F. Speaker recognition and forensic phonetics. *Gibbons J. (ed.) A handbook of phonetic sciences*. Oxford, Blackwell, 1997, pp. 744–767.
13. Nolan F. Intonation in speaker identification: An experiment on pitch alignment features. *Forensic Linguistics*, 2002, № 9 (1), pp. 1–21.
14. Potapov V.V. *Dynamik und Statik des sprachlichen Rhythmus: Eine vergleichende Studie zum slavischen und germanischen Sprachraum*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau Verlag, 2001.

15. Potapova R.K. Parametricheskaya mikro- i makrosegmentatsiya slitnoy rechi [Parametric micro- and macro-segmentation of continuous speech]. *Problemy fonetiki i fonologii. Materialy Vsesoyuznogo soveshchaniya*. Moscow, 1986, pp. 85–90. (In Russ.)
16. Potapova R.K. Akustiko-lingvisticheskoye dekodirovaniye rechevogo signala kak bazovaya sostavlyayushchaya fonoskopicheskogo analiza v kriminalistike [Acoustic-linguistic decoding of a speech signal as a basic component of phonoscopic analysis in forensics]. *Materialy mezhdunarodnoy konferentsii "Informatizatsiya pravookhranitel'nykh sistem"*. Moscow, 1994, pp. 34–35. (In Russ.)
17. Potapova R.K. Teoreticheskiye i prikladnyye aspekty rechevoy segmentologii [Theoretical and applied aspects of speech segmentology]. *Problemy fonetiki II*. Moscow, 1995, pp. 7–20. (In Russ.)
18. Potapova R.K. *Konnotativnaya paralingvistika* [Connotative paralinguistics]. Moscow, Triada, 1997a. (In Russ.)
19. Potapova R.K. *Rech': kommunikatsiya, informatsiya, kibernetika* [Speech: communication, information, cybernetics]. Moscow, Radio i svyaz', 1997b. (In Russ.)
20. Potapova R.K. Some aspects of forensic phonetics experts learning (on the basis of Russian). *International Workshop "Speech and Computer" (SPECOM'1999)*. Moscow, Moscow State Linguistic University, 1999, pp. 208–211.
21. Potapova R.K. Beiträge zum Problem der kontrastiven Phonetik. *Phonetics and its Applications. Festschrift for J.-P. Köster on the Occasion of his 60th Birthday*. Wiesbaden, Franz Steiner Verlag, 2002, pp. 165–177.
22. Potapova R.K., Mikhaylov V.G. *Osnovy rechevoy akustiki* [Fundamentals of speech acoustics]. Moscow, Rema, 2012. (In Russ.)
23. Potapova R.K., Potapov V.V. Auditory perception to speech by non-native speaker. *International Workshop "Speech and Computer" (SPECOM'2001)*. Moscow, Moscow State Linguistic University, 2001, pp. 205–214.
24. Potapova R.K., Potapov V.V. *Yazyk, rech', lichnost'* [Language, speech, personality]. Moskva, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2006. (In Russ.)
25. Potapova R.K., Potapov V.V. Vospriyatiye emotsional'nogo povedeniya inoyazychnykh i inokul'turnykh kommunikantov [Perception of the emotional behavior of foreign-speaking and foreign-cultural communicants]. *Fonetika i nefonetika. K 70-letiyu S.V. Kodzasova*. Moskva, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008, pp. 602–616. (In Russ.)
26. Potapova R.K., Potapov V.V. *Kommunikative Sprechttätigkeit. Russland und Deutschland im Vergleich*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau Verlag, 2011.
27. Potapova R.K., Potapov V.V. *Reчевaya kommunikatsiya: Ot zvuka k vyskazyvaniyu* [Speech communication: From sound to utterance]. Moskva, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. (In Russ.)
28. Potapova R., Potapov V. Associative mechanism of foreign spoken language perception (forensic phonetic aspect). *Ronzhin A., Potapova R., Delic V. (eds.) SPECOM 2014*. LNAI 8773. Cham, Springer, 2014, pp. 113–122.
29. Potapova R.K., Potapov V.V. Some elaboration methods for written and spoken multilingual databases. *Moscow University Philology Bulletin*, 2019, № 3, pp. 71–91.
30. Potapova R.K., Potapov V.V., Lebedeva N.N., Agibalova T.V. *Mezhdistsiplinarnost' v issledovanii rechevoy poliinformativnosti* [Interdisciplinarity in the study of speech polyinformativity]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2015. (In Russ.)
31. Zlatoustova L.R., Potapova R.K., Potapov V.V., Trunin-Donskoy V.N. *Obshchaya i prikladnaya fonetika* [General and applied phonetics]. Moscow, Moscow State University, 1997. (In Russ.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Галяшина Е.И.* Судебная лингвистическая экспертиза. М., 2021.
2. *Голощапова Т.И., Курьянова И.В.* Исследование супraseгментного уровня звучащей речи при идентификации иноязычных дикторов // Материалы Всероссийской научной конференции «Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов». М., 2012. С. 273–278.
3. *Златоустова Л.Р., Потапова Р.К., Потапов В.В., Трунин-Донской В.Н.* Общая и прикладная фонетика. М., 1997.
4. *Курьянова И.В.* Анализ мелодического контура высказываний с целью идентификации иноязычных дикторов // Материалы Международной конференции “Speech and computer” (SPECOM’2011) / Отв. ред. Р.К. Потапова. М., 2011. С. 405–409.
5. *Курьянова И.В.* Идентификационные характеристики иноязычного говорящего (экспертно-криминалистический аспект). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2017.
6. *Потапова Р.К.* Параметрическая микро- и макросегментация слитной речи // Проблемы фонетики и фонологии. Материалы Всесоюзного совещания (ноябрь 1986 г.). М., 1986. С. 85–90.
7. *Потапова Р.К.* Акустико-лингвистическое декодирование речевого сигнала как базовая составляющая фоноскопического анализа в криминалистике // Материалы Международной конференции «Информатизация правоохранительных систем». М., 1994. С. 34–35.
8. *Потапова Р.К.* Теоретические и прикладные аспекты речевой сегментологии // Проблемы фонетики II. М., 1995. С. 7–20.
9. *Потапова Р.К.* Коннотативная паралингвистика. М., 1997а.
10. *Потапова Р.К.* Речь: коммуникация, информация, кибернетика. М., 1997б.
11. *Потапова Р.К., Михайлов В.Г.* Основы речевой акустики. М., 2012.
12. *Потапова Р.К., Потапов В.В.* Язык, речь, личность. М., 2006.
13. *Потапова Р.К., Потапов В.В.* Восприятие эмоционального поведения иноязычных и инуюльтурных коммуникантов // Фонетика и нефонетика. К 70-летию С.В. Кодзасова. М., 2008. С. 602–616.
14. *Потапова Р.К., Потапов В.В.* Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. М., 2012.
15. *Потапова Р.К., Потапов В.В., Лебедева Н.Н., Агбалова Т.В.* Междисциплинарность в исследовании речевой полиинформативности. М., 2015.
16. *Arvaniti A.* The Autosegmental-Metrical Model of Intonational Phonology // Barnes J., Shattuck-Hufnagel S. (eds.) Prosodic theory and practice. Massachusetts, 2022. P. 26–63.
17. *Hart J., Collier R., Cohen A.A.* Perceptual Study of Intonation: An experimental-phonetic approach to speech melody. Cambridge, 1990.
18. *Hollien H.* The Acoustics of Crime: The New Science of Forensic Phonetics. New York, 1990.
19. *Künzel H.J.* Field Procedures in forensic speaker recognition // Lewis J.W. (ed.) Studies in general and English phonetics. Essays in honour of J.D. O’Connor. London, 1995. P. 68–84.
20. *Künzel H.J.* Effects of voice disguise on speaking fundamental frequency // *Forensic Linguistics*. 2000. № 7. P. 149–179.
21. *Ladd D.R.* Intonational Phonology. Cambridge, 1996.
22. *Mertens P.* The Prosogram Model for Pitch Stylization and Its Applications in Intonation Transcription // Barnes J., Shattuck-Hufnagel S. (eds.) Prosodic theory and practice. Massachusetts, 2022. P. 259–286.

23. Nolan F. Speaker recognition and forensic phonetics // Gibbons J. (ed.) A handbook of phonetic sciences. Oxford, 1997. P. 744–767.
24. Nolan F. Intonation in speaker identification: An experiment on pitch alignment features // *Forensic Linguistics*. 2002. № 9 (1). P. 1–21.
25. Potapov V.V. *Dynamik und Statik des sprachlichen Rhythmus: Eine vergleichende Studie zum slavischen und germanischen Sprachraum*. Köln, Weimar, Wien, 2001.
26. Potapova R.K. Some aspects of forensic phonetics experts learning (on the basis of Russian) // International Workshop “Speech and Computer” (SPECOM’1999). Moscow State Linguistic University, 1999. P. 208–211.
27. Potapova R.K. Beiträge zum Problem der kontrastiven Phonetik // *Phonetics and its Applications. Festschrift for J.-P. Köster on the Occasion of his 60th Birthday*. Wiesbaden, 2002. P. 165–177.
28. Potapova R.K., Potapov V.V. Auditory perception to speech by non-native speaker // International Workshop “Speech and Computer” (SPECOM’2001). Moscow State Linguistic University, 2001. P. 205–214.
29. Potapova R.K., Potapov V.V. *Kommunikative Sprechfähigkeit. Russland und Deutschland im Vergleich*. Köln, Weimar, Wien, 2011.
30. Potapova R., Potapov V. Associative mechanism of foreign spoken language perception (forensic phonetic aspect) // Ronzhin A., Potapova R., Delic V. (eds.) *SPECOM 2014. LNAI 8773*. Cham, 2014. P. 113–122.
31. Potapova R.K., Potapov V.V. Some elaboration methods for written and spoken multilingual databases // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология*. 2019. № 3. С. 71–91.

Поступила в редакцию 01.04.2022

Принята к публикации 24.05.2022

Отредактирована 14.06.2022

Received 01.04.2022

Accepted 24.05.2022

Revised 14.06.2022

ABOUT THE AUTHORS

Rodmonga Potapova — Prof. ScD in Philology, Institute of Applied and Mathematical Linguistics, Moscow State Linguistic University, professional member of The *International Association for Forensic Phonetics and Acoustics (IAFPA)* since 1997; rkpotapova@yandex.ru

Vsevolod Potapov — ScD in Philology, Senior Researcher, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; volikpotapov@gmail.com

Irina Kuryanova — PhD in Philology, Moscow Research Center of the Department of Regional Security and Anti-Corruption; ivkuryanova@mail.ru

ОБ АВТОРАХ

Потапова Родмонга Кондратьевна — доктор филологических наук, профессор; директор Института прикладной и математической лингвистики Московского государственного лингвистического университета; rkpotapova@yandex.ru

Потапов Всеволод Викторович — доктор филологических наук, старший научный сотрудник филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; volikpotapov@gmail.com

Курьянова Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, начальник Управления судебного речевого исследования Московского исследовательского центра Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции г. Москвы; ivkuryanova@mail.ru

О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МЕТОДАХ В ОБЩЕЙ ФИЛОЛОГИИ: СЛУЧАЙ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

А.М. Белов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; indogermanica@yandex.ru*

Институт языкознания РАН, Москва Россия; indogermanica@yandex.ru

Аннотация: В работе предлагается формальный аппарат исследования интертекстуальности, основанный на методах общей лингвистики и сравнительного языкознания. Методологической основой подхода служит рассмотрение художественного текста в виде сложной системы символических пластов (планов); предлагаемая концепция строится на том, что интертекстуальность — это использование прецедентного текста в качестве одного из таких планов. Такой подход позволяет использовать ряд лингвистических методов и категорий, применяемых для изучения заимствованных слов и морфологической членимости, и в случае интертекста. При этом отношение между символическими планами в тексте уподобляется отношению рядов, означающих и означаемых, используемых для доказательства языкового родства или заимствования, а символическое обогащение реципиентного текста смыслами прецедентного должно удовлетворять так называемому критерию прозрачности, широко используемому в этимологии. Применение этих принципов иллюстрируется анализом ряда мест поэмы Вен. Ерофеева «Москва — Петушки» и рядом других текстов. Показаны различные случаи межтекстового взаимодействия, которые в рамках предлагаемой концепции следует считать или не считать интертекстуальностью. Центральной аргументативной частью работы является доказательство того прежде неизвестного факта, что рассказ Эдгара По «Овальный портрет» послужил важнейшим прецедентным текстом для одного из наиболее трудных в объяснении мест поэмы Вен. Ерофеева (сцена с «камердинером Петром»). При этом установление этого прецедентного текста, помимо прояснения смысла конкретного места, позволяет установить ряд подробностей текстологической истории этого произведения. В частности, использование автором перевода В.В. Рогова (1970) показывает, что осенью 1969 г. поэма не была завершена в окончательном виде.

Ключевые слова: интертекстуальность; лингвистика; поэтика; общая филология; Вен. Ерофеев «Москва — Петушки»; Эдгар По «Овальный портрет»; символические планы; формальный анализ

Для цитирования: Белов А.М. О лингвистических методах в общей филологии: случай интертекстуальности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. No 4. С. 50–63.

ON THE LINGUISTIC METHODES IN GENERAL PHILOLOGY: RESEARCHING INTERTEXT

Alexius Belov

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; indogermanica@yandex.ru
Institute of linguistics RAS, Moscow, Russia; indogermanica@yandex.r*

Abstract: The paper presents a formal apparatus for intertextual research, based on the methods of general and comparative linguistics. The method is founded on the proposal that the fiction text is to be regarded as a complex system of symbolic strata; the conception of intertext proposes understanding of the preceding text as one of these strata. This approach allows using for intertext a set of linguistic methods and categories which are common in researching borrowed words and the morphologic segmentation and motivation. Furthermore, the relation between symbolic strata in text is regarded similar to that in the raws of sign vehicles and meanings in structure semantics or in historical linguistics, where it could be used for arguing relationship between words or evidences that the word is borrowed; the symbolic increment of the preceding text in the new one should match the so called “criterion of transparency”, used in etymological research. The application of these principals is illustrated by analysis of several fragments of Ven. Yerofev’s poem «From Moscow to Petushki» and on some other texts. The analysis reveals various cases of intertextual interactions, which are to be regarded (and not to be regarded) as intertextuality. The main focus is set on the demonstration, that “The Oval Portrait” by Edgar A. Poe is the main preceding text for one of the most complicated passage (the scene with Peter the Kamerdiener) of Yerofeev’s poem. Beside a new comment to this passage, we can reach some details, concerning the history of Yeroveev’s text as a whole. Thus, it reveals the fact, that the authour used the translation of Poe’s story by V. Rogov [1970], and so the poem was not finished in Autumn 1969, as it is pointed by the author.

Key words: intertext; intertextuality; linguistics; poetics; general philology; Venedict Yerofeev “From Moscow to Petushki”; Edgar Poe “The Oval Portrait”; symbolic strata; formal analysis

For citation: Belov A.M. (2022) On the Linguistic Methodes in General Philology: Researching Intertext. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 4, pp. 50–63.

Для современной филологии значимо стоит общая проблема интегрального филологического знания. В старые времена эта интегральность обеспечивалась тройственной системой наук о языке и тексте, состоящей из грамматики, диалектики и риторики. Эта система, восходящая в своем истоке к интегральным моделям стоицизма и кодифицированная для постантической культуры (в виде *trivium*’а) трудами Бл. Августина, Марциана Капеллы и Боэция, в более или менее целостном виде продержалась в европейском

гуманитарном образовании до начала становления культурной парадигмы романтизма, когда риторика была исключена из системы образования, а диалектика уже и ранее отошла в область логики и философии. С тех пор различными школами предлагались многочисленные попытки преодолеть последствия разрушения филологического тривиума, среди которых на ниве поэтики особенно выделяется сначала деятельность русских формалистов, а затем — структуралистов и их (пост)структуральных критиков и продолжателей (М.М. Бахтина, Ю. Кристевой, Р. Барта). Благодаря им в общей филологии существенно возросла роль лингвистических методов, с середины XX в. возрождается интерес к риторике (Группа μ), появляется лингвопоэтика и целый ряд формальных направлений в исследовании текстов и их взаимодействия. Запрос на разработку и применение вполне строгих методов лингвистики к поэтической форме выглядит насущным и значимым и сейчас.

Одной из важных проблем такого рода оказывается *интертекстуальность*. Термин был предложен в 1967 г. Ю. Кристевой, переосмыслившей в формально-структуральных категориях идеи диалогизма М.М. Бахтина [1986], высказанные в работе 1924 г. Дальнейшее развитие эта концепция нашла в творчестве Ж. Деррида и Р. Барта, одновременно проникаясь элементами деконструкции постмодернистской философии¹. К настоящему моменту литература по интертекстуальной проблематике огромна². При этом и современные исследователи, соглашаясь с необходимостью лингвистической разработки проблемы, периодически указывают на то, что до сих пор «не выработана целостная лингвистическая теория интертекстуальности» [Аксёнова, 2013].

Настоящая работа не преследует цели создать такую общую теорию, однако нацелена на то, чтобы показать применимость к данной проблематике некоторых формально-лингвистических методов и принципов, особенно часто используемых в сравнительно-историческом языкознании и этимологии для выявления калек и заимствованных слов и установления исторической членимости языковых знаков.

¹ Известно «классическое» определение Барта о том, что всякий текст является интертекстом. См. [Barthes, 1973: 78], подробности и комментарий см. [Ильин, 1996: глава III].

² Помимо уже упомянутых работ [Ильин, 1996; Аксёнова, 2013], имеющих значимые библиографии по вопросу, упомянем лишь еще некоторые — как теоретические работы, так и учебные пособия для студентов [Лотман, 1991; Безруков, 2005; Тюпа, 2009; Москвин, 2011]. Особого внимания заслуживает работа [Фатеева, 2000 (и посл. изд.)], широко привлекающая аппарат лингвистики (в разработке термина *метатропы*) и уделяющая большое внимание теории стиха и важной проблеме авторской интертекстуальности.

Первый принцип связан с тем, что лингвисты иногда называют «*критерием прозрачности*». Он предполагает, что языковой знак исконен («*органичен*») в той знаковой системе, в которой его членимость как в плане выражения, так и в плане содержания наиболее просто и естественно («*прозрачно*») соответствует общим законам этой системы. В плане содержания сюда прибавляется прозрачность словообразовательной мотивации, семантических переходов и подобных им неопредельных явлений языковой эмерджентности.

Так, по известному примеру акад. А.А. Зализняка [2010: 76], рус. *октябрь* (как и болг. *октомври*, англ. *October* и др.) следует считать заимствованием именно из латинского языка, поскольку только в нем прозрачно видна словообразовательная структура этого слова (*octōber* ‘восьмой (месяц, считая с марта)’ < *octō* ‘восемь’), и это касается не только одного слова ‘октябрь’, но и *системы наименования месяцев в целом*, отражающей реалии традиционного римского календаря.

По сходной причине рус. *деловой центр* мы должны считать калькой с англ. *business centre*, несмотря на то, что одно слово славянское, а другое — давно освоенное заимствование: соединение значений ‘деловой’ + ‘центр’ дает для русского языка столь невообразимо непрозрачный смысл, что мы миримся с существованием у нас этого выражения только потому, что знаем его иноязычный аналог.

Второй принцип, основанный на пропорциональности отношений между знаками, в лингвистике часто называют «*квадратом Гринберга*», хотя задолго до Дж. Гринберга к явлениям языка его осознанно применяли и В. А. Богородицкий, и пражские структуралисты. Суть его в том, что мы можем вычислить четвертый элемент пропорции, зная три других. Так, зная, что в *чайнике чай*, мы легко поймем, что лежит в *кофейнике*, а более сложное сопоставление пар: (*опёнок* ~ *опёнки* = *осколок* : *осколки*) ≠ (*опёнок* ~ *опята* = *котёнок* ~ *котята*) недвусмысленно указывает на случившееся на наших глазах морфологическое перераспределение в слове *опёнок* и изменение его словообразовательной мотивации. Таким образом, конкретное соотнесение элементов плана выражения задает существенные различия и плана содержания.

Применить эти принципы к случаю интертекстуальности нам позволяет понимание интертекстуальности как особого рода символизма художественного текста, также построенного на специфической архитектуре его символических планов (пластов). Теория многоплановости (в избранном здесь понимании) художественного текста восходит к работам Ю.М. Лотмана [1998], а через него — к лингвистическим концепциям копенгагенской школы (*план вы-*

ражения/план содержания) и С.И. Карцевского [2004/1929], говорившего о несовпадении рядов означающего и означаемого.

Здесь мы исходим из того, что все средства поэтики художественного текста, будучи по природе своей знаками, создают один или несколько символических пластов (или планов). Если простейшим случаем будет одноплановый текст, в котором говорится ровно о том, о чем написано, то более сложными будут случаи сравнения, аллегории и символизма, обязательно предполагающие взаимодействия нескольких планов. В частности, символизм в общем случае можно представить так, что при явно заданных фрагментах одного символического плана и другого (других) читателю оставляется возможность достроить отсутствующие фрагменты одного плана по наличествующим в другом.

Примеры текстов такого рода широко известны как в классической литературе (например, ода Горация I, 5), так и в модерне (например, «Восходящее жёлтое солнце...» (1978) у Бродского).

Рисунок. Символизм (схема в общем виде). Светлым обозначены наличествующие знаки в каждом плане, а темным — неявные смыслы

Такое достраивание, работающее иногда вполне по принципу квадрата Гринберга³, создает новые художественные связи между планами, обогащая один смыслами другого. При таком подходе интертекстуальность — это такая архитектура текста, когда один из символических пластов может быть взят из предшествующей литературной традиции (т.е. из значимых для культуры *прецедентных текстов*). В этом случае содержание фрагмента прецедентного текста символически соединяется с нужным автору фрагментом смысла, обогащая его восходящими к традиции коннотациями.

Под интертекстуальностью мы будем понимать такое *намеренное* введение (фрагмента) текста *A* в текст *B*, при котором *последний обогащается символическими смыслами первого*, соединяясь с ним

³ Этот прием широко используется не только в изящной литературе, но и, например, в анекдотах и других фольклорных текстах.

в некое *новое* художественное целое. Текст А мы будем называть *прецедентным*, текст В — *реципиентным*, словесные знаки, посредством которых осуществляется интертекстуальное взаимодействие, — *ключевыми словами*, а само художественное намерение, выражающееся через них, — *аллюзией*.

Из сказанного понятно, что для того, чтобы уверенно говорить об интертекстуальной связи текста В с текстом А, мы должны:

1) показать, что текст А является прецедентным к В: т.е. что он, во-первых, написан раньше В, а во-вторых — был известен автору В (или всякому образованному читателю) в момент написания В и мог быть в нем использован;

2) показать, что именно А используется в В;

3) показать, что А используется в В намеренно и в художественных целях (т.е. имеет место аллюзия).

Простейшим (для исследователя) случаем интертекстуальности можно считать *эпиграф*, использование которого способно привнести в текст самые неожиданные смыслы. Случай этот простейший потому, что у нас не вызывает сомнения ни источник прецедентного текста, ни намеренное обращение к нему автора.

Например, из эпиграфа к главе X «*Капитанской дочки*» «... заняв луга и горы, // С вершины, как орёл, бросал на град он взоры...» (взятого из «*Россиады*» Хераскова) возникает неожиданное уподобление Емельяна Пугачева, берущего Оренбург, Ивану Грозному, штурмующему Казань, что не может не наводить на целый ряд историософских размышлений (особенно в контексте того, что Пугачёв выдавал себя за Петра III).

Однако в очень многих случаях обрести уверенность во всех трех означенных выше моментах не всегда бывает легко. Для этого нам требуется:

а) обнаружить *текстуальное пересечение* между В и А, которое очевидно *неслучайно*; так мы получаем ключевые слова;

б) обнаружить *смысловое приращение* В от введения в него смыслов А — причем такое, которое как-то художественно сообразуется с уже имеющимися в нем (в В) смыслами;

в) найти подтверждение (в других местах В) тому, что произведение А используется автором: такими подтверждениями могут быть как прямые указания, цитаты и т.п., так и другие аллюзии на А.

Таким образом, *в идеале* нам требуется снова как бы получить символический квадрат, имеющий:

1) формальное пересечение А и В № 1 (возможные ключевые слова);

2) смысловое пересечение А и В № 1 (возможный интертекстуальный смысл, вовлекаемый ключевыми словами);

3) формальное пересечение А и В в других местах, свидетельствующее о том, что использован именно текст А;

4) некий содержательный параллелизм А и В, позволяющий рассматривать их (по крайней мере, в пределах смысловой темы аллюзии) параллельными смысловыми планами, позволяющими создавать смысловое приращение А в В.

Дополнительно (5) желательно иметь явные свидетельства использования А в В в данном произведении или хотя бы в другом наследии писателя. К таковым можно относить не только прямые упоминания данного произведения или автора, но и какие-то другие детали, доказывающие знакомство нашего автора с наследием предшественника.

Разумеется, далеко не всегда параллелизм из пп. 3–4 встречается в источниках достаточно, отчего п. 5 может приобретать решающее значение.

Вот несколько наглядных примеров, взятых из поэмы Вен. Ерофеева «Москва — Петушки».

Первый случай имеет прямую отсылку на прецедентный источник. «Всю жизнь довлеет надо мной этот кошмар — кошмар, заключающийся в том, что понимают тебя не превратно, нет — «превратно» бы еще ничего! — но именно строго наоборот, то есть совершенно по-свински, то есть антиномично» [Ерофеев, 2015: 23]. Здесь слово *антиномично* оказывается ключевым, создавая аллюзию к «Критике чистого разума» И. Канта, как раз содержащей описание ряда антиномий, выдающих этого разума ограниченность. Владение В. Ерофеева этой книгой подтверждается отсылками к Канту в других местах поэмы (например, он использует со ссылкой его термины *an sich* и *für sich*), тогда как сама идея антиномии пронизывает всю художественную ткань поэмы — вплоть до того, что герой прибыл в конце в противоположную своим ожиданиям точку, а убийцей главного героя оказывается младенец⁴.

Более сложный случай происходит из финальной части той же поэмы [Ерофеев, 2015: 98 и сл.], где главный герой, находясь в полубреду и «испарине», неоднократно просит своего неведомо откуда взявшегося (прежде спавшего) камердинера Петра, хлопающего дверьми, «зажечь канделябры». Соединение вместе Петра, камердинера и канделябров выглядит непонятно не только рядовому читателю, но и комментаторам. Так, Э. Власов [2015: 40.14, 40.18] предлагает сближения с «камердинерами Петрами» из 1) «Отцов и детей» Тургенева, 2) «Войны и мира» Толстого, 3) «Тайного советника» Че-

⁴ Комментарий см. [Тюпа, Ляхова, 2001]; критика [Липовецкий, 2006] неубедительна.

хова, 4) со слугой Захаром из «Обломова» Гончарова и 5) камеристкой в желтом чулке из «Двенадцатой ночи» Шекспира. Все эти сближения, однако, не кажутся достаточно убедительными, поскольку не имеют явных текстуальных пересечений с данным местом поэмы — разве что одно частичное в последнем случае⁵. Не объясняют все эти параллели и явного готического колорита всей сцены с «камердинером Петром», тогда как четырежды упомянутые в одном месте канделябры вообще остаются загадкой.

Мне удалось найти прецедентный текст, вполне удовлетворительно решающий большинство проблем этого места. Это вполне «готический» «Овальный портрет» Э. По (в переводе В. В. Рогова). Мы находим: «я испытывал глубокий интерес, вызванный, быть может, начинающимся у меня жаром; так что я попросил Педро закрыть тяжелые ставни — уже наступил вечер — зажечь все свечи высокого канделябра в головах моей постели и распахнуть как можно шире обшитый бахромой полог из черного бархата. <...> Мне не нравилось, как стоит канделябр, и, с трудом протянув руку, чтобы не тревожить моего спящего камердинера, я поставил канделябр так, что светлучшие попадал на книгу».

Формальных пересечений столько, что они не могут быть случайными: даже канделябры упоминаются тоже четыре раза. Символическое значение этого сближения станет хорошо понятным, если мы примем к сведению один немаловажный факт.

Так, мы имеем возможность видеть, что В. Ерофеев пользовался именно «Полным собранием рассказов» Э. По [1970], вышедшим в серии «Литературные памятники». Это потому, что 1) только в переводе Рогова встречается слово *камердинер* (в других переводах — *слуга*), и потому, что 2) в примечаниях к этому изданию содержится отсутствующее в переводе Рогова начало этого рассказа, восходящее к его 1-й версии от 1842 г. (оно дается там в переводе М. Энгельгардта). Значимость этого начала в контексте поэмы В. Ерофеева огромна, т. к. в нем содержатся слова, объясняющие причины аллюзии на этот рассказ: «Мой слуга и единственный помощник в уединённом замке был слишком нервен и неловок, чтобы пустить мне кровь, которой, правда, я и без того немало потерял в схватке с бандитами. Не мог я также послать его за помощью. Наконец, я вспомнил о небольшом запасе опиума, который хранился у меня вместе с табаком: в Константинополе я привык курить табак с этим зельем. Педро подал мне ящик. Я отыскал в нем опиум».

⁵ При этом сюжет Толстого с умирающим кн. Андреем выглядит уместным для другого места поэмы, рассказывающей о появлении Сфинкса [Ерофеев, 2015: 92 и сл.]. Некоторые важные мысли относительно роли Сфинкса будут высказаны ниже.

Воистину, текстология иной раз подобна детективу. Мы можем даже увидеть, что дата выхода упомянутого издания Э. По косвенно свидетельствует о том, что текст поэмы Ерофеева, датированной автором осенью 1969 г. и впервые изданной в 1973 г., подвергался за этот период значимой редакционной правке.

Приведенные пассажи и ключевые слова вполне доказывают намеренное использование конкретного текста. Кроме того, у нас есть и прямые свидетельства Вен. Ерофеева о знакомстве с наследием Э. По с юных лет [Лекманов et al., 2018: 82], и следующий интересный факт. Выше (прим. 5) речь заходила о Сфинксе. Однако «Сфинкс» — это и название другого известного рассказа Э. По, также пронизанного темой болезни (в данном случае — холеры), смерти и помешательства; примечательно, что бабочка, которую герой принимает за сулящее смерть чудовище, относится к семейству *бражников* (*Sphingidae*). Все это можно считать свидетельствами в пользу интереса Вен. Ерофеева к наследию Э. По.

Но, помимо формального, важно и смысловое преломление прецедентного текста. В «*Овальном портрете*» молодая жена художника, изображенная на картине, умирает после его слов «*Да это воистину сама Жизнь!*»; «антиномической» антитезой этому служит «*белёная*» подруга Венички, символизирующая смерть, а также упоминаемая в поэме картина И.Н. Крамского «*Неутешное горе*», отсылка к которой поддерживается и словами Э. По о «*пологе*», «*канделябрах*» *е бархате*» (они изображены и на картине Крамского, но в другом сочетании). Примечательно также, что образ камердинера Петра не только интертекстуален. Указание на его желтое одеяние совершенно явно открывает еще один символический пласт, в котором появляется уже Св. Петр — хранитель ключей от Рая, традиционно изображавшийся в золотых одеждах. На это справедливо указывает и [Власов, 2015: 40.14]; это поддерживается далее и прямой аллюзией на известное место Евангелия (см. также комм. [Власов, 2015: 45.13]). Читателю предлагается попутно задуматься о том, Чьим камердинером мог бы считаться Св. Петр и Кому себя уподобляет Веничка?

Использование текста Э. По не только в плане выражения, но и для создания плана символического содержания замыкает «квадрат» и доказывает, что перед нами полноценный интертекст.

Широкое использование интертекстуальности часто рассматривается как исключительная привилегия литературы модернизма, однако важно указать на большое распространение этого приема и в классической литературе у греков и римлян. Не имея возможности разбирать эти сюжеты подробно, лишь упомянем некоторые из них для иллюстрации.

Например, в оде Горация IV, 12 упоминание весенних птиц и Пана дается не столько в связи с весной самой по себе (хотя оно там к месту), сколько потому, что это отсылает к известным местам «Буколик» и «Георгик» Вергилия, которого поэт как раз хочет пригласить к себе в гости. Очень любил интертекстуальные отсылки и сам Вергилий. Так, в «Георгиках» (II, 490) автор словами “*rērum cognōscere causās*” («*вещей постигнуть причины*») намекает на поэму Лукреция “*Dē rērum nātūrā*”, с философскими идеями которого спорит в этом месте. Заключение «Метаморфоз» Овидия (XV, 871–879), так называемый Памятник Овидия, содержит не только немало аллюзий на более известный «Памятник Горация» (Нор. III, 30) и существенное его символическое переосмысление; он может считаться одним из известнейших примеров интертекстуальности в древности.

Приведенный метод позволяет вполне строго отделить интертекстуальность от двух других случаев: а) цитирования и б) использования прецедентного текста без аллюзии. Цитирование отличается от интертекстуальности примерно тем же, чем сравнение от метафоры: в случае цитирования два текста не сливаются вместе, оставаясь самими собой, хотя и уподобленными друг другу; в случае интертекстуальности два текста подвергаются художественному синтезу и создают новое образование, а смысл А в В становится отличным от исконного А. В связи с этим, например, позднеантичных и средневековых авторов, любивших переписать друг у друга целые пассажи, не следует считать приверженцами интертекстуальности, тогда как «Свадебный центон» Авсония (поэма о брачной ночи, сделанная целиком из полустихий приличнейшего из поэтов Вергилия) будет одним из ее известнейших примеров. Вообще, как можно полагать, пародия (по определению) интертекстуальна всегда, ибо она как жанр немыслима без творческого переосмысления конкретного текста, о котором непременно должен знать и читатель.

Более трудный случай — это ситуация, когда автор явно использует и художественно перерабатывает некий прецедентный текст, однако по каким-то причинам в его намерение не входит напоминать о нем читателю — иными словами, прецедентный текст установлен, но намеренная аллюзия к нему не обнаружена. Вопрос о том, считать ли это интертекстуальностью, труден; я склонен полагать, что нет. Кроме того, показать сознательную намеренность аллюзии не всегда бывает возможно.

Например, влияние «Илиады» (в переводе Н.И. Гнедича, 1829) на стилистику «Тараса Бульбы» Н.В. Гоголя, появившегося вскоре после нее (1835–1842), у меня не вызывает сомнения. Гомеровская эпичность видна и в самой идее осады Дубно, и во многих батальных

сценах, и, например, в сцене с винным возом Тараса, контрастивно (как и у Гомера) противостоящей описанию сражений. Однако прямых аллюзий на Гомера в повести вроде бы не обнаруживается, что заставляет ее считать имеющей прецедентный источник, но не использующей принцип интертекстуальности, — которая, насколько известно, вообще не была отличительной чертой поэтики Гоголя.

Одним из ключевых моментов завязки романа Виктора Гюго «*Собор Парижской богоматери*» (1831) явилось то обстоятельство, что народная толпа, собравшаяся смотреть возвышенную *moralité* Пьера Гренгуара, была отвлечена от нее призывом Жака Копеноля устроить в той же зале малокультурный конкурс шутов с наградой за самую мерзкую рожу (в нем побеждает Квазимодо). Вся эта история имеет очень большое сходство с прологом комедии Теренция «*Свекровь*» (*Несура*, 4), где автор сетует на то, что первая ее постановка не удалась, так как публика, «*глупая в своем желании*», побежала смотреть выступление какого-то канатоходца. Глубокое знакомство В. Гюго с римской классикой, равно как и то, в какой степени средневековая драма лично обязана П. Теренцию Афру, прекрасно известны. Однако имя Теренция (в отличие от Цицерона, Вергилия, Горация, Сенеки) в романе не упоминается, не обнаруживается и других аллюзий на этот текст, а потому, признавая его прецедентным, мы, по-видимому, должны отказать этому месту в интертекстуальности.

Третий пример: название книги Е. Водолазкина «*Авиатор*» (1-е изд., 2016), несмотря на эпиграф и ряд значимых сюжетных ходов, в контексте самого романа все же не до конца прозрачно, — хотя бы потому, что в числе главных героев нет ни одного летчика. Это можно было бы списать на поэтическую вольность, если бы не имел место (известный в свое время) художественный фильм «*Вечно молодой*» (*Forever young*, США, 1992), повествующий как раз о *летчике*, проспавшем в анабиозе 53 года, причем этот фильм имеет с романом и множество других сюжетных пересечений (исторический фон, трагедия как причина разлуки, ускоренное старение, встреча с возлюбленной в преклонном возрасте), объяснить которые едва ли возможно через простую случайность. Однако ввиду малоизвестности этого фильма на момент публикации романа, едва ли можно серьезно полагать, что автор интеллектуального романа непременно хотел адресовать читателя к подобному образцу массового кинематографа; скорее, он просто переработал ряд сюжетных идей фильма, сделав это вольно или невольно. Точно так же можно показать, что В. Пелевин при написании романа «*Чапаяев и Пустота*» использовал известную книгу популярного психолога Эрика Бёрна «*Люди, которые играют в игры*» [= Бёрн, 2009], а римские грамма-

тики в своих фонетических описаниях очень сильно зависели от стоических первоисточников [Belov, 2013], однако говорить здесь о существенном художественном синтезе — и, следовательно, интертексте — было бы излишне.

Изучение аллюзий и первоисточников имеет огромное значение в вопросах изучения литературного процесса, рецепции, датировке текстов или установления авторства. Хочется полагать, что дальнейшее совершенствование методов этих исследований существенно улучшит наше понимание ценного наследства мировой литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безруков А.Н. Поэтика интертекстуальности: Учебное пособие для студентов филологического факультета. Бирск, 2005.
2. Бёрн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. М., 2009.
3. Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве (1924) // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986. С. 9–191; 404–412.
4. Власов Э. Бессмертная поэма Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки». Спутник писателя // Ерофеев, 2015. С. 113–669.
5. Ерофеев Вен. Москва — Петушки. С комментариями Эдуарда Власова. СПб., 2015.
6. Зализняк А.А. Из заметок о любительской лингвистике. М., 2010.
7. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
8. Карцевский С.И. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Избранные труды. Т. 2. М., 2004. С. 239–245.
9. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. Витебск, 1993. № 4. С. 5.
10. Липовецкий М. Кто убил Веничку Ерофеева? // Новое литературное обозрение. 2006. № 2.
11. Лекманов О.А., Свердлов М.И., Симановский И.Г. Венедикт Ерофеев: посторонний. М., 2018.
12. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Труды по знаковым системам: Текст в тексте. Вып. 14 (567). Тарту, 1991.
13. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998. С. 14–285.
14. Москвин В.П. Интертекстуальность: понятийный аппарат, фигуры, жанры, стили. М., 2011.
15. По Э. Полн. собр. рассказов. Серия «Литературные памятники». М., 1970.
16. Тюпа В.И. Анализ художественного текста. М., 2009.
17. Тюпа В.И., Ляхова Е.И. Эстетическая модальность прозаической поэмы Вен. Ерофеева // Литературный текст: проблемы и методы исследования. Анализ одного произведения: «Москва — Петушки» Вен. Ерофеева: Сб. науч. тр. Вып. 7. Тверь, 2001. С. 34–44.
18. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М., 2000.

19. Barthes R. Texte // *Encyclopaedia universalis*. Paris, 1973. Vol. 15. P. 78.
20. Belov A.M. Syllaba acuitur. Perpaucæ obseruationes de accentus Latini terminis apud ueteres grammaticos usurpatis // *Eruditio Antiqua*. 2013. № 5.
21. Kristeva J. Narration et transformation // *Semiotica*. The Hague, 1969. No 4. P. 422–448.

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. Problema soderzhanija, materiala i formy v slovesnom hudozhestvennom tvorchestve (1924) [The problem of contents, material and form in verbal fiction]. In Bahtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Izdanie 2-e. Moscow: *Iskusstvo Publ.*, 1986, pp. 9–191, 404–412.
2. Barthes R. Texte. *Encyclopaedia universalis*. Paris, 1973, vol. 15, p. 78.
3. Belov A.M. Syllaba acuitur. Perpaucæ obseruationes de accentus Latini terminis apud ueteres grammaticos usurpatis. *Eruditio Antiqua*, 2013, vol. 5.
4. Berne Eric. Igry, v kotorye igrayut lyudi. *Psihologiya chelovecheskih vzaimootnosheniy. Lyudi, kotorye igrayut v igry. Psihologiya chelovecheskoj sud'by*. [Games people play. What do you say after you say hello? The psychology of human destiny] Moscow: *EKSMO Publ.*, 2009.
5. Bezrukov A.N. *Poetika intertekstual'nosti*. Uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskogo fakul'teta [Poetics of Intertextuality. Student's manual for the Philological Faculty]. Birsks, 2005.
6. Fateeva N.A. *Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov* [Intertextuality Counterpoint, or the Intertext in the World of Texts]. Moscow: *Agar Publ.*, 2000.
7. Il'in I.P. *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Poststructuralism. Deconstruction. Postmodernism.]. Moscow: *Intrada Publ.*, 1996.
8. Karcevskij S.I. Ob asimmetrichnom dualizme lingvisticheskogo znaka [On the asymmetric dualism of language sign]. In *Izbrannyye trudy* [Selected Writings]. T. 2. Moscow: *Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ.*, 2004, pp. 239–245.
9. Kristeva J. Narration et transformation. *Semiotica*. The Hague, 1969, No 4, pp. 422–448.
10. Kristeva J. Bakhtin, slovo, dialog i roman [Bakhtin, word, dialog and novel] // *Dialog. Karnaval. Hronotop* [Dialog. Carnaval. Chronotopus.]. Vitebsk, 1993, No4.
11. Lipovecky M. Kto ubil Venichku Erofeeva? [Who killed Venichka Yerofeev?]. *Novoe literaturnoe obozrenie* — The New Litterary Observer, 2006, № 2. (In Russ.)
12. Lekmanov O.A., Sverdlov M.I., Simanovsky I.G. *Venedikt Erofeev: postoronnij* [Ven. Yerofeev: the Stranger]. Moscow: *AST Publ.*, 2018.
13. Lotman Yu.M. Tekst v tekste [Text in Text]. *Trudy po znakovym sistemam: Tekst v tekste* [Works on sign systems: Text in Text]. Tartu, 1991, vol. 14. (567).
14. Lotman Ju.M. *Struktura hudozhestvennogo teksta* [Fiction text structure]. In Lotman Ju.M. *Ob iskusstve* [About the Art]. Saint-Petersburg: *Iskusstvo — SPB Publ.*, 1998, pp. 14–285.
15. Moskvina V.P. *Intertekstual'nost': ponyatiynyj apparat, figury, zhanry, stili* [Intertextuality: conceptual apparatus, figures, genres, styles]. Moscow: *URSS Publ.*, 2011.
16. Poe Edgar. *Polnoe sobranie rasskazov* [The Full Collection of Short Stories]. Moscow: Nauka, 1970.
17. Tiupa V.I. *Analiz hudozhestvennogo teksta* [The Analysis of Fiction Text]. Moscow: *Izdatel'skij centr "Akademiya" Publ.*, 2009.
18. Tiupa V.I., Ljahova E.I. *Esteticheskaya modal'nost' prozaicheskoy poemy Ven. Erofeeva* [Aesthetic Modality of Ven. Yerofeev's Prosaic Poem]. *Literaturnyj tekst*:

problemy i metody issledovaniya. Analiz odnogo proizvedeniya: "Moskva — Petushki" Ven. Erofeeva [Fiction Text: Problems and Research Methodes. The Analysis of One Work: Ven. Yerofeev's "From Moscow to Petushki"]: Sb. nauch. tr. Vyp. 7. Tver': *Tverskoj gosudarstvennyj universitet Publ.*, 2001, pp. 34–44.

19. Vlasov Ed. Bessmertnaya poema Venedikta Yerofeeva "Moskva — Petushki". Sputnik pisatelya [The immortal poem of Ven. Yerofeev "From Moscow to Petushki". Writer's companion.]. Yerofeev: 113–669.
20. Yerofeev Ven. *Moskva — Petushki*. S kommentariyami Eduarda Vlasova [From Moscow to Petushki. Commented by Ed. Vlasov]. Saint-Petersburg: *Azbuka Publ.*, 2015.
21. Zaliznyak A.A. *Iz zametok o lyubitel'skoj lingvistike* [Notes on 'amateur' linguistics]. Moscow: *Russkij Mir*; OAO "Moskovskie uchebniki" *Publ.*, 2010.

Поступила в редакцию 01.04.2022

Принята к публикации 24.05.2022

Отредактирована 14.06.2022

Received 01.04.2022

Accepted 24.05.2022

Revised 14.06.2022

ОБ АВТОРЕ

Белов Алексей Михайлович — доктор филологических наук, доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник ИЯз РАН (по совм.); indogermanica@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexius Belov — Dr. of Sciences (Philology), associate professor of Lomonosov Moscow State University, chair of General and Comparative linguistics; senior research fellow of the Institute of Linguistics RAS; indogermanica@yandex.ru

ВОЗВРАТНЫЕ ЭМОТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ КАК СТАТУАЛЬНЫЕ ПРЕДИКАТЫ: СЕМАНТИКА КОНСТРУКЦИИ И ТЕКСТОВЫЕ ФУНКЦИИ

Е.Н. Никитина

*Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН,
Москва, Россия; yelenon@mail.ru*

Аннотация: Исследование посвящено функционально-грамматическому анализу возвратных эмотивных глаголов (*обижаться, злиться* и др.). Возвратные эмотивы рассматриваются на фоне статуального прототипа — слов категории состояния. Главное внимание уделяется особенностям воплощения морфологической парадигмы возвратных эмотивов по категории лица-числа, которые обнаруживают семантические категории субъекта чувствующего (*Я/не-Я*; индивидуность/неиндивидуальность). Тяготение к соединению с субъектами 3-го лица, интерпретативность, нехарактерность актуально-временного значения настоящего времени для конструкции с *Я*-субъектом позволяют относить возвратные эмотивы к «третьеличным» глаголам, которые противостоят «перволичным» (ментальным, статуальным модусным предикатам). В форме прошедшего времени выявляется корреляция между несов.в. и множественными субъектами, сов.в. и единичными субъектами соответственно. Показано, что возвратные эмотивы в рамках художественного нарратива функционируют в качестве средства создания точки зрения внешнего наблюдателя. Традиционное соединение возвратных эмотивных глаголов в общевозвратном залоге, соотносительных и несоотносительных с переходными, получает новое обоснование.

Ключевые слова: возвратный глагол; предикат состояния; синтаксическая конструкция; морфологическая парадигма; лицо глагола

Финансирование: Работа поддержана проектом №9, подпроект 9.3 научной программы Национального центра физики и математики.

Для цитирования: Никитина Е.Н. Возвратные эмотивные глаголы как статуальные предикаты: семантика конструкции и текстовые функции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 4. С. 64–79.

REFLEXIVE PSYCH VERBS AS STATE PREDICATES: SEMANTICS OF CONSTRUCTION AND TEXT FUNCTIONS

Elena Nikitina

*FRC “Computer Science and Control” of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; yelenon@mail.ru*

Abstract: The paper provides analysis of psych (emotive) reflexive verbs (such as *radovat'sya*, *ogorchat'sya* etc.) from the positions of functional grammar (such as *radovat'sya*, *ogorchat'sya* etc.). These verbs organize a group based on the identity of their generalized meaning (emotional state) and morpheme structure (substantive roots and reflexive postfixes), determining the type of syntactic construction they organize and text functions they perform. The paper pays special attention to their morphological paradigm realization — the forms of person and number the reflexive psych verbs most frequently take as they occur in real texts (according to usages in the Russian National Corpus, 1970 — 2020). As frequency analysis shows, these verbs present tense forms are easily used to qualify emotional states of 3^d person experiencers whereas not so easily in relation to actual emotional states of speaker (1st person experiencer of the moment of speech). Predominance of plural (*pugat'sya*) or singular (*serdit'sya*, *gnevat'sya*) present tense forms corresponds to the individual meaning of the verb (sensitive/ intellectual emotion, hierarchical experiencer). Past tense perfectives tend to combine with singular form experiencers, and are widely used in narrative texts; past tense imperfectives are normally accompanied by plural form experiencers and not so frequent in texts. The states the reflexive psych verbs denote are characterized by distance from the speaker's position and have interpretative nature, so that such type of state predicates serves in narrative texts to describe emotions of a person from a perspective of a distant point of view, without psychological consolidation between the author and the character of a novel.

Key words: reflexive verb; emotional state; construction; morphological paradigm; grammatical person of experiencer

Funding: This paper is supported by the Research Program of the National Center for Physics and Mathematics (project no. 9, subproject no. 9.3).

For citation: Nikitina E.N. (2022) Reflexive psych verbs as state predicates: semantics of construction and text functions. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 2, pp. 64–79.

Статья посвящена функционально-грамматическому анализу группы возвратных эмотивных глаголов (*радоваться*, *обижаться*, *злиться* и др.). В исследовании применялись приемы анализа глагольных форм в синтаксисе, разрабатывавшиеся на исследовательском этапе проекта «Семантико-грамматического словаря русских глаголов» под руководством Н.К. О니пенко (ИРЯ РАН); они предполагают учет разноуровневых факторов, вносящих вклад в функционирование предикатов, организуемых глаголами данной группы: словообразовательной (морфемной) структуры, семантики конструкции, ограничений функциональной парадигмы, текстовой предназначенности. В центре внимания при выявлении семантики конструкции и ее субъектного компонента оказались лингвистический эксперимент (аномальный контекст), частотный морфологический анализ, лингвистический анализ текстового фрагмента.

Анализ глагольных форм проводился на материале НКРЯ 1970–2020-х годов.

1. Статуальные предикаты и категория лица

Прототипическими статуальными предикатами являются слова категории состояния, основная роль которых — выражение сиюминутных состояний Я-субъекта, локализованных на времени речи: *(Мне) Жарко, Страшно, Грустно*, ср. также недескриптивные средства выражения актуальных состояний Я — междометные высказывания: *Ах! Ой!* Важной характеристикой высказываний с прототипическими дескриптивными предикатами состояния является опущение субъектной составляющей — «синтаксический нуль» осмысливается в связи с Я: *Не работается* (=Мне не работается/не хочется работать); *Радует то, что...* (=Меня радует...)

Покажем неравнозначность форм (и значений) лица субъекта чувствующего на разных личных вариантах конкретно-референтных субъектов (Я, ты, он).

Только состояния Я-субъекта являются собственно-внутренними, т.е. говорящий ощущает их и сообщает о них (совмещает роли субъекта чувствующего и субъекта речи). Относительно состояний других лиц говорящий — это внешний наблюдатель, и судит о них по их проявлениям (см. [Апресян, 2004: 16]). В связи с этим высказывания с 1-м и не-1-м лицом субъекта чувствующего разнятся в отношении «модальной перегородки» (термин Е.В. Падучевой): высказывания первого типа не принимают ее. При этом «модальность» и «модальная перегородка» понимаются широко (это ирреальная модальность, вопросительность, отрицательность, эвиденциальность)¹. В высказывании *Говорят, здесь холодно* (пример Н.А. Козинцевой) дейктическое наречие *здесь* указывает на включенность Я в данное пространство. Именно поэтому высказывание приобретает аномальный характер: если говорящий здесь, а значит, является субъектом физического состояния *холодно*, то зачем ссылаться на мнение других? Ссылка на источник информации здесь возможна только в двух случаях: говорящий является субъектом типа головы профессора Доуэля (лишен физических ощущений) или только что прибыл в пространство, о котором идет речь (состояние еще не началось).

¹ Е.В. Падучева демонстрировала силу «модальной загородки» на примере аномального высказывания с интерпретативным предикатом **Я ошибаюсь* и способов его нормализации: *Я не ошибаюсь, Наверное, я ошибаюсь, Я ошибаюсь?* (доклад 2011 г. на Юбилейных чтениях, посвященных 80-летию Ю.Д. Апресяна). О модальности и смежных категориях см. [Падучева, 2013]).

Напротив, предикация состояния ко 2-му лицу всегда имеет характер предположения, выводного знания: *Тебе холодно (?)* (говоря так, потому что вижу, что ты дрожишь, у тебя посинели руки и т.п.); то же для 3-го лица (*Ему холодно*). Однако, в отличие от состояния 3-го лица, состояние, приписанное 2-му лицу, может быть оспорено адресатом речи, т.е. тем самым субъектом, которому оно приписано. На приеме апелляции говорящего к чужому мнению по поводу собственного состояния (Я-вопрос) и неопровержимости этого чужого мнения (констатирующее ты-высказывание) строится комический эффект известного анекдотического диалога: *Мама, мне холодно? — Нет, ты хочешь кушать*. Ср. также роли *ты* и *Я* в пассаже из воспоминаний о детстве М.Л. Гаспарова, которого мать воспитывала по принципу «Застегнись, мне холодно».

Если совпадение ролей субъекта речи и субъекта состояния в одной личности имеет следствием то, что относительно собственного актуального состояния говорящим не может быть высказано предположение: **Мне, наверное, смешно (?)*, то высказывания о состоянии других лиц естественным образом впускают рамку мнения, ср.: *Тебе, наверное, смешно (?)* («предполагаю, так как вижу проявления состояния: ты улыбаешься, скрываешь улыбку и т.п.»); *Ему, наверное, смешно (?)*. Однако рамка предположения относительно собственных состояний в прошлом или будущем нормальна: речь здесь идет о Я-субъекте чувствующем другой временной инстанции, удаленной от Я говорящего момента речи. Это сближает Я с другими лицами: *Мне, наверное, было смешно* («сейчас уже не помню»); *Мне, наверное, будет смешно*. В данном случае можно говорить о механизме 3-го лица (1-е как 3-е).

Сфера 3-го лица обладает дополнительным семантическим объемом: в фикциональном тексте (нарративе) 3-е лицо может формировать зону солидаризации, сближения повествователя и персонажа, быть средством внутренней точки зрения, что часто называют «3-е лицо, сближающееся с 1-м» (слово принадлежит автору, мысль, чувство — герою) [Золотова и др., 2004]. Рассмотрим сближающую 1-е и 3-е лицо технику на примере мысли и чувства Пьера, когда он становится женихом Элен:

«Так уж все кончено! — думал он. — И как это все сделалось? Так быстро! Теперь я знаю, что не для нее одной, не для себя одного, но и для всех это должно неизбежно свершиться ...» — думал Пьер, взглыдавая на эти плечи, блестящие подле самых глаз его.

То вдруг ему становилось стыдно чего-то. Ему неловко было, что он один занимает внимание всех, что он счастливеец в глазах других, что он с своим некрасивым лицом какой-то Парис, обладающий Еленой.

В этом фрагменте предикаты состояния *стыдно, неловко* даны в актуальном прошедшем (нарративный аналог актуального настоящего) и сопряжены с субъектом 3-го л. Они передают внутреннюю точку зрения, это несобственно-прямая речь (3-е лицо, относящееся к Пьеру), продолжающая прямую речь героя (1-е лицо, относящееся к Пьеру). Внешним признаком внутренней точки зрения и близости к 1-му лицу является невозможность включения в высказывание модальной рамки: **то вдруг ему, наверное, становилось стыдно*. 3-е лицо здесь предъявляет зону совпадения автора и героя: состояния и мысли принадлежат герою и даны изнутри его личности.

Тем самым высший статус и центральное место Я среди других субъектов состояния обнаруживается не только субъектным нулем, но и констативностью актуально-временных Я-высказываний и запретом в них на «модальную загородку», в отличие от высказываний с 2-м и 3-м лицом. Утверждение о состоянии 2-го лица требует подкрепления обоснованием мнения (иначе высказывание бессодержательно); утверждение о состоянии 3-го лица (скрыто) интерпретационно.

Предназначенность слов категории состояния для актуальных состояний Я должна отражаться в преобладании констатирующих высказываний наст.вр. с 1-м лицом субъекта чувствующего. Однако неглагольный характер статуйального прототипа затрудняет его количественный морфологический анализ с помощью технических средств — отсутствуют и глагольная связка («нулевая» связка), и согласовательная техника между субъектом в косвенном падеже (Дат.) и предикатом по категории глагольного лица-числа, Я-субъект часто представлен «синтаксическим нулем». Тем не менее количественно подтвердить то, что значение «Я-субъект и его актуальный статуйальный признак» занимает особое положение в синтаксической парадигме, можно на глагольных предикатах с морфологической координацией с субъектом (Им.п. субъекта — согласование по лицу-числу). Такие глаголы можно найти среди семантических примитивов — это глаголы, «обслуживающие» состояния «Я здесь и сейчас» с количественным перевесом форм 1-го лица: *хотеть, чувствовать*, см. табл. 1. Их можно назвать Я-глаголами или «перволичными». Кроме того, к перволичным принадлежат ментальные глаголы *знать, думать*, а также *понимать*. Таблица показывает, что тесную связь с 1-м лицом имеют глаголы, для которых характерно употребление в роли предикатов, обнаруживающих тип модуса (предикаты позиционной установки).

Таблица 1

Глагол	Формы глагола	Количество форм
Хотеть	хочу	27524
	хочешь	15288
	хочет	19626
Думать	думаю	28603
	думаешь	6218
	думает	6670
Знать	знаю	132941
	знаешь	20811
	знает	72998
Чувствовать	чувствую	5316
	чувствуешь	1786
	чувствует	3959

Особый подкласс среди глагольных статуальных предикатов составляют возвратные эмотивы; они относятся к непрототипическим средствам выражения статуальной семантики. О них и пойдет речь ниже.

2. Функционально-грамматический анализ возвратных эмотивов

Функционально-грамматический анализ включает такие аспекты изучения глаголов: (1) структурные и семантические основания объединения глаголов в группу; (2) типовое значение субъекта и предиката в глагольной конструкции и ее место среди конструкций с тем же типовым значением; (3) реализация морфологической парадигмы глагола, представленной в грамматических словарях в виде набора равнозначных форм, в текстах; (3) семантические категории, проявляемые функциональной парадигмой глагола; (4) текстовая предназначенность данного типа предикатов.

Единство группы возвратных эмотивных глаголов держится на семантическом и структурно-морфемном сходстве. В нее вошли глаголы на *-ся*: *восхищаться, сердиться, умиляться, утешаться, успокаиваться* и др., которые характеризуются регулярной соотношенностью с каузативными (переходными) эмотивными глаголами и производны от них (*восхищать, сердить, умилять, утешать, успокаивать* и др.). Эмотивное значение тех и других глаголов мотивировано именным корнем, что отражено в словарных толкованиях посредством неполнозначенательного глагола и существительного со значением соответствующего чувства:

радоваться — «испытывать радость», *ужаснуться* — «прийти в ужас». Тем самым, критериями принадлежности к нашей группе возвратных эмотивов являются именной корень (всего около 80 корней/основ) и соотносительность с каузативно-эмотивными (переходными) глаголами. В некоторых из возвратных глаголов данной группы собственно-эмотивное значение затушевывается значением «поведения», эмотивный признак входит в толкование как дополняющий компонент значения, ср. *веселиться* — «весело проводить время». Однако для данной глагольной группы, статуйально непрототипической, такое смещение лексической семантики от состояния к внешнему проявлению состояния является характерным, что и будет показано (см. п. 2.1).

Любопытно, что «структурное ядро» глаголов психического состояния, образуемое, по мнению Е.В. Падучевой, переходными эмотивами [Падучева, 2004: 276], может достраиваться за счет ненормативных парных лексем. См. глагол *гневаться*, который связан отношениями производности с *гневаться*, в отличие от нормативного *гневить*): *Не гневай Бога; Соседи начнут уговаривать строптивого боярина, чтобы он царя не гневал* (С.А. Еремеева, 2000). Вероятно, свою роль играет и принадлежность новой лексики к первому продуктивному классу спряжения.

Возвратные эмотивы обозначают состояние личного субъекта или проявление состояния в особом поведении и отстоят от центра частеречного глагольного поля, организуемого глаголами действия. Отстоят они и от центра поля статуйальности, который занимают предикаты, обозначающие кратковременные состояния Я-субъекта: категория состояния (*грустно, странно*), предикативные прилагательные (*рад, доволен*), краткие причастия (*расстроен, огорошен*), каузативные прилагательные (*возмутительно, что...*), предложно-падежные формы (*в отпаде, в шоке*). Возвратные эмотивы соединяют значение состояния с аспектуально-темпоральной характеристикой. Их специализацию (отход от прототипа) можно обнаружить по функционированию морфологической парадигмы (категорий лица-числа и времени).

2.1. Лицо и число в настоящем времени

Основное внимание в частотном анализе было уделено формам 1-го лица ед.ч. наст.вр. (прототип — актуальное состояние Я-субъекта) в сопоставлении с формами 3-го лица ед.ч. и мн.ч. Их соотношение должно обнаружить тип субъекта чувствующего, на котором специализируются возвратные эмотивы. Соотношение форм 3-го лица ед.ч. и мн.ч. представляет интерес в связи с тем, что число может проявлять семантическую категорию индивидуальности/

неиндивидуальности субъекта. Формы 2-го лица (учитывались формы ед.ч.) обычно незначительны по количеству и служат контрастом, подчеркивая, что главное «противостояние» разворачивается между формами 1-го и 3-го лица. См. табл. 2.

Таблица 2

Глагол	Формы глагола	Количество форм	Индекс перволичности (Соотношение 1/3 л.)	Индекс индивидуальности (Соотношение ед./мн. в 3-м л.)
Сердиться	сержусь	111	0,023	6,883
	сердишься	134		
	сердится	413		
	сердятся	60		
Восхищаться	восхищаюсь	177	0,617	1,05
	восхищаешься	19		
	восхищается	147		
	восхищаются	140		
Восторгаться	восторгаюсь	14	0,215	1,407
	восторгаешься	4		
	восторгается	38		
	восторгаются	27		
Пугаться	пугаюсь	52	0,138	0,994
	пугаешься	20		
	пугается	187		
	пугаются	188		
Волноваться	волнуюсь	400	0,545	2,878
	волнуешься	117		
	волнуется	544		
	волнуются	189		
Радоваться	радуюсь	389	0,357	1,711
	радуешься	160		
	радуется	688		
	радуются	402		
Гневаться	гневаюсь	2	0,034	4,8
	гневаешься	5		
	гневается	48		
	гневаются	10		
Беспокоиться	беспокоюсь	173	0,476	2,270
	беспокоишься	63		
	беспокоится	252		
	беспокоятся	111		

Анализ частотности показывает общую склонность возвратных эмотивов к 3-му лицу субъекта чувствующего, однако по-разному проявленную у разных лексем.

Тяготение возвратных эмотивных глаголов в форме наст. вр. к 3-му лицу и ограниченность употреблений с 1-м лицом свидетельствуют о том, что эти предикаты переводят состояние в сферу 3-го лица. Эти формы могут означать и актуальную, и неактуальную временную локализованность:

Мирон пугается и, втащив меня в прихожую, судорожно запирает дверь ... (Е. Лукин, 2013) (актуальн.) — *Человек ... каждый раз пугается того, что его оценят и признают плохим.* (Г. Тарасевич, 2011) (неактуальн.);

«Ну да, ну да, — раздражается и мямлит доктор. (А.К. Смирнов, 2012) (актуальн.) — *Едва возле него появляется другая знаменитость, ... он уже чувствует себя как бы умаленным, обиженным, раздражается и злится.* (И. Волгин, 2010) (неактуальн.).

При этом актуальное значение наст. возвратных эмотивов перфектное — оно отсылает к моменту начала испытывания состояния; в предикатных парах с союзом «и», соединяющих состояние и действие, состояние, начавшееся до момента действия, продолжается и в момент этого действия (см. примеры выше).

Формы 1-го лица нечастотны и неосмысляемы в актуальном значении: *Я (часто/иногда) раздражаюсь, радуюсь, пугаюсь.* Если осмысление в актуальном наст. 1-го лица и возможно, то в нарративе с рассказчиком (внутритекстовой фигурой, совмещающей роли повествователя и героя). Тогда происходит расслоение *Я* на две одновременные инстанции, авторскую и персонажную: — *Замечательно! — радуюсь и я...* (А. Рыбаков, 1975–1977). Результатом становится взгляд на себя со стороны, как на другую личность, что можно назвать несобственно-первым лицом, режимом 3-го лица. Деактуализация наст.вр. в связи с *Я* и значение несобственно-*Я* в актуальном наст. означают, что связь между 1-м лицом и настоящим актуальным, ядерным значением статуйного прототипа, в возвратных эмотивах расстроена.

В работе [Апресян, 2004: 16] отмечалось, что глаголы «эмоциональных состояний» сближаются с интерпретационными; при этом интересно, что иллюстрируется это положение преимущественно возвратными эмотивами (*беспокоиться, восхищаться, злиться, смущаться, удивляться*), которые предстают в форме 3-го лица: *Х беспокоится...* Этот анализ сегодня можно дополнить тем, что и употребляются они преимущественно в форме 3-го лица, т.е. обнаруживают предназначенность для приписывания эмотивного признака персонам, отстоящим от *Я*.

Сравнение форм 1-го и 3-го л. наст. вр. разных глаголов показывает, что есть полюс третьеличности, связанный с теми эмотивными глаголами, которые максимально нехарактерны для называния состояний Я-субъекта (*сердиться, пугаться, гневаться*), их связь с 3-м лицом более глубокая, чем у других эмотивов — см. низкий «индекс первеличности».

Есть немногочисленные глаголы, формы лица которых распределяются между 1-м и 3-м лицами не с таким сокрушительным перевесом в пользу 3-го лица. Минимальный разрыв по этим формам показывают глаголы *восхищаться, волноваться* — см. высокий «индекс первеличности». Склонность к соединению с Я-субъектом коррелирует со способностью передавать актуальное значение в наст.вр.: *Восхищаюсь вами! Я волнуюсь.*

Из соотношения ед. и мн. в 3-м лице («индекс индивидуности») видно, что глаголы разнятся не только по предрасположенности к Я-субъекту, но и по тому, насколько эмоция индивидуна, т.е. переживается «индивидуально» либо «коллективно». Самыми индивидуальными оказываются *сердиться, гневаться*, а самыми неиндивидуальными — *пугаться* и *восхищаться*. Полюс неиндивидуальности и третьеличности составляет *пугаться* — эмоция сенситивная, соединяющая людей и субъектов более низких рангов, животных. Самые индивидуальные третьеличные эмотивы связаны с высоким иерархическим субъектом (Бог, начальник) — это те субъекты, которые онтологически не предполагают множественности; у них же формы 2-го лица преобладают над формами 1-го лица — вероятно употребление в рамках вопроса: *Юпитер! Ты все еще гневаешься?!* (Форум 2010). Между двумя параметрами — степень первеличности и индивидуности — нет параллелизма: семантически индивидуальность сочетается как с третьеличностью (*сердиться*), так и с первеличностью (*волноваться*).

Если в нашем исследовании семантическая категория индивидуности/ неиндивидуальности субъекта рассматривается в количественном аспекте и в рамках синтаксиса (конструкции), то в качественном аспекте количественность субъекта уже привлекала внимание исследователей как компонент лексического значения эмотивных глаголов (см. [НОСС, 2003]). С позиций частотного морфологического анализа видно, что такие признаки, как «интеллектуальность/ сенситивность» эмоции, «иерархический субъект», «коллективность», проявляются в функционировании категории числа и связывают семантику субъекта чувствующего с семантикой предиката. Интересно, что, подобным образом, в исследовании [Овсянникова, 2019: 132–133] опора на количественное преобладание для эмотивно-

каузативных конструкций с личными местоимениями варианта порядка слов OVS (*Меня смущает тот факт, что...*) позволила автору показать, что Вин.п. «близок к подлежащему», подтвердив тем самым идею, высказанную в [Золотова, 1988: 157], где Вин.п. личных существительных и местоимений при глаголах данной семантики описан как имеющий «двойное значение»: «объекта каузирующего воздействия и субъекта каузируемого состояния».

В отличие от семантики индивидуности/неиндивидуности третьеличность является общим для всей группы признаком. Отход возвратных эмотивных глаголов от субъекта 1-го лица можно объяснить отчуждающей грамматической техникой возвратности, которая описана на глаголах действия в [Никитина, 2008]. Соединение возвратности с эмотивной лексической семантикой глагольной основы также создает отчуждающий от Я эффект. Его можно видеть при сравнении возвратных эмотивов с (1) переходными эмотивами-коррелятами (типа *радоваться*) и (2) возвратными эмотивами без переходных коррелятов (типа *опасаться*).

Большинство переходных эмотивов легко предсказывают состояния субъекта 1-го лица: *Меня радует/смущает/пугает, что...* — см. аргументацию в [Овсянникова, 2019]. Более того, для переходных эмотивов характерно выражение субъекта «синтаксическим нулем», что является признаком перволичного субъекта: *Радует/смущает/пугает, что ...* означает состояние Я-субъекта. См. результаты частотного анализа НКРЯ в табл. 3: для Я-субъекта «синтаксический нуль» преобладает над местоименным выражением. Тем самым отличие переходных эмотивов от соотносительных возвратных (и их специализация), помимо фокуса на причине состояния и более рационалистичной семантики, соединяющей состояние с ментальностью, которая обусловлена обязательным каузальным компонентом конструкции, как раз и состоит в большей свободе соединения с Я-субъектом.

Сравнение соотносительных и несоотносительных возвратных эмотивов показывает, что функционирование категории лица у них сходно. За исключением более «перволичного» *бояться*², несоотносительные возвратные эмотивы вписываются в картину «третьеличных» глаголов (табл. 4).

Этот анализ возвращает нас к работам А.А. Шахматова и А.М. Пешковского, соединявших в общевозвратном залоге как парные, так и непарные возвратные глаголы со значением «внутреннего душевного переживания» субъекта: «не вижу смысла отделять

² Возможно, серьезный вклад в количество форм 1-го лица вносят употребленные не в статуальном, а в ментальном значении — *Боясь, что...*

одни глаголы от других в их залоговом значении» [Шахматов, 2001: 478]. Лингвистические интуиции подтверждаются тем, что общевозвратные глаголы обладают сходством не только на уровне категориальной семантики (означают состояние) и формы, но и на уровне функционирования категории лица.

Таблица 3

Формы глагола	Местоимение Я в Вин.п.	«Синтаксический нуль» Вин.п.	Всего примеров
пугает, пугают	39	88	267
восхищает, восхищают	48	59	179

Таблица 4

Глагол	Формы	Количество	Индекс перволичности	Индекс индивидуальности
Бояться	боюсь	6 945	0,994	1,46
	боится	4 148		
	боятся	2 835		
Опасаться	опасаюсь	173	0,25	0,74
	опасается	294		
	опасаются	394		
Остерегаться	остерегаюсь	9	0,19	1,47
	остерегается	28		
	остерегаются	19		

К общевозвратному залогу, т.е. к глаголам «внутреннего душевного переживания», Шахматов относит и глаголы *усмехаться*, *улыбаться* — не эмотивные, а «мимические», ср. также: *кукситься*, *разлимониться*, *дуться*. Они третьеличны, см. табл. 5; более того, «мимические» глаголы семантически дополнительные по отношению к эмотивам: если эмотивный признак приписывается 3-му лицу на основании внешних проявлений, то «мимические» глаголы означают внешние проявления эмоций.

Таблица 5

Глагол	Форма	Количество	Глагол	Форма	Количество
Усмехаться	усмехаюсь	30	Улыбаться	улыбаюсь	292
	усмехается	343		улыбается	2618
	усмехаются	20		улыбаются	592

2.2. Число и вид в л-формах

В л-формах «противостояние» между 1-м и 3-м лицом нерелевантно: в прош.вр. и сослагательном наклонении синтаксическое 1-е лицо оказывается приближено к 3-му лицу (другая временная инстанция Я, отделенная от Я момента речи). Для анализа л-форм были привлечены формы глаголов в ед. (учитывались все формы рода) и мн.ч., см. табл. 6. При этом роль сослагательного наклонения среди л-форм невелика: ср. 5 и 2 на 100 примеров для форм *волновался* и *обрадовался* соответственно.

Таблица 6

Глагольные формы	Количество форм	Глагольные формы	Количество форм	Глагольные формы	Количество форм
радовались	719	восхищались	331	волновались	325
обрадовались	521	восхитились	38	разволновались	28
радовался	1907	восхищался	693	волновался	1419
обрадовался	3810	восхитился	788	разволновался	358

Если сравнивать количество форм ед. и мн.ч. для каждой из пар несов./сов.в., то увидим, что формы мн.ч. глаголов несов.в. преобладают над формами мн.ч. глаголов сов.в., а формы ед.ч. глаголов сов.в. преобладают над формами ед.ч. глаголов несов.в. Это означает, что семантическая категория индивидуности проявляется посредством категории количественности, распределенной между глагольным видом (выражающим «количество действия») и согласовательной категорией числа (выражающей количество субъектов). По закону «семантического согласования» несов.в. оказался связан с множественными субъектами, а сов.в. — с индивидуальными. Исключения из этой тенденции составляют некоторые формы (в нашей выборке *волновался*).

Л-формы сов. ед.ч. более многочисленны, чем соответствующие формы сов. мн.ч. Главная роль среди них принадлежит формам прош.вр. Сов.прош. возвратного эмотива — это канонический способ выражения перфектного значения, которое максимально конкретизирует значение прош. времени. В нарративных текстах сов. прош.ед. означает состояние личного индивидуального субъекта в условиях конкретно-временной локализации с фиксацией начала эмоционального состояния (перфект) и организует фрагменты в актуальном прошедшем.

Одной из интересных текстовых тактик является соединение пары предикатов, относящихся к одному лицу, первый из которых статуальный, а второй акциональный: *Он очень расстроился и холодно с мной простился* (А. Макушинский, 2012). Два предиката таких серий связаны отношениями временного следования: сначала эмоция, потом действие, однако перфектное значение состояния «наплывает» на момент действия (в момент совершения действия герой продолжает испытывать эмоцию). При этом важно, что интерпретационный характер приобретает не только эмотивный предикат, но и предикат действия («холодно простился»). Если эмоция и действие наблюдаемого субъекта представлены рассказчиком для читателя как причина и следствие («расстроился и потому холодно простился»), то для самого рассказчика действие может выступать как внешний признак, мотивирующий мысль о внутреннем состоянии наблюдаемого субъекта («холодно простился — следовательно, расстроился»). См. также пример, соединяющий наблюдение, констатацию и интерпретацию: — *Откуда ты знаешь? — возмутился Колюня, но в душе всё равно испугался и быть профессиональным разведчиком и революционером передумал* (А. Варламов, 2000). В данном примере в рамках прош. эксцентрично соединены внешние и внутренние характеристики (речевое действие, чувства и мысли), актуальные и неактуальные (*возмутился, испугался — передумал*), при этом все предикаты интерпретационны и создают отстраняющий, иронический взгляд автора на персонажа.

Заключение

Частотный анализ морфологических форм выступает средством лингвистического анализа наряду с лингвистическим экспериментом, толкованием посредством семантического языка, текстовым анализом и др. и позволяет обосновать интуиции, высказанные в лингвистике ранее, а также обнаружить новые семантические стороны известных лингвистических объектов.

Возвратные эмотивные глаголы обнаруживают «асимметричность» заполнения личной парадигмы — они относятся к «третьеличным» глаголам, что объясняется непрототипическим характером данных предикатов состояния. Это результат взаимодействия (1) глагольности и статуальности, (2) эмотивной основы (корня) и возвратного постфикса -ся. Возвратные эмотивы подают эмоциональное состояние как увиденное и интерпретированное с точки зрения внешнего наблюдателя. Это, с одной стороны, может смещать лексическое значение глагола в смежную с состоянием семантическую

зону — проявления состояния, что фиксируется в толковых словарях; с другой стороны, в рамках грамматических учений оба варианта лексических значений могут соединяться в едином структурно-семантическом классе (общевозвратный залог).

Семантическая «третьеличность» обуславливает текстовую предназначенность возвратных эмотивов. Они относятся к арсеналу средств создания внешней точки зрения на героя — от пространственной дистанцированности автора до идеологической.

«Третьеличным» противостоят «перволичные» глаголы, к которым относятся глаголы, обнаруживающие тип модуса (в том числе семантические примитивы).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 5–22.
2. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
3. Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. 2-е изд. М., 2004.
4. Никитина Е.Н. Акциональность/ неакциональность возвратного глагола и категория субъекта: к грамматической сущности категории залога: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
5. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. М.; Вена, 2003.
6. Овсянникова М.А. Глаголы с аккузативным экспериенцером в русском языке: семантические группы и синтаксические свойства: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2019.
7. Падучева Е.В. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. Модальность. URL: rusgram.ru/ Модальность (дата обращения: 15.03.22).
8. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М., 2001.

REFERENCES

1. Апресян Ju.D. Interpretacionnye glagoly: semanticheskaja struktura i svojstva. [Interpretative verbs: semantic structure and properties]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language and linguistic theory], 2004, 1 (7), pp. 5–22.
2. Nikitina E.N. *Akcional'nost' / neakcional'nost' vozvratnogo glagola i kategoriya subjekta: k grammaticheskoj sushhnosti kategorii zaloga* [Actionality/nonactionality of reflexive verbs: to the grammatical nature of the category of voice]. Moscow, 2008.
3. Novyj obyasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka [New explanatory dictionary of Russian synonyms]. 2nd ed. Moscow; Vienna, *Yazyki slavyanskoj kul'tury: Venskij slavisticheskij al'manakh* Publ., 2003, 1488 p.
4. Ovsyannikova M.A. *Glagoly s akkuzativnym jeksperienecerom v russkom jazyke: semanticheskie grupy i sintaksicheskie svojstva*. [Accusative experiercer verbs in Russian: semantic groups and syntactic properties]. Sankt-Peterburg, 2019.
5. Paducheva E.V. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki. Modal'nost'* [Russian Corpus Grammar. Modality]. URL: rusgram.ru/ Модальность (accessed: 15.03.2022).

6. Shakhmatov A.A. *Sintaksis russkogo jazyka* [Syntax of the Russian Language]. 3nd ed. Moscow, URSS Publ., 2001, 624 p.
7. Zolotova G.A. *Sintaksicheskii slovar': repertuar elementarnyh edinic russkogo sintaksisa* [Syntactic dictionary: repertoire of the elementary units of Russian syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 440 p.
8. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Ju. *Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. 2nd ed. Moscow, 2004, 544 p.

Поступила в редакцию 07.02.2022

Принята к публикации 24.05.2022

Отредактирована 17.06.2022

Received 07.02.2022

Accepted 24.05.2022

Revised 07.06.2022

ОБ АВТОРЕ

Никитина Елена Николаевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник ФИЦ ИУ РАН; yelenon@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena Nikitina — PhD, Research Fellow, Federal Research Center “Computer Science and Control” of the Russian Academy of Sciences Moscow, Russia; yelenon@mail.ru

ВВОДНО-МОДАЛЬНОЕ СЛОВО *КОНЕЧНО* И ЕГО ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ

Н.М. Девятова

*Московский городской педагогический университет, Москва, Россия;
deviatovan@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются модусные особенности вводно-модального слова *конечно* и его вариантов и природа его диалогичности. Семантика *конечно* описывается в терминах модусной семантики как контекстно обусловленная. Диалогичность *конечно* проявляется как гармония или противопоставление двух точек зрения. Это может быть точка зрения обобщенного лица или отдельной группы, выражающих обычное, естественное представление о ситуации, и говорящий солидаризируется с ней (*конечно*). Мнение говорящего может противопоставляться общепринятой точке зрения (*конечно.., но*). Модусная семантика *конечно* и его отдельных вариантов поразному проявляется в монологической и диалогической речи. Чаще употребляемое в диалогической речи *конечно, конечно* выражает вежливое согласие, желание успокоить собеседника. Это может быть и мнимое согласие. Степенью вежливости различаются такие варианты, как *да, конечно; нет, конечно — да, да, конечно*, возможные как в диалоге, так и в монологической речи. *Да конечно, да уж конечно, ну конечно* могут выражать противоположные смыслы: согласие и несогласие, актуализуя при этом разные смыслы. *Да конечно* может актуализировать и такой смысл, как простота вывода, который легко может сделать и говорящий, и слушающий. *Конечно же* предполагает естественность и понятность вывода «по-другому и не может быть». *Ну конечно* аккумулирует ряд модусных смыслов, направленных на поиск правильного вывода, желание понять ситуацию, удовлетворение, когда правильный ответ найден, согласие с говорящим. Совокупность модусных смыслов, определяющих значение единицы, рассматривается как «модусный сценарий», в котором находит отражение единственная или неединственная точка зрения.

Ключевые слова: точка зрения; монологическая и диалогическая речь; ментальный модус; «модусный сценарий»

Для цитирования: Девятова Н.М. Вводно-модальное слово *конечно* и его прагматические смыслы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 4. С. 80–92.

INTRODUCTORY-MODAL WORD 'KONECHNO' AND ITS PRAGMATIC MEANING

Nadezhda Devyatova

Moscow City Teachers' Training University, Moscow, Russia; deviatovan@mail.ru

Abstract: The article deals with the modal features of the introductory-modal word конечно ('konechno') and its variants and the nature of its dialogicity. Semantics of 'konechno' is described in terms of mode semantics as contextually stipulatory. Dialogicity of 'konechno' manifests itself as harmony or opposition of two points of view. This can be the point of view of a generalized person or a separate group expressing an ordinary, natural notion of the situation, and the speaker solidarizes with it (konechno). The speaker's opinion can be contrasting with the generally accepted notion ('konechno... no' — of course... but). Modal semantics of 'konechno' and its specific variants manifest themselves differently in monological and dialogic speech. More often used in dialogic speech 'konechno konechno' expresses polite agreement, a desire to calm the counterpart. It can also be a mock agreement. The degree of politeness is distinguished by such options as 'da, konechno', 'net, konechno' 'da,da konechno' possible both in dialogue and in monological speech. 'Da konechno' (yeah right), 'da uzhe konechno' (yeah sure), 'nu konechno' (well of course) may have the opposite meanings: agreement and disagreement while actualising the different meanings. 'Da konechno' can also actualize a meaning of simplicity of the conclusion which can easily be made by both the speaker and the listener. 'Konechno zhe' assumes the naturalness and understandability of the conclusion "it cannot be otherwise". 'Nu konechno' accumulates a number of modal meanings aimed at finding the right conclusion, the desire to understand the situation, satisfaction when the right answer is found, agreement with the speaker. The combination of modal meanings that determine the meaning of the unit are examined as a "modus scenario" which reflects a single or non-single point of view.

Key words: point of view; monologue and dialogic speech; mental modus; "modus scenario"

For citation: Devyatova N.M. (2022) Introductory-modal Word 'Konechno' and Its Pragmatic Meaning. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 4, pp. 80–92.

Исследование языковых единиц, отражающих позицию говорящего, вписывается в задачи антропоцентрической лингвистики, изучающей разные проявления субъективности в языке. Среди таких единиц особое место занимают вводно-модальные слова, в другой терминологии слова дискурсивные, предназначенные для выражения субъективной модальности — отношения говорящего к высказыванию. Дискурсивные слова, как отмечают авторы «Путеводителя по дискурсивным словам», предназначены для «управления процессом общения: они выражают истинностные и этические

оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом» [Баранов, Плунгян, Рахилина, 1993: 7]. Проблема значения вводно-модального слова связана с особенностями передаваемого модуса, связи с текстом, характером отражения точки зрения — единственной или неединственной.

Пионерской работой в исследовании вводных слов справедливо считается работа В.В. Виноградова [Виноградов, 1950], в которой автор представил классификацию вводных слов, отражающую разную связь с фигурой говорящего и текстом. Как можно видеть из анализа, одни вводные слова непосредственно выражают модус, у других связь с категорией модуса опосредована отношениями с текстом.

Анализируемое в настоящей работе вводное слово *конечно* связано с ментальным модусом и относится к группе слов, «выражающих оценку говорящим степени реальности сообщаемого (уверенность, предположение, возможность, неуверенность и т.п.)» [Розенталь, 2009: 165]. Говоря о семантике *конечно*, в нем выделяют значение достоверности, категоричности, но, как представляется, этим не исчерпывается значение единицы. Применительно к отдельным контекстам нуждаются в уточнении и сами понятия достоверности и категоричности. Анализ отдельных вводных слов (например, вводного слова *похоже* [Девятова, 2008]) убеждает в их уникальной семантике.

Многие исследователи в качестве их особенности отмечают диалогичность. О диалогичности можно говорить и применительно к вводно-модальному слову *конечно*. В настоящей работе проблема значения *конечно* описывается как контекстно обусловленная модусная семантика.

В сложившейся практике исследования дискурсивных слов диалогичность понимается как «выражение социальных отношений, прежде всего между автором и адресатом» [Шмелева, 2008: 145]. Определились и некоторые направления исследования семантики дискурсивных слов. В работах Е.С. Яковлевой [Яковлева, 2003], Е.Р. Ионесян [Ионесян, 1993] на примере анализа отдельных вводных слов показано, как единица взаимодействует с ситуацией, в какой степени модусную семантику определяет отношение с контекстом. Так, Е.С. Яковлева в значении вводного слова видит связь с информацией, на основе которой говорящий делает свой вывод о событии — прямой или косвенный контакт с ситуацией или отсутствие такого контакта [Яковлева, 1988: 131].

Большинство вводных слов и *конечно* в том числе отражают ментальный модус и естественно появляется в информативном

регистре, организованном ментальной модусной рамкой. О коммуникативном регистре как минимальной текстовой единице и модусной рамке как организующем начале минимального текстового фрагмента см. [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998]. Например:

(1) *Что до матери, то, конечно, я заметил и понял ее прежде всех. Мать была для меня особым существом среди всех прочих, нераздельным с моим собственным, я заметил, почувствовал ее, вероятно, тогда же, когда и себя самого* (И.А. Бунин. Жизнь Арсеньева).

Лишь некоторые вводные слова, например, *кажется* и *похоже* [Девятова, 2009] допускают связь с репродуктивным регистром. Поскольку большинство вводных слов связаны с ментальной деятельностью говорящего — построением «возможного мира говорящего», в науке определился интерес к исследованию их «миропорождающего потенциала».

В настоящей статье речь пойдет о вводном слове *конечно*, об особенностях выражаемой им точки зрения, его взаимодействии с контекстом, текстовых приращениях, определяемых особенностями монологической или диалогической речи.

Поставленные проблемы требуют обращения к анализу текстовых условий употребления вводно-модального слова, типологии контекстов и модусных значений.

Одно из проявлений диалогичности, заложенной в *конечно*, хорошо отражает приводимый в «Дискурсивных словах» пример:

(2) *«Товарищи! Деточкин, конечно, виноват, но... он не виноват!»* (из к/ф. «Берегись автомобиля»)

Специфика диалогичности проявляется в противопоставлении обычного взгляда на ситуацию (угон машин считается преступлением — все считают) и точки зрения говорящего, учитывающего особенности конкретной ситуации (Деточкин наказывает только преступников, и это справедливо, с точки зрения говорящего). В терминологии «Дискурсивных слов русского языка», «говорящий, говоря *р* от своего имени, одновременно ссылается на внешние факторы, ручающиеся за *р*. Тем самым за *р* «отвечают» двое — говорящий и еще некто/нечто, что далее мы называем «внешним гарантом» [Дискурсивные слова русского языка, 1998: 345].

Диалогичность *конечно* может выражаться как в гармонии точки зрения говорящего (1) с общепринятым мнением, так и в их противопоставлении (2).

Чаще *конечно* представляет солидарность с устоявшимся в обществе или в отдельной группе мнением, с обычным взглядом на явление. В опоре на обычное мнение, в солидаризации говорящего с таким мнением и проявляется достоверность и категоричность.

Рассмотрим возможности употребления *конечно* в разных типах речи — монологической и диалогической речи. Например:

(3) *Лида бросила взгляд на часы — без десяти одиннадцать. Конечно, он что-то придумал. Какой-то необычный сюрприз, он это умеет* (М. Метлицкая. И все мы будем счастливы).

Вывод говорящего основывается на знании обычного поведения человека — того, как он ведет себя в той или иной ситуации. Так, позднее появление дома в данной семье предполагает желание героя поразить свою жену. Или:

(4) *За родителей, конечно, было обидно, а еще больше стыдно. И не только за них, но и за себя — за то, что стесняется их* (М. Метлицкая. Жить).

Считается естественным испытывать обиду за родителей, когда они чувствуют себя неудобно.

(5) *Большинство наших учителей были люди серые, незначительные, среди них выделялось несколько чудаков, над которыми, конечно, в классах всячески потешались, и два-три настоящих сумасшедших* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).

Конечно оформляет естественный вывод из ситуации. Говорящий в своем мнении опирается на общепринятое мнение и естественный вывод. Были чудаки — конечно, естественно над ними смеялись. Обычное мнение о ситуации и мнение личное совпадают. Или:

(6) *А вечером подъехали и другие гости, и все, кроме старших, решили, конечно, ехать по соседним усадьбам ряжеными* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).

Для праздника и гостей нормальным является ехать ряжеными. Такое поведение считается естественным. Мнение говорящего совпадает с общепринятым мнением.

Точка зрения обобщенного субъекта и говорящего могут не только выступать солидарно, но и вступать в конфликт, противопоставляться друг другу. Обратим внимание на вариант *конечно.., но* (2). Здесь противопоставляются обычная точка зрения на предмет и отличающаяся точка зрения говорящего. Например:

(7) *Смущенно, отводя глаза, бросал: — Мне просто необходимо посмотреть на тебя, нюхнуть твои волосы — и все, можно прожить еще одну ночь и дожить до утра. Это такая таблетка, спасительный укол, чтобы не помереть.*

Нет, приятно, конечно. Но копилась, конечно, копилась и обида, и раздражение (М. Метлицкая. И все мы будем счастливы);

Подобная ситуация многими, и говорящим в том числе, оценивается как приятная. Однако ситуация не полностью удовлетворяет говорящего. Ситуация не исчерпывается «приятностью». В рамках этой точки зрения существует конфликт: героиня ожидает от

героя и других действий. И эта точка зрения оказывается более значимой. Те же отношения между общим и частным можно видеть и в примерах 7, 8, 9.

(8) Краем уха услышала, что свекровь собралась в Клин к сестре, но точную дату не знала — в эти выходные, в следующие?

Нет, конечно, можно спросить. Но Кира чувствовала, что свекровь о чем-то догадывается (М. Метлицкая. И все мы будем счастливы).

Говорящий считает вполне допустимым и естественным задать вопрос, но сам вопрос может привести к неожиданным последствиям. Утверждение, вводимое *конечно*, далее корректируется. Но вводит опровергающий аргумент, и этот аргумент оказывается сильнее аргумента первого. В ситуации, когда обычное мнение допустимо, более весомым становится выбор в пользу другого выбора. Например:

(9) Лидия бесстрашно поехала провожать его в Шереметьево. Там было торжественно и сильно пахло заграницей. Они, конечно, обменялись адресами, но это дым, дым мечты и не имело значения (Л. Улицкая. Цю-юрихь).

Модусную специфику *конечно*.., но можно представить следующим образом: я, как и все, считаю ситуацию обычной, из которой следует обычный, естественный вывод (обмен адресами предполагает продолжение отношений), однако я понимаю, что продолжение отношений в этой ситуации практически невозможно.

Обратимся к анализу поведения *конечно* в диалогической речи. Конечно при поддержке *да*, *нет* выражает согласие /несогласие.

Так, оно может представлять формулу согласия. Чаше *конечно* сопровождает утверждение или отрицание *да*, *нет*. Например:

(10) Вершинин похорошел. Однако раньше он был лучше. Он был ее, как Олег. А теперь Олег у Ирочки. Вершинин у бизнеса. А что же ЕЕ? Французский язык... И это все.

— Значит, у тебя хорошее настроение? — подытожила Анна.

— Да нет, конечно (В. Токарева. Я есть. Ты есть. Он есть).

Говорящий (Вершинин) пытается убедить Анну в своем плохом настроении. Отношения героев омрачает (как хочет это представить Вершинин) наличие жены. Считается, что это нормально — в ситуации, когда любви мешают внешние обстоятельства, испытывать плохое настроение. Это, как считает Вершинин, неизбежно в подобной ситуации. Мнение говорящего можно выразить так: тебе кажется, что у меня хорошее настроение, но в той ситуации, в которой находимся мы, когда любви мешают внешние обстоятельства, нельзя не быть в плохом настроении, я хочу убедить тебя в этом. Убедительность говорящего основана на апелляции к обобщенной

точке зрения (в подобной ситуации многие чувствовали бы себя так же). Или:

(11) *Есть слова о том, что детский театр — самый ответственный и самый совестливый театр. Вы согласны с этим утверждением? — Да, конечно. В наших руках находятся очень хрупкие души* (Анастасия Гулина. Слух к чужой боли // Богатей (Саратов). 2003, 09.11)¹.

Подобное соединение позволяет выразить полное согласие (*да, конечно*) или несогласие (*нет, конечно*).

В диалогической речи в случае положительного ответа на вопрос *конечно* является сильным утверждением. Такое решение представляется говорящему единственно возможным и неизменным при любом положении дел. Например:

(12) *Правда, мы никогда не расстанемся? — Конечно. — Правда, никогда не будет так, чтобы нам надо было расстаться?* (Сергей Козлов. Правда, мы будем всегда? 1969–1981) (НКРЯ).

Здесь подтверждения требует как неизменность решения персонажа, так и неизменность обстоятельств.

В монологической внутренней речи *нет, конечно*, выступает как способ самоубеждения. Например:

(13) *Любила ли она мать? Сложный вопрос. Нет, конечно, любила. Гордилась ею, восхищалась, немного ей завидовала* (М. Метлицкая. Три женщины в городском пейзаже).

Обратим внимание и на другой контекст — повтор вводного слова — *конечно, конечно*. Обычный контекст для такого употребления — ситуация диалога. Например:

(14) *В руках у него была бутылка коньяка. — Разрешите войти? — Конечно, конечно! Милости просим! Садитесь, гостем будете* (И. Грекова. На испытаниях).

(15) *Ну скажи же, моя милая, по совести, разве каждая женщина в глубине своего сердце не мечтает о такой любви — единой, всепрощающей, на все готовой, скромной и самоотверженной?*

— *О, конечно, конечно, дедушка* (А. Куприн. Гранатовый браслет).

Говорящий не только выражает согласие, но и старается быть при этом вежливым и убедительным. При этом истинное состояние мыслей собеседника может согласоваться с излагаемым, но может быть и иным, скрытым от собеседника. Говорящий старается убедить другого в том, что он думает точно так же. При этом не исключается и то, что он может думать по-другому (15).

¹ Пример из Национального корпуса русского языка — НКРЯ. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 10.02.2022).

В диалогической речи встречаются и другие варианты: *да, конечно, да конечно(!), ну конечно.*

Достаточно часто *конечно, конечно* сопровождается утверждением *да*. Например:

(16) — *Так принесите же мне что-нибудь!* — *Да, конечно, конечно!* — Федор метнулся к даме, но остановился. — *А что принести?* (Борис Васильев. Были и небыли. Книга 1. 1988) (НКРЯ).

Определенную «закрытость» говорящего, «механистичность», характеризующую подобный контекст, хорошо иллюстрирует следующий пример:

(17) *Дочка насупливается и спрашивает: — А я завтра умру? — Да, да, конечно, конечно. Что? — просыпается вдруг отец* (Алексей Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // Волга. 2009) (НКРЯ).

Обратим внимание на другую реализацию единицы: *да конечно (!).*

(18) *А о чем может мечтать раб? Да конечно же о чуде. Как все изменится по щучьему велению* (Сергей Маймухаметов. Кто погубил прежнюю Россию? Нация самоубийц // Вестник США. 2003. 11. 12) (НКРЯ).

Да конечно при утверждении выражает следующий смысл: это самый естественный вывод, не предполагающий сложной работы мысли. При этом в силу простоты вывода он обесценивается говорящим:

(19) *Я никак не уясню себе, есть ли у вас политические воззрения?* — *Да конечно, есть!* — воскликнул Ять (Дмитрий Быков. Орфография) (НКРЯ).

Вывод при этом представляется естественным. Такой вывод не требует сложной работы мысли.

(20) — *Девятнадцать, но это ничего не значит.* — *Да конечно, не значит. Побегал он* (Дмитрий Быков. Орфография) (НКРЯ)

Можно отметить употребление *да конечно, да уж, конечно* с противоположным значением, которое мы бы назвали ироническим несогласием. Например:

(21) *Через неделю все буду знать!* *Да уж, конечно: не через неделю, и даже не через год она почувствовала себя настоящим профессионалом в книжном деле* (Д. Рубина. Наполеонов обоз).

Обратимся к другому варианту *ну конечно*. Такое средство можно считать одним из выражающих категорию убеждения. Вопрос может быть обращен и к собеседнику, и к самому себе. Например:

(22) *В голове кружилось: «Как же так?»*

Нет, так не бывает. Чтобы ее Сережа? Бред. Может, он пошутил? Ну конечно, он же ушел без вещей! А кто уходит без вещей навсегда?» (М. Метлицкая. И все мы будем счастливы).

(23) О господи! Значит, Вера все понимала? И видела ее чемодан? Ну конечно! Она не была любопытной (М. Метлицкая. И все мы будем счастливы).

В поиске аргументов убедить себя автор испытывает особое чувство, что нашел правильное, с его точки зрения, объяснение. Ну конечно отражает трудный путь мысли к желаемому результату, ее определенное движение — и включает целый ментальный сюжет — и наконец найденный правильный ответ. Трудный поиск ответа предполагает промежуточные стадии мысли: 1) по-другому и думать нельзя; 2) как я могла подумать по-другому; 3) это единственный возможный ответ в данной ситуации.

(24) В ну конечно можно видеть и мнимое согласие собеседника, чтобы успокоить говорящего. Например: Только из-за матери твоей тебя и терплю.

— *Ах, ну конечно, конечно. Она ж тебе одни пятерки ставила, любимице своей, — ревниво всколыхнулась Крах* (Г.С. Зеленина. Куриная Слепота и ее обитательницы // Волга. 2014) (НКРЯ);

(25) Но Муходав, листая свои бумаги, на Шубкина отреагировал, а Коротышкин с ним согласился.

— *Ну, конечно, конечно, вы не ездили. Никто не говорит. Но чтобы переправить рукопись, самому ездить необязательно* (Владимир Войнович. Монументальная пропаганда // Знамя. 2000) (НКРЯ).

Нельзя сказать, что подобный контекст выражает согласие. Говорящий остается при своем мнении, а мнимое согласие выступает здесь как определенный способ взаимодействия с собеседником, в котором можно видеть желание как-то успокоить собеседника.

Дополнительным смыслом в отличие от *конечно* отличается и *конечно же*. Например:

(26) Увлечения были, конечно же, еще вполне детскими и невинными — посиделки с подружками во дворе, если непогода в подъездах, походы в кафе-мороженое, в кино. Ну и всякая мелочь, которой живут нормальные, обычные советские дети (М. Метлицкая. Жить).

Дополнительный модусный смысл можно сформулировать следующим образом: обычно считают, что в этом возрасте у детей и бывают такие увлечения. В соединении с *же* добавляется дополнительный смысл — никак нельзя и думать по-иному, этот вывод представляется говорящему самым простым и естественным. Или:

(27) — Да, да Лешенька! — поспешила его поддержать Кира. — Конечно же, я все понимаю! Такое счастье, господи, — обрести сына! (М. Метлицкая. И все мы будем счастливы).

Говорящий старается убедить собеседника, что он согласен с ним, при этом, убеждая, испытывает особое эмоциональное переживание. Собеседник ни в коем случае не должен усомниться в отношении говорящего.

При единственной точке зрения *конечно же* после определенных сомнений выражает сильное утверждение. Например: *Кира вспомнила эту Сильвию. Конечно же, виделась, и не раз* (М. Метлицкая. И все мы будем счастливы). Говорящий убеждает себя в изложенной точке зрения (сначала я не могла вспомнить ее, после определенных усилий я ее вспомнила и готова утверждать, что так оно и было). Или:

(28) *Какие семейные разговоры! Она просто не видела мужа и дочь и не интересовалась их проблемами. Ни одного вопроса! Нормально? Конечно же нет! Но все было именно так* (М. Метлицкая. Три женщины в городском пейзаже).

Часто ответ, оформленный вводным словом, оформляется как восклицательное предложение. *Конечно же* дает некоторую оценку ситуации: такого не должно быть ни при каком условии. В этой единице заложена большая убеждающая сила, чем в *конечно*.

В диалогической речи его семантика проявляется более прозрачно. Например:

(29) — *Верю, я повторял про себя: «Я на рыбалке со своим сыном. Я со своим сыном. У меня есть сын. Господи боже, какое счастье!» — Верю, — отозвалась Кира, Конечно же, верю!* (М. Метлицкая. И все мы будем счастливы).

Говорящий хочет убедить собеседника, что по-другому и не может быть. Или:

(30) — *Да, да, Лешенька! — поспешила его поддержать Кира. — Конечно же, я все понимаю! Такое счастье, господи, — обрести сына!* (М. Метлицкая. И все мы будем счастливы).

Модусное значение можно было бы сформулировать так: Я думаю так и всячески убеждаю тебя в этом. Никто не должен подумать, чтобы я думал как-нибудь по-другому. Здесь нет желания ввести собеседника в заблуждение. Это сильное уверение в том, что дело обстоит именно так, и способ убедить себя или другого. Или:

(31) *Улегшись в постель, обнаружила пропущенный звонок от Кати. Конечно же, не услышала в ресторане* (М. Метлицкая. И все мы будем счастливы).

Говорящий уверен, что в подобной ситуации и не могло быть иначе, и уверяет себя, что и любой бы на ее месте этого бы не услышал.

Встречаясь в сочинительном ряду, *конечно же* стоит перед последним членом последовательности, подчеркивая его большую значимость. Например:

(32) *Организм настойчиво требует отдыха, солнца, тепла и, конечно же, моря* (Елена Зенина, Морская симфония // Туризм и образование, 2001. 03.15);

(33) *В ней одной сочетается сразу всё — Женищина, Супруга, Мама, Дочь и, конечно же, Артистка* (Светлана Ткачева. Тамара Гвердцители: «Не умею учиться на чужих ошибках» // 100% здоровья. 2003.01.15) (НКРЯ).

Особенности *конечно* проявляются и в другом контексте, допускающем его конкуренцию с другим вводным словом — *навверное*. Остановимся на интересном примере, извлеченном нами из устного диалога (передача «Вечер с Владимиром Соловьевым») — *Наверно, вы правы. / Конечно, вы правы*. Оба высказывания являются правильными и являются реакциями на одну и ту же ситуацию. И в том, и в другом случае мы имеем реплику согласия. Согласие при этом выражается либо с точки зрения субъекта, разделяющего общую точку зрения на явление, основанного на знании ситуации, допускающей в большей степени такой вывод. Говорящий может становиться на точку зрения собеседника. *Наверное* в таком контексте означает, что говорящий хотя и соглашается с мнением собеседника, все же не готов легко согласиться с ним и до последнего готов сохранить свои сомнения.

Итак, специфика вводно-модального слова *конечно* определяется особенностями его диалогичности. Мнение говорящего может опираться на мнение обобщенного субъекта, обладающего полным знанием о ситуации, тогда *конечно* выступает как способ самоубеждения. Противоположность мнений демонстрируется другим вариантом — *конечно.., но*. Более сложный модусный сценарий имеет варианты *да конечно, ну конечно, конечно же*. Достоверность имеет опору в солидаризации точки зрения говорящего с обобщенной точкой зрения — в опоре на общепринятое, а также, как, например, в случае *да конечно* в естественности и простоте вывода, вытекающего из ситуации. Категоричность можно видеть и в том, что *конечно* оформляет убеждающий аргумент.

Рассмотренные варианты вводного слова *конечно; конечно, но; ну конечно, да конечно* и др. по-разному проявляют свою модусную специфику. Вводно-модальное слово по-разному актуализирует разные смыслы, будучи обращенным к себе или к другому лицу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
2. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды Института русского языка. Т. 2. М.; Л., 1950. С. 38–79.
3. Девяткова Н.М. Проблема модуса и вводно-модальные слова: лингвистический портрет единицы *похоже* // Русский язык в школе. 2009. № 7. С. 61–65.
4. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселёвой, Д. Пайара. М., 1998.
5. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
6. Иоанесян Е.Р. Классификация ментальных предикатов по типам вводимых ими суждений // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 89–95.
7. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А.Н. Баранов, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина. М., 1993.
8. Розенталь Д.Э. Русский язык: Сборник упражнений. М., 2009.
9. Шмелева Т.В. Модальность и модус // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению: Сборник научных трудов. Калининград, 2008. С. 140–151.
10. Яковлева Е.С. Значение и употребление модальных слов, относимых к разряду показателей достоверности /недостоверности: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1983.
11. Яковлева Е.С. Согласование модусных характеристик в высказывании // Логический анализ языка. Избранное 1988–1995. М., 2003. С. 129–146.

REFERENCE

1. Baranov A.N., Plungyan V.A., Rakhilina E.V. *Putevoditel po diskursivnym slovam russkogo yazyka*. M.: Pomovskiy i partner, 1993.
2. Vinogradov V.V. O kategorii modalnosti i modalnykh slovakh v russkom yazyke. *Trudy Instituta russkogo yazyka*. T. 2. M.; L., 1950, s. 38–79.
3. Devyatova N.M. Problema modusa i vvodno-modalnyye slova: lingvisticheskiy portret edinitsey pokhozhe. *Russkiy yazyk v shkole*, 2009, № 7, s. 61–65.
4. Diskursivnyye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya / Pod red. K. Kiselevoy. D. Payara. M.: Metatekst, 1998. 447 s.
5. Zolotova G.A. Onipenko N.K.. Sidorova M.Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka*. M.: Izd-vo MGU, 1998. 528 s.
6. Ioanesyan E.R. Klassifikatsiya mentalnykh predikatov po tipam vvodimyykh imi suzhdeniy. *Logicheskii analiz yazyka. Mentalnyye deystviya*. M., 1993, s. 89–95.
7. *Putevoditel po diskursivnym slovam russkogo yazyka*. A.N. Baranov. V.A.Plungyan. E.V. Rakhilina. M.: Pomovskiy i partnery. 1993. 207 s.
8. Rozental D.E. *Russkiy yazyk: Sbornik uprazhneniy*. M.: Izdatelstvo ONIKS, 2009. 304 s.
9. Shmeleva T.V. Modalnost i modus. Aspekty izucheniya modalnosti teksta. *Kaliningrad: Izd-vo Baltiyskogo federalnogo un-ta im. I. Kanta*, 2008, s. 140–151.
10. Yakovleva E.S. *Znachenie i upotrebleniye modalnykh slov. odnosimyykh k razryadu pokazateley dostovernosti /nedostovernosti: Avtoref. ... kand. filol. nauk*. M., 1983. 21 s.

11. Yakovleva E.S. Soglasovaniye modusnykh kharakteristik v vyskazyvanii. *Logicheskiy analiz yazyka. Izbrannoye 1988–1995*. M.: Indrik, 2003, s. 129–146.

Поступила в редакцию 25.02.2022

Принята к публикации 24.05.2022

Отредактирована 08.06.2022

Received 25.02.2022

Accepted 24.05.2022

Revised 08.06.2022

ОБ АВТОРЕ

Девятова Надежда Михайловна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин Института гуманитарных наук МГПУ; deviatovan@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nadezda Devyatova — Doctor of Philology, docent, Professor at the Departmen of Russian Langage and metods of teaching philological disciplines of the Institute of Humanitarian Sciences, Moscow City Pedagogical University; deviatovan@mail.ru

ПРИЕМ ЦИТИРОВАНИЯ У ДИОНИСИЯ ГАЛИКАРНАССКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ СОЧИНЕНИЯ «О ДЕМОСФЕНЕ»)

А.В. Волошина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; voloshina-alla.v@yandex.ru*

Аннотация: В предлагаемой статье рассматривается цитирование речей Демосфена в сочинении Дионисия Галикарнасского «О Демосфене». В работе поставлена задача проанализировать подход Дионисия к текстам знаменитого аттического оратора и критерии его выбора конкретных пассажей для цитирования, определить способы критики языка и стиля Демосфена и функции прецедентного текста в рассматриваемом сочинении. Анализ процитированных фрагментов показал, что из всего корпуса Демосфена Дионисий вводит в свой текст только 10 речей, с преимущественным вниманием к сочинениям на политические темы, в основном к «Филиппикам» («Третья речь против Филиппа», «Олинфская третья», «Олинфская вторая», «О делах в Херсонесе»), и речам против Эсхина («О преступном посольстве», «За Ктесифонта о венке»). Рассмотрев цитируемый им материал, мы выделили ряд приемов, которые Дионисий применяет для критики и оценки языка и стиля древнего оратора. Основная часть приведенных цитаций служит для иллюстрации различных сторон риторического оформления, а также особенностей среднего стиля речи и смешанной гармонии. Подход Дионисия к речам Демосфена подтверждает его приверженность аттическому стилю (высокая оценка таких качеств языка оратора, как простота и ясность, убедительность, соответствие ситуации, умеренность в риторической отделке). В статье освещаются цитаты из речей «За Ктесифонта» и «О делах в Херсонесе», которые Дионисий использует в качестве риторических украшений своего текста, как средство привлечения внимания к собственной мысли, для ее усиления и аргументации.

Ключевые слова: Дионисий Галикарнасский; Демосфен; цитирование; риторика; аттицизм

Для цитирования: Волошина А.В. Прием цитирования у Дионисия Галикарнасского (на материале сочинения «О Демосфене») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 4. С. 93–102.

CITATION AS LITERARY DEVICE FROM DIONYSIUS OF HALICARNASSUS (IN THE ESSAY ON DEMOSTHENES)

Alla Voloshina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
voloshina-alla.v@yandex.ru

Abstract: This paper discusses the problem of quoting from Dionysius of Halicarnassus on the material of quotations from Demosthenes in the essay *On Demosthenes*. The objectives of the article are to analyze Dionysius' approach to the texts of the famous Attic orator, his choice of specific passages for quoting, and to formulate the meaning of quotations in his rhetorical composition. An analysis showed that Dionysius chooses 10 speeches of Demosthenes for citation, with attention to writings on political topics, mainly *Philippics* (*Philippic 3*, *Olynthiac 3*, *Olynthiac 2*, *On the Chersonese*) and speeches against Aeschines (*On the False Embassy*, *On the Crown*). This article highlights methods of analyzing and evaluation Demosthenes' quotations: commentary, comparison, and metathesis. The most of quotes illustrate various aspects of rhetorical framing, the features of the middle style of speech and mixed harmony. Evaluation and interpretation of quotes clearly shows, that Dionysius highly appreciates such important qualities of the Attic style as simplicity and clarity, persuasiveness, relevance to the situation, moderation in rhetorical finishing. Dionysius also uses some quotes as a rhetorical embellishment for his text: for example, quotations from the speeches *For Ctesiphon* and *On Affairs in Chersonese* are introduced to strengthen and argue the author's thought.

Key words: Dionysius of Halicarnassus; Demosthenes; citation; rhetoric; Atticism

For citation: Voloshina A.V. (2022) Citation as Literary Device from Dionysius of Halicarnassus (In the Essay *On Demosthenes*). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 4, pp. 93–102.

Дионисий Галикарнасский — писатель и теоретик аттицизма I в. до н. э., автор исторического труда «Римские древности» и риторических работ, к которым относятся сочинения «О Лисии», «Об Исократе», «Об Исее», «О Демосфене», «О Фукидиде», «О Динархе», «О соединении слов», письма к Аммею и Помпею. В своих риторических сочинениях он анализирует стиль писателей, ораторов и историков IV в. до н. э., разрабатывает вопросы построения текста (*σύνθεσις*, *compositio*), формулирует теорию трех стилей и трех типов соединения. Характеризуя особенности языка и стиля, Дионисий опирается на Аристотеля, Феофраста, стоиков, упоминает alexandrianских и пергамских грамматиков.

При том, что Дионисий Галикарнасский часто использует прием цитирования, непосредственно тема цитирования и роль «чужого»

текста в его сочинениях рассматривалась крайне недостаточно¹, и для отечественной филологической традиции в этой статье она предлагается впервые. Особенно подробно и внимательно Дионисий рассматривает речи Демосфена, которого считает лучшим аттическим оратором и образцом среднего стиля красноречия. Принимая во внимание высокую оценку Дионисием этого оратора, мы рассматриваем прием цитирования на материале речей Демосфена, анализируем, какие именно речи Демосфена приведены; особое внимание обращается на содержательную сторону цитаций, на принципы работы Дионисия и на функции цитат в его тексте.

Заметим, что приведенные Дионисием фрагменты в той или иной степени отличаются от принятого в настоящее время текста Демосфена. В этой работе мы не будем затрагивать вопрос об аутентичности текста Демосфена и его варианта, доступного Дионисию. Применительно к античному автору не всегда возможно разграничить точную и неточную цитату и определить, внесены ли изменения в текст намеренно. Не связывая в нашей работе напрямую античного автора с концепцией «чужого слова», предлагаем понимать цитату расширительно как включение в собственный текст элемента «чужого» высказывания и родовое понятие для реминисценции и аллюзии [Николюкин, 2001: 1190].

Центральное место в сочинении «О Демосфене» занимает сравнение многообразного стиля Демосфена со стилем других писателей (Исократа, Лисия, Платона, Фукидида). Рассуждая о Платоне, Дионисий приходит к выводу, что стиль философа представляет собой смешение высокого и низкого стилей (De Dem. 5). Он критикует высокий стиль за неясность и вычурность, однако подчеркивает, что не настолько глуп, чтобы полностью отвергать его. Здесь введена цитата из речи Демосфена «За Ктесифонта», где говорится о том, что Эсхин настолько глуп и невежественен, что не понимает очевидного. Дионисий изменяет смысл первоначального высказывания на противоположный, обогащая свой текст скрытым сравнением разумного автора (Дионисия) и невежественного ратора (Эсхина).

Μηδεὶς δέ με τὰ τοιαῦτα ὑπολάβῃ λέγειν ἀπάσης καταγινώσκοντα τῆς ἐξηλλαγμένης καὶ ἐγκатаσκευοῦ λέξεως, ἥ κέχρηται Πλάτων. **Μὴ** γὰρ δὴ οὕτω σκαιὸς **μὴδ'** ἀναίσθητος ἐγὼ γενοίμην, ὥστε ταύτην τὴν δόξαν ὑπὲρ ἀνδρὸς τηλικούτου λαβεῖν... (D.H. De Dem.6)

«Пусть никто не заподозрит, что я это говорю, полностью отвергая необычный и украшенный стиль, которым пользуется Платон»

¹ Некоторые из приведенных Дионисием цитат анализируются в контексте традиции схолий в статьях Дж. Кальвани-Мариотти [Calvani-Mariotti, 1990: 85–95; 1997:163–190] и К.К. де Йонге [Jonge de, 2011: 451–478].

тон, ведь **не настолько я глуп и непонятлив, чтобы высказывать такое мнение о столь великом муже...**»

ἀλλὰ πρὸς θεῶν οὕτω σκαιὸς εἶ καὶ ἀναίσθητος, Αἰσχίνη, ὥστ' οὐ δύνασαι λογίσασθαι ὅτι τῷ μὲν στεφανουμένῳ τὸν αὐτὸν ἔχει ζῆλον ὁ στέφανος... (Dem. 18. 267.120)

«Но, ради богов, **ты так глуп и непонятлив, Эсхин, что не можешь уразуметь, что для увенчиваемого венки сам по себе приятен...**»²

Ту же мысль Дионисий повторяет в «Письме к Помпею», подчеркивая, что приводит собственные рассуждения из другого сочинения (Ad Pomp.2). Отметим различия как в его собственных словах, так и в цитате из Демосфена, например, пропуск важной оценки ἀναίσθητος (невежественный, букв. нечувствительный).

Далее выбраны пассажи из «Третьей речи против Филиппа», где дан рассказ о плачевном положении дел в Афинах и нежелании афинян противостоять Филиппу. Дионисий комментирует фрагменты, пользуясь приемом метатесиса, при котором изменение исходного текста служит демонстрации его достоинств и недостатков. Так, в оригинальной фразе (9.110.1) синтаксические конструкции вкладываются одна в другую, используется разделительный союз (οὐ μόνον... ἀλλὰ καί) и причастие с частицей ἄν для выражения итеративности (φησάντων γ' ἄν). Дионисий считает, что Демосфен выражает мысль не просто и не естественно, поэтому в примере с метатесисом (De Dem.9) наш автор значительно упрощает синтаксическую структуру текста: ставит придаточное после главного, выбирает сочинительный союз (τε καί), заменяет конструкцию с инфинитивом наречием (σχεδόν вместо ὀλίγου δεῖν) и выражает итеративность лексико-грамматически (φασκόντων).

Следом привлечен фрагмент из речи «Против Мидия», где говорится о том, как Мидий преследовал ставшего хорегом Демосфена. Дионисий считает главным недостатком текста то, что Демосфен вводит новую мысль, не закончив предыдущую. На приведенных примерах Дионисий демонстрирует главное сходство стиля Демосфена и Фукидида, не прямой и неестественный способ выражения, то есть усложненный синтаксис (De Dem. 9).

Фрагмент из речи «Против Конона» показывает близость стиля Демосфена и Лисия, а именно ясность и точность, чистоту языка, использование общеупотребительных слов, сжатость, правдивость, простоту, безыскусность, убедительность и приятность, соответствие изображаемой ситуации и характерам. Для сравнения приводится объемный пассаж из речи Лисия «Против Тисида», где из-

² Здесь и далее перевод автора статьи.

лагается суть дела (διήγησις), и соответствующая ему часть речи Демосфена. Дионисий указывает, что сочинения были выбраны им по сходству темы, так как в них рассматривается дело о насилии (De Dem. 11–13).

Краткие цитации из речей «О преступном посольстве», «Против Аристократа», «Против Лептина» и «За Ктесифонта» приведены в качестве примеров среднего стиля речи (μέσος χαρακτήρ), который лишен крайностей простого и высокого стилей. Дионисий считает, что он был особо разработан и усовершенствован Демосфеном (De Dem. 14). Как можно заметить, выражая похвалы μέσος χαρακτήρ, Дионисий уже не комментирует, что выбранные отрывки объединяет грамматическая правильность, простой синтаксис и ясность выражений.

Характеризуя средний стиль, Дионисий переходит к сравнению Демосфена с другими его представителями, Исократом и Платоном. Сначала приведен фрагмент из речи Исократов «О мире», где сравниваются предки и современники, старые и новые времена, затем дано соответствующее место из «Третьей Олинфской речи» Демосфена, где обсуждается та же тема. В отличие от Исократов Демосфен сравнивает прошлое и настоящее не по пунктам, одно действие с другим, одно явление с другим, а в целом, т.е. противопоставление охватывает весь текст. Кроме того, у Демосфена предмет предстает более благородным и величественным, он не пользуется холодными и ребяческими фигурами и превосходит Исократов энергией и чувством (De Dem. 17–22).

Для сравнения Демосфена с Платоном выбрана часть из речи «За Ктесифонта», где Демосфен хвалит стремление афинян к славе и почестям. Она сопоставлена с цитациями из надгробной речи Сократов из диалога Платона «Менексен», который занимает особое место среди сочинений Платона: известно, что иронический характер надгробной речи Сократов позволял относить ее к пародийным текстам [Жебелев, Радлов, 1924: 99–101; Clavaud, 2010: 9]. Однако замечание Цицерона о том, что «Менексен» ежегодно зачитывался на торжествах в честь павших (Orator. 151), дает основание считать, что в античности диалог не считался пародией. Дионисий также воспринимает его вполне серьезно и называет сильнейшей из всех политических речей Платона (De Dem. 23).

Оба сравниваемых пассажа посвящены прекрасному и добродетельному и обращены к афинянам, но если цитата из Платона — это призыв к жителям Афин, то слова Демосфена — энкомий городу. На взгляд Дионисия, Платон явно уступает Демосфену, к недостаткам первого он относит избыточность выражений, из-

лишнюю цветистость, неуместное использование фигур и неясность (De Dem. 24–32).

Фрагменты из «Второй Олинфской речи» Демосфена приводятся как примеры на средний или смешанный тип гармонии (μέσῃν τε καὶ μικτῇν ἁρμονίαν), которая характеризуется сочетанием благозвучия и неблагозвучия, очарования и суровости. Дионисий, приводя эти тексты, демонстрирует на их примере приятное соединение слов, но иногда оно нарушается зиянием (εὐτυχοῦντα ὀρώων) или неприятным сочетанием согласных (μεγάλη γὰρ ῥοπή) (De Dem. 43).

Отметим также фрагмент из речи «О делах в Херсонесе», где говорится, что афинянам необходимо снарядить войско, чтобы быть готовыми к возможному вторжению Филиппа, даже если им представляется, что это сопряжено с большими трудностями и расходами:

Εἰ δέ τῳ δοκεῖ ταῦτα καὶ δαπάνης μεγάλης καὶ πόνων πολλῶν καὶ πραγματείας εἶναι, καὶ μάλ' ὀρθῶς δοκεῖ: ἀλλ' ἐὰν λογίσῃται τὰ τῇ πόλει μετὰ ταῦτα γενησόμενα, ἂν ταῦτα μὴ θέλῃ, εὐρήσει λυσιτελοῦν τὸ ἐκόντας ποιεῖν τὰ δέοντα. (Dem.8.10.48)

«Если кому-то кажется, что это требует и больших расходов, и многих усилий, и труда, то он совершенно прав, но если подумает, что после этого случится с городом, если не захочет сделать, то обнаружит, что полезно по собственной воле делать то, что необходимо».

Дионисий использует цитату как риторическое украшение собственного текста, изменив ее так, чтобы она подходила к его рассуждениям:

Εἰ δέ τῳ δοκεῖ ταῦτα καὶ πόνου πολλοῦ καὶ πραγματείας μεγάλης ἔργα εἶναι, καὶ μάλα ὀρθῶς δοκεῖ κατὰ τὸν Δημοσθένη· οὐδὲν γὰρ τῶν μεγάλων καὶ καλῶν μικρῶν ἐστὶ πόνων ὧνιον. Ἀλλ' ἐὰν ἐπιλογίσῃται τοὺς ἀκολουθοῦντας αὐτοῖς καρπούς, μᾶλλον δ' ἐὰν ἓνα μόνον τὸν ἔπαινον ὃν ἀποδίδωσιν ὁ χρόνος καὶ ζῶσι καὶ μετὰ τὴν τελευτὴν, πᾶσαν ἡγήσεται τὴν [τε] πραγματείαν ἐλάττω τῆς προσηκούσης. (D.H. De Dem.52)

«Если кому-то кажется, что это требует большого усилия и труда, то он совершенно прав, согласно Демосфену, потому что ничего великого и прекрасного не приобретается малыми усилиями, но если он рассмотрит следующие за этими трудами плоды, даже если одну только похвалу, которую дает время и при жизни, и после смерти, то решит, что весь этот труд меньше того, что приобретается».

Между текстами Дионисия и Демосфена есть различия в порядке слов и выборе форм³, но главное различие — отсутствие у Дионисия важного слова δαπάνη (расход), которое, скорее всего, пропущено намеренно: если Демосфен, говоря о снаряжении войска, не может обойти вопрос о средствах, на которые его необходимо снарядить, то Дионисий подчеркивает только то, что изучение риторики трудно, не затрагивая вопрос о финансах, что вполне логично: для живущего в Риме автора I в. детали афинской политической жизни IV в. до н.э. не так актуальны. Итак, овладение красноречием сравнивается с подготовкой к военным действиям, так как и то и другое требует больших усилий, целесообразность которых может вызывать сомнения, но при этом и то и другое необходимо и будет полезно в будущем.

Та же фраза фигурирует в похожем контексте в трактате «О соединении слов», где говорится не о риторике в целом, но о трудности овладения средним стилем речи:

εἰ δέ τινι δοκεῖ καὶ πόνου πολλοῦ ταῦτα καὶ πραγματοεῖας μεγάλης ἄξια εἶναι, καὶ μάλα ὀρθῶς δοκεῖ κατὰ τὸν Δημοσθένην· ἀλλ' ἐὰν λογιῶνται τοὺς ἐξακολουθοῦντας αὐτοῖς κατ'ορθοῦμένοις ἐπαίνους καὶ τὸν καρπὸν τὸν ἀπ' αὐτῶν ὡς γλυκύς, εὐπαθείας ἡγήσεται τοὺς πόνους. (D.H. De Comp. 24)

«Если кому-то кажется, что это заслуживает и большого усилия, и труда, то он совершенно прав, согласно Демосфену, но если он учтет следующие по завершении этих трудов похвалы и то, как сладок происходящий от них плод, то станет считать эти труды блаженством».

В первом высказывании подчеркивалось, что усилие меньше того, что приобретается благодаря нему, а во втором, — то, что труды приятны сами по себе. Здесь можем видеть намек на стоическую доктрину, на что указывает слово εὐπάθειαι, которое у стоиков обозначает очищенные эмоции, противоположные страстям.

Следующие цитаты принадлежат «Третьей речи против Филиппа», где говорится о действиях Филиппа против греческих городов. Стиль речи, по мнению Дионисия, указывает на характер ораторского выступления (ὕψοσις), и сами слова буквально кричат о том, как их следует произносить. Так, когда говорится о разрушенных Филиппом городах, необходим ироничный и возмущенный тон, а когда описывается порабощение граждан и установление тираний, негодование должно усиливаться (De Dem. 54).

³ Ед. и мн. число (πόνων πολλῶν и πόνου πολλοῦ), элизия (μάλ' ὀρθῶς и μάλα ὀρθῶς), выбор глагола (λογιῶνται и ἐπιλογιῶνται).

Наконец, фрагменты из «Третьей речи против Филиппа» и речи «Против Мидия» приводятся как пример описания одного действия или понятия несколькими синонимами, например, «действовать и делать» (πράττειν καὶ ποιεῖν). Обратим внимание, что Дионисий относит плеоназмы не к ошибкам, а к особенностям стиля и подчеркивает, что у Демосфена они всегда уместны и даже необходимы для ясности и убедительности речи (De Dem. 58).

Анализ цитирования речей Демосфена в сочинении «О Демосфене» позволяет сделать следующие выводы. Из большого корпуса Демосфена Дионисий цитирует 10 речей⁴: четыре «Филиппики» («Третья речь против Филиппа», «Олинфская третья», «Олинфская вторая», «О делах в Херсонесе»), две речи против Эсхина («О преступном посольстве», «За Ктесифонта»⁵), две судебные речи о государственных делах («Против Аристократа», «Против Лептина») и две судебные речи по частным обвинениям («Против Мидия о пощечине», «Против Конона»). В основном Дионисий приводит примеры политического красноречия, преимущественно «Филиппики» и речи против македонской партии. Такое предпочтение, на наш взгляд, согласуется с исключительным значением именно этих речей, их риторического аппарата и построения, для греко-римского красноречия⁶.

Дионисий подходит к выбранным им текстам критически, среди его приемов анализа цитат мы выделяем:

- 1) комментарий;
- 2) прием сравнения: сравнение нескольких цитат из разных авторов (основанием для сравнения является тематическое сходство);
- 3) прием метатесиса: изменение оригинального текста для критики и оценки его языка и стиля.

Интерпретация и оценка текстов, выбранных Дионисием, демонстрирует его тонкий литературный вкус и подтверждает его приверженность аттицизму: он предпочитает простое и естественное выражение мысли, прямой порядок слов, умеренное использование фигур, считает наиболее важными достоинствами стиля ясность, убедительность, приятность, соответствие речи ситуации и характерам.

⁴ Некоторые из этих речей Дионисий цитирует и в других своих сочинениях: к речи «За Ктесифонта» он обращается восемь раз, к «Третьей речи против Филиппа» — шесть, к речи «Против Аристократа» — трижды, к речам «Против Мидия», «Против Лептина», «Третьей Олинфской» и «О делах в Херсонесе» — дважды.

⁵ Речь «За Ктесифонта» формально относится к судебным речам, но фактически является апологией политической деятельности Демосфена.

⁶ Отметим особое внимание к этим сочинениям Цицерона: свои речи против Антония он называет «филлиппиками» в память о Демосфене, также известно, что он перевел на латинский речь «За Ктесифонта».

Основная часть цитат необходима критику для характеристики среднего стиля красноречия и смешанной гармонии, а также для иллюстрации различных сторон риторической обработки: синтаксис фразы (порядок слов, выбор конструкций); соединение слов; фигуры речи; характер ораторского выступления (интонация); достоинство стиля.

Наконец, отметим собственно риторическую сторону приема цитирования: Дионисий обогащает свой текст фрагментами из речей Демосфена, изменяя оригинальный текст так, чтобы он соответствовал ситуации, но оставался узнаваемым для читателя. Применяя чужой текст, автор расширяет контекст своего высказывания, привлекает внимание к собственной мысли и делает слова Демосфена дополнительным аргументом для ее подтверждения. Так, прибегая к цитате, где введено военное сравнение и занятия риторикой уподоблены тяжелой, но необходимой подготовке войска (De Dem. 52), Дионисий вводит дополнительное доказательство важной для себя мысли о необходимости большого труда для овладения красноречием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М., 2011.
2. Творения Платона. Т. IX / Под ред. С.А. Жебелева, Э.Л. Радлова. Л., 1924.
3. Aujac G. Denys D'Halicarnasse *Opusculs Rhétoriques*, I–V. Paris, 2002.
4. Butcher S.H., Rennie W. *Demosthenis orationes*, I–III. Oxford, 1903–1931.
5. Calvani Mariotti G. Le citazioni omeriche di Dionigi di Alicarnasso nel “De Compositione Verborum” // *Athenaeum* 78. Pavia, 1990. P. 85–95.
6. Calvani Mariotti G. Le citazioni nel “De Compositione Verborum” e la tradizione scoliografica // *Studi Classici e Orientali* 45. Pisa, 1997. P. 163–190.
7. Clavaud R. *Le Ménexène de Platon et la rhétorique de son temps*. Paris, 2010.
8. Jonge C.C. de Dionysius of Halicarnassus and the Scholia on Thucydides' Syntax // *Ancient Scholarship and Grammar: Archetypes, Concepts and Contexts* / Ed. by S. Matthaios, F. Montanari and A. Rengakos. Berlin; N.Y., 2011. P. 451–478.
9. Liddell H.G., Scott R. *Greek-English Lexicon*. Oxford, 1996.
10. Wilkins A.S. M. *Tulli Ciceronis Rhetorica*. T. II. Oxford, 1911.

REFERENCES

1. Nikolyukin A.N. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii*. [Literary encyclopedia of terms and concepts] Moscow, *Intelvak*, 2001.
2. Zhebelev S.A., Radlov E.L. *Tvoreniya Platona*. IX tom. [Plato's works. Vol. IX] Leningrad, *Academia*, 1924.
3. Aujac G. Denys D'Halicarnasse *Opusculs Rhétoriques*, I–V. Paris, *Les Belles Lettres*, 2002.
4. Butcher S.H., Rennie W. *Demosthenis orationes*, I–III. Oxford, *Clarendon Press*, 1903–1931.

5. Calvani Mariotti G. *Le citazioni omeriche di Dionigi di Alicarnasso nel "De Compositione Verborum"*. Athenaeum 78. Pavia, New Press Edizioni di Como, 1990, pp. 85–95.
6. Calvani Mariotti G. *Le citazioni nel "De Compositione Verborum" e la tradizione scoliografica. Studi Classici e Orientali 45*. Pisa, Pisa University Press, 1997, pp. 163–190.
7. Clavaud R. *Le Ménexène de Platon et la rhétorique de son temps*. Paris, Les Belles Lettres, 2010.
8. Jonge C.C. *de Dionysius of Halicarnassus and the Scholia on Thucydides' Syntax. Ancient Scholarship and Grammar: Archetypes, Concepts and Contexts*. Ed. by S. Matthaios, F. Montanari, and A. Rengakos. Berlin and New York, De Gruyter, 2011, pp. 451–478.
9. Liddell H.G., Scott R. *Greek-English Lexicon*. Oxford, Clarendon Press, 1996.
10. Wilkins A.S. *M. Tulli Ciceronis Rhetorica, Tomus II*. Oxford, Clarendon Press, 1911.

Поступила в редакцию 25.02.2022

Принята к публикации 24.05.2022

Отредактирована 08.06.2022

Received 25.02.2022

Accepted 24.05.2022

Revised 08.06.2022

ОБ АВТОРЕ

Волошина Алла Владимировна — аспирант кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; voloshina-alla.v@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alla Voloshina — PhD Student, Department of Classical Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; voloshina-alla.v@yandex.ru

О (НЕ)ТОЧНОСТИ И (НЕ)БЕДНОСТИ РИФМЫ

Г.Р. ДЕРЖАВИНА

(НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА РИФМ ПЯТОГО ТОМА «СОЧИНЕНИЙ»)

Е.А. Пастернак

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; katrusia95@mail.ru

Аннотация: За Г.Р. Державиным закрепились репутация поэта, постоянно использующего неточные и любящего бедные рифмы. На примере анализа корпуса рифм пятой части «Сочинений Державина» (1816), в которой собраны поздние произведения поэта, автор статьи уточняет это представление, показывает соотношение количества точных и неточных, а также глубоких рифм поэта. В книге 4714 стихов, 4146 из них — рифмованные. Державин не так уж часто, как представляется, использует неточные рифмы — они составляют всего около 11% всех рифм. Богатые рифмы встречаются почти в пятой части всех зарифмованных стихов, кроме того, очень велико количество глубоких рифм — тех, которые содержат повторяющиеся звуки до опорного звука. В работе с наглядными примерами показано, что способы формирования неточных и глубоких рифм поддаются четкой классификации, — несмотря на обширный корпус исследований о творчестве Державина, ранее попытки полного описания способов формирования неточной и глубокой рифм поэта не проводилось. В заударной части часто меняется один из звуков, вводится «лишний» звук, к одному сонорному «добавляется» другой. В предударной части часто повторяются гласные; опорный в одном слове звук становится вторым предударным в другом; повторяются группы звуков; повторяются приставки. Особенно интересна ситуация, когда рифма является формально бедной, в ней не совпадают опорные звуки, однако глубокое созвучие, присутствующее в рифмующихся словах, позволяет ощутить рифму как очень «созвучную», изысканную, сложно устроенную.

Ключевые слова: стиховедение; рифма; история русской поэзии; Г.Р. Державин; неточная рифма; глубокая рифма

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10132) в Институте мировой культуры Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Для цитирования: Пастернак Е.А. О (не)точности и (не)бедности рифмы Г.Р. Державина (на материале корпус рифм пятого тома «Сочинений») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 4. С. 103–111.

ON THE (IN)ACCURACY AND (IN)POORITY OF G.R. DERZHAVIN'S RHYME (BY THE MATERIAL OF THE CORPUS OF RHYMS OF THE FIFTH VOLUME OF "WORKS")

Ekaterina Pasternak

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; katrusia95@mail.ru

Abstract: G.R. Derzhavin has a reputation of a poet who constantly uses inaccurate, as well as poor rhymes. An analysis of the corpus of his rhymes allows us to refine this idea. On the example of the rhyme corpus of the 5th part of Derzhavin's *Works* (1816), which contains the later works of the poet, we show the ratio of the number of exact and inaccurate, as well as deep rhymes of the poet. There are 4714 verses in the book, 4146 of them are rhymed. Derzhavin doesn't seem to use inexact rhymes very often — they make up only about 11% of all rhymes. While rich rhymes are found in just 20% of all rhymed verses, there is a very large number of deep rhymes. In the article we show that the ways of forming inaccurate and deep rhymes can be clearly classified. Despite the extensive corpus of research on Derzhavin's verses, no previous attempt was made to completely classify the ways of forming the poet's inaccurate and deep rhymes. One of the sounds often changes in the trans-stressed part, an "extra" sound is introduced, another is "added" to one sonorant. In the pre-stressed part, vowels are often repeated, the reference sound in one word becomes the second pre-stressed sound in another, groups of sounds or prefixes are repeated. The situation is especially interesting when the rhyme is formally poor, the reference sounds do not coincide, however, the deep consonance present in the rhyming words makes it possible to feel the rhyme as very "consonant", refined, complex.

Key words: poetry; rhyme; history of Russian poetry; G.R. Derzhavin; inaccurate rhyme; deep rhyme

Funding: This article results from the research project based at the Institute for World Culture of Lomonosov Moscow State University (MSU) and supported by the Russian Scientist Foundation grant 19-78-10132.

For citation: Pasternak E.A. (2022) On the (In)Accuracy and (In)Poosity of G.R. Derzhavin's Rhyme (By the Material of the Corpus of Rhymes of the Fifth Volume of "Works"). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 4, pp. 103–111.

Г.Р. Державин традиционно считается создателем особого типа русской рифмы. Упоминание державинской рифмы практически всегда влечет за собой утверждения о том, что поэт «расшатывает» русскую рифму, что у него очень неточные и при этом бедные рифмы и т.д. Например, В.А. Западов в работе «Державин и русская рифма XVIII в.» утверждает, что «рифмовка Державина была «небрежной», бедной» [Западов, 1969: 83] (под «рифмовкой» ученый

понимает в статье способы формирования рифмы). В знаменитой книге Б.В. Томашевского «Стих и язык» приводятся примеры отдельных способов формирования рифмы, которые действительно использует Державин, однако не всегда говорится о том, насколько часто они используются, например: «Уже Державин ввел усечение и других согласных: потомки — Потёмкин» [Томашевский, 1959: 92]. В «Очерке истории русского стиха» М.Л. Гаспаров отмечает, что «Державин не оставил не нарушенной ни одну из норм классицистической рифмовки. Он равнодушен к богатой рифме» [Гаспаров, 2000: 94]. В «Книге о русской рифме» Д. Самойлова глава о рифме поэта прямо называется «Загадочная рифма Державина» [Самойлов, 2005: 120–33].

Насколько же справедливы и однозначны приведенные выше утверждения? Можно ли также добавить, что Державин еще и формирует свои неточные рифмы оригинальным образом, причем и для современного читателя эксперименты поэта выглядят вызывающе? Действительно ли он постоянно использует бедные рифмы?

Анализ корпуса рифм позволяет уточнить сформировавшиеся в научной литературе представления о рифменных предпочтениях поэта. Мы разберем типичные способы формирования неточной и/или глубокой рифмы на примере последней части прижизненных «Сочинений», составленных самим поэтом (сюда вошла его поздняя лирика 1807–1816 гг.): соотношения (не)точных и (не)глубоких рифм, как и способов их формирования, представленные в этой книге, типичны для державинской лирики в целом.

1

В пятой части «Сочинений» 4714 стихов, 4146 из них являются зарифмованными.

Безусловно точных рифм среди них — около 83%, безусловно неточных — всего лишь около 11%, что в целом вполне вписывается в общие тенденции этого периода. Очевидно, что впечатление, будто бы у Державина постоянно встречаются неточные рифмы, неверно.

Среди очевидно неточных рифм можно отметить сочетание «открытая + йотированная», которое отличается только наличием / отсутствием *й*, — такой простой способ формирования неточной рифмы используется Державиным всего в 2,5% случаев среди всего количества рифм. Встречаются и более «неправильные» сочетания открытой и йотированной рифм, причем если йотированная рифма идет второй, в абсолютном большинстве случаев различие между рифмами заключается только в наличии / отсутствии *й* (21 из 23), а если первой, то оно может быть связано и с другими звуками (раз-

личие, которое заключается только в й, встречается только в 9 из 26 таких случаев).

«Революционное» сочетание закрытой и открытой рифмы — *грудь — пойду* (стихотворение «Благодарность») — встречается лишь единожды. Крайняя неточность сопровождается «перемешиванием» звуков (Державин вообще часто использует его), и может сопровождаться изменением по твердости / мягкости, которые есть в предударной и заударной (если она присутствует) частях слов, составляющих рифму: в первом слове — заударный [д'], во втором — опорный [д].

Две группы рифм также можно считать проблемными.

В одну входят слова, оканчивающиеся на г (*друг, круг...*). Поэт часто рифмует эти слова с теми, которые оканчиваются на х (*дух*), что позволяет предположить вариативное произношение им последнего звука (в одних случаях — *дру[к]*, в других — *дру[γ]* или *дру[х]*), однако утверждать это с уверенностью мы не можем (40 случаев) [см. также: Томашевский, 1959: 93–94].

В другую входят некоторые слова, которые оканчиваются на мягкий согласный и в современном литературном языке произносятся с конечным мягким (*кровь, любовь, днесь...*). В корпусе рифм Державина мы встречаем и безусловно точные рифмы с этими словами, однако поэт столь упорно и часто рифмует их также со словами, оканчивающимися на твердый согласный (*покров, вознес...*), что это позволяет предположить вариативность произнесения им этих слов (25 случаев). Остановимся на выделении обоих случаев в особую группу рифм, однозначно определить (не)точность которых представляется некорректным.

Державин использует и рифмы, в которых содержатся значительные различия в звуковом составе заударной части. Способы формирования их неточности часто однотипны:

1. Самый распространенный — «мена» одного согласного звука на другой, что позволяет ощущать рифму как весьма неточную, при этом остальные звуки совпадают, причем часто Державин считает нужным «менять» одни и те же звуки. В первом слове рифменной пары часто меняются следующие звуки (в каждом случае приведем один пример-иллюстрацию): [в] (*духовном — огромном*), [д] (*пестробрелых — земных*), [з] (*любезна — мятежна*), [й] (*не тайных — зарьных*), [л'] (*дольний — Господни*), [м] (*шумным — чудным*), [р] (*твердь — весть*), [т] (*превратно — ужасно*), [ч] (*пахучи — поющи*), [ш] (*низшим — чистым*). Во втором слове рифменной пары также часто меняются одни и те же звуки: [д] (*шумным — чудным*), [ж] (*любезна — мятежна*), [з] (*покойно — грозно*), [й] (*полны — достойны*), [л'] (*громко — только*), [м] (*духовном — огромном*), [н] (*Скандинавов —*

Скифо-Славянов), [р'] (не тайных — зарьных), [с] (благодатный — прекрасный), [т] (низшим — чистым), [ш] (платочком — окошком). Чередования с остальными звуками разнообразны и не повторяются.

2. Мена одного из звуков в заударной части + совпадение опорных звуков. Благодаря этому создается ощущение большей «созвучности» рифмующихся слов: *мести — смерти, твердь — весть, страшном — Красном, бесстрашно — обратно, мрака — страха, обратном — страшном*.

3. Мена сонорных [р] / [л'], [л'] / [р'], [л'] / [р]: *противоборных — юдольных, веселья — лицемерья, сильный — обширные*.

4. Также часто — введение одного «лишнего» звука в заударную часть, причем «вставные» звуки, создающие неточность, гораздо чаще встречаются в первом слове рифменной пары. Здесь у поэта также есть несколько любимых «вставных» звуков (в каждом случае также приведем один пример-иллюстрацию).

В первом слове — [в / в'] (*правды — награды*), [д] (*чудной — сладкострунной*), [j] (*стено-бойны — сонный*), [л / л'] (*воцарился — раступися, Скальд — град*), [м] (*бомбой — злобы*), [н / н'] (*зарниц — Царниц*), [р / р'] (*персти — лести, восторг — Бог*), [с / с'] (*честь — зреть, Наполеонисты — защиты*). Во втором слове — [д] (*полутонно — сходно*), [ж] (*червлёных — смежных*), [л / л'] (*порок — толк*), [р / р'] (*невестой — отверстой, тень — чернь*), [с'] (*суть — грусть*). Популярный в первом случае звук [в] делает рифменную пару неточной во втором случае только один раз: *награды — правды*. Отметим, что Державин использует несколько постоянно повторяющихся слов, с помощью которых создается пара неточных рифм: *правда, полн, восторг*.

5. В мужской открытой рифме — перемещение звука, который является опорным в одном из слов, в позицию второго предупредительного в другом слове *тоску — Москву*.

6. Добавление сонорного согласного в конце к другому сонорному, обычно — [м] или [н]: *моим — гимн, сонм — закон, сон — сонм*. (Также — частая мена [м] / [н] в других неточных рифмах: *Сион — Нем, иском — найден, мамки — спозаранки*.)

7. Группа рифм со словом *холм* / словами с этим корнем. Подобрать точную рифму к этому слову нельзя, однако введение неточной рифмы с этим словом особенно полюбилось Державину: *холм — гром, хólмы — грóмы, холм — облачкóм, холм — челом, грóма — хóлма, холмá — космá, кистенем — холм, двухолмном — звоном*.

Таким образом, многие рифмы Державина становятся неточными только из-за одного звука, причем созвучия могут подкрепляться совпадением опорных. Совсем же неточных рифм, которые от-

личались бы более чем на два звука, немного (30 случаев). Способы формирования неточности здесь таковы:

1. Чередование «один / несколько согласных»: *милосердья — преступленья, скорбью — любовью, милосердьем — теченьем*.

2. Сочетание указанного чередования + изменение гласного: *изъятья — участие, самолюбья — орудье, Церкви — жертвы, недрах — дебрях*.

3. «Окружение» с обеих сторон звука еще двумя звуками в одном из слов: *Александр — награда*.

4. Особенно интересный случай — «тасование» звуков (при этом они могут меняться по твердости / мягкости). Эта ситуация может быть как только в заударной части — *стойлах — раздольях*, — так и во всем слове: *беззаконьи — козни, мать — тмят, восторг — рок, железу — зелену, Норд — понт*. Две рифмы — и вовсе «анаграмматические»: *род — орд, добр — бодр*.

Только один раз встречается рифменная пара, состоящая из слов, в которых нет ни одного совпадающего звука: *сыр — читил*. В ином контексте эти слова вообще воспринимались бы в лучшем случае как созвучие, однако среди заданной последовательности рифм в стихотворении они воспринимаются именно как рифма.

2

Рассмотрим теперь богатство / бедность рифмы — (не)совпадение опорного звука (открытые мужские точные рифмы также посчитаны как те, в которых совпадает опорный звук, и не обособлены от остальных). Получившиеся результаты таковы: бедных рифм — около 75 %, богатых — почти 21%, рифм, в которых опорные звуки различаются по твердости / мягкости, — 1,6%. Отдельно также отметим группу рифм, для которых отсутствует этот параметр: в них хотя бы в одном из рифмующихся слов ударение падает на первый в слове гласный, при этом перед словом нет проклитики, сливающейся с полнозначным словом в одно фонетическое слово (37 случаев).

Однако такие формальные подсчеты не дают увидеть полную картину того, как выглядит предударная часть державинской рифмы. У Державина нередко встречаются глубокие рифмы — те, в которых есть разнообразные повторы в предударной части. Рифма может быть формально бедной, однако слова, входящие в нее, ощущаются как особо «созвучные», более того, получившееся созвучие может быть весьма изысканным. Способы формирования «углубления» рифмы Державиным таковы:

1. Самый распространенный — наличие в предударной части одного / нескольких гласных, повторяющихся в обоих словах (боль-

ше 250 случаев), в том числе при полном несхождении согласных: *благодать — покорять*. Интересно, что такие рифмы будут восприниматься как более «полнозвучные» по сравнению с теми рифмами, которые являются точными, однако не имеют созвучий в предупредительной части (ср.: *невинность — бесчинность* vs. *внушает — не облыгает*). Чаще всего встречается повторение предупредительного [a^в] (*явился — предобразился, изобразить — согласить*), однако встречаются и другие гласные (*стихия — земная, дружок — голубок*). Такие повторы особенно эффектны в бедных рифмах — с их помощью формальная бедность как будто отчасти компенсируется.

2. В одном из слов звук является опорным, а в другом находится рядом с опорным: *удостой — Твой, друг — дух, людей — дней* (больше 50 случаев).

3. Начало слов с одного и того же звука, иногда — с различием по твердости / мягкости: *вздыханье — восклицанье, зияет — замышляет, спокойно — сродно, стремление — спасенье*. Абсолютное большинство из них относится к одной и той же части речи, нередко это грамматическая рифма.

Наиболее интересны «комбинированные» способы формирования углубляющейся рифмы (около 230 рифменных пар):

1. Звук является первым в одном слове и «смещается» ближе к ударному в другом слове: *зерно — создано, течет — четет, любезна — слезна*. Помимо этого, звук может даже перемещаться с последнего места на первое, заодно становясь из мягкого твердым: *путь — труд*.

2. «Перемешивание» звуков: *пареньем — дерзновеньем, молить — гласить, бодрится — родиться, драгия — Мария, раменах — прах, реке — чердаке*.

3. Полный или почти полный повтор нескольких звуков подряд в предупредительной части: *денниц — единиц, одежда — Надежда, сидя — ведя, не существует — торжествует, красотой — правотой, Богство — торжество, вышину — тишину, звезда — ведя, Александр — Саламандра, гордыни — благостыни*.

4. Повтор приставок: *не воскресился — не возродился, познают — не погибают, непостижно — неподвижно*.

Также в предупредительной части могут повторяться какие-либо звуки, однако из-за введения между ними других звуков «углубление» рифмы ощущается менее явно:

1. Введение разных звуков между одинаковыми начальными звуками и ударным: *посетит — предсидит, предел — предпочел, глядит — гласит, молве — Москве, прославил — поставил, пространству — подданству*.

2. Введение одного звука между одинаковыми или отличными по твердости / мягкости звуками и опорным, и этот звук в рифмующихся словах различен: *врагов — берегов, на zde — гнезде, седый — следы, печи — скрипучи, драгое — другое, львину — половину, супруги — плуги*.

3. Введение звука между одинаковыми звуками и опорным в одном слове и его отсутствие — в другом: *света — Елисавета*.

Отметим также единственный случай введения Державиным тавтологический рифмы *свобода — свобода* в оратории «Целение Саула», которая интересна как семантизированная рифма, однако заслуживает упоминания и с фонетической точки зрения — как рифма, в которой полностью совпадают все звуки.

Таким образом, анализ корпуса рифм пятого тома «Сочинений Державина» позволяет увидеть некоторые любопытные версификационные особенности позднего творчества поэта. С одной стороны, Державин не так уж часто использует неточные рифмы, зато нередко «углубляет» рифмы — их бедность часто оказывается формальной, иллюзорной; чтобы составить полное представление о его рифме, нужно проанализировать всю ее предударную часть. С другой стороны, способы формирования и неточных, и глубоких рифм Державиным поддаются четкой классификации. Рифма поэта может считаться необычной на фоне многих других рифм своего времени, однако утверждать, что поэт бесконечно экспериментирует со способами формирования рифмы, неверно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. М., 2000.
2. Державин Г.Р. Сочинения Державина. Ч. 5. СПб., 1816.
3. Западков В.А. Державин и русская рифма XVIII века // Державин и Карамзин в литературном движении конца XVIII — начала XIX века. Л., 1969. С. 54–91.
4. Самойлов Д. Загадочные рифмы Державина // Самойлов Д. Книга о русской рифме. М., 2005. С. 120–133.
5. Томашевский Б.В. К истории русской рифмы // Томашевский Б.В. Стих и язык: филологические очерки. М.; Л., 1959. С. 69–131.

REFERENCES

1. Gasparov M.L. Ocherk istorii russkogo stikha [Essay on the History of Russian Verse]. Moscow, Fortuna Limited Publ., 2000. 351 p.
2. Derzhavin G.R. Sochineniia Derzhavina [Derzhavin's Works]. St. Petersburg, Tipografiia Paviilshchikova Publ., 1816. 239 p.
3. Zapadov V.A. Derzhavin i russkaia rifma XVIII veka [Derzhavin and Russian Rhyme of XVIII century]. *Derzhavin i Karamzin v literaturnom dvizhenii kontsa XVII — nachala XIX veka* [Derzhavin and Karamzin in the Literary Process of the End of XVIII — Beginning of XIX century]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, pp. 54–91.

4. Samoilov D. Zagadochnye rifmy Derzhavina [Enigmatic Derzhavin's Rhymes]. *Kniga o russkoi rifme* [A Book about Russian Rhyme]. Moscow, *Vremia Publ.*, 2005, pp. 120–133.
5. Tomashevskiy B.V. K istorii russkoi rifmy [On the History of Russian Rhyme]. *Stikh i iazyk: filologicheskie ocherki* [Verse and Language: Philological Essays]. Moscow, Leningrad, *Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ.*, 1959, pp. 69–131.

ОБ АВТОРЕ

Пастернак Екатерина Алексеевна — аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; младший научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова; katrusia95@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina Pasternak — PhD Student, Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Junior Researcher, Institute of World Culture, Lomonosov Moscow State University; katrusia95@mail.ru

СЕМЬЯ И ОБЩЕСТВО В ПОВЕСТИ А.П. ГАЙДАРА «СУДЬБА БАРАБАНЩИКА»

О.С. Октябрьская

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; svyatolga@yandex.ru*

Аннотация: В статье исследована важная для детской и особенно подростковой литературы проблема семьи и семейного воспитания, рассмотренная на примере повести А.П. Гайдара «Судьба барабанщика». Гайдаровское произведение исследовано как составная часть литературного процесса эпохи, произведение, отразившее сложные противоречия 1930-х годов, но и как вполне самостоятельное и самобытное произведение, выходящее за рамки традиции. В статье выявлены социально-культурные факторы появления повести и ее роль и место в литературном процессе XX в. Последовательно рассмотрены материнское, отцовское и сыновнее начала, их связь с архетипами русской литературы и конкретное воплощение в произведении. Проанализирован путь каждого из героев и всех вместе к нравственному идеалу, не совсем привычному для 1930-х годов, но важному для русской литературы в целом. Исследованы типы взаимоотношений главного героя с окружающими его персонажами — истинными и фальшивыми друзьями, родителями, наставниками. Представлена типология образов взрослых персонажей, претендующих на роль воспитателей Сергея Щербачёва.

Ключевые слова: А. Гайдар; подростковая литература; нравственные идеалы; семейные ценности; отцовское начало; архетип матери

Для цитирования: Октябрьская О.С. Семья и общество в повести А.П. Гайдара «Судьба барабанщика» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 4. С. 112–121.

FAMILY AND SOCIETY IN A.P. GAIDAR'S STORY “THE DRUMMER'S FATE”

O. Oktyabrskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; svyatolga@yandex.ru

Abstract: The article explores the problem of family and family upbringing, which is important for children's and especially teenage literature, using the example of A.P. Gaidar's novel “The Drummer's Fate” as an example. Gaidar's work is researched as an integral part of the literary process of the epoch, a work which reflects the complex contradictions of the 1930s, but also as a completely independent and distinctive work that goes beyond tradition. The article reveals socio-cultural

factors of the emergence of the novel and its role and place in the literary process of the twentieth century. The author consecutively considers maternal, paternal and filial principles, their link with the archetypes of Russian literature and their concrete embodiment in the work. The author analyses the way of each hero and all of them together towards the moral ideal, which is not quite common in the epoch of 1930s, but rather important for the Russian literature in general. The relations of the protagonist with the characters around him — true and false friends, parents, mentors — are investigated. The typology of adult personages, pretending to be Sergei Scherbachev's tutors, is given.

Key words: A. Gaidar; teenage literature; moral ideals; family values; paternal origin; mother archetype

For citation: Oktyabrskaya O.S. (2022) Family and Society in A.P. Gaidar's Story the Drummer's Fate. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 4, pp. 112–121.

Детская и детско-подростковая литература первой половины XX в. в качестве приоритетного героя выдвигает ровесника адресата, старающегося своим примером показать и процесс воспитания, и социализацию ребенка. Именно этот персонаж оказывается главным смысловым центром прозаических произведений о детях и для детей. Приключенческая интрига и социально-культурный фон, на котором особо выделенным становится герой-ребенок, причем либо один, либо небольшой дружеский коллектив ровесников, становятся явным знаком нового времени. Об этом писали литературоведы и ранее [Лупанова, 1969; Зубарева, 1980], а также современные специалисты в области детской литературы [Арзамасцева, 2003; Золотухина, 2018; Мещерякова, 1997; Путилова, 2005]. Однако А.П. Гайдар выламывается из этой традиции и стремится показывать те «болезни роста», с которыми сталкивается большинство детей и подростков, при этом писатель ведет доверительный разговор со своим героем и адресатом. Именно поэтому писателю важно показать как внутренний мир своего героя, весьма эмоционально реагирующего на происходящее вокруг, так и его социализацию, учитывая при этом как возрастные особенности ребенка, так и требования времени, конкретной эпохи, что успешно воплотилось в повести Гайдара «Судьба барабанщика», в которой крупным планом подсвечен образ главного персонажа Сергея Щербачева, оказавшегося в сложных жизненных обстоятельствах.

На написание данного произведения оказали влияние весьма необычные социокультурные факторы, на которые достаточно ярко отреагировал чуткий писатель. Во-первых, это постановление ЦК ВКП (б) 1935 г. «Об уголовной ответственности детей с 12-летнего возраста», согласно которому даже ребенок мог нести наравне со

взрослыми суровое наказание вплоть до расстрела за уголовные и политические преступления. Кроме того, писатель отреагировал на серьезную ситуацию с появлением не где-нибудь, а в Москве и других крупных городах подростковых шаек, куда входили и девочки, занимающихся разбоем и воровством. Об этом достаточно подробно пишет биограф Гайдара Борис Камов: «Преступления совершали дети, родители которых были арестованы <...> Грабеж для этих подростков становился единственным средством существования, чтобы не умереть с голоду» [Камов, 2011: 226]. Гайдар делает такого оступившегося и оказавшегося брошенным ребенка положительным героем повести «Судьба барабанщика» (1938) и пытается разобраться в причинах его поступков и бед. Кроме того, писателю было необходимо представить удушающую обстановку 1930-х годов, атмосферу страха и пугающей неизвестности. Читателю-современнику Гайдара были очень знакомы особые знаки времени, которые активно входили как в жизнь и быт того времени, так и отражались в художественных произведениях тех лет. К примеру, показательными в этом плане можно считать стихотворения О. Мандельштама «Ленинград» (1930) и «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933) и т.д.

Гайдар в произведении для детей не так откровенен, но вполне символичен. Он пишет о тревоге, появившейся в доме Щербачёвых: «Но тревога — неясная, непонятная — прочно поселилась с той поры в нашей квартире. То она возникала вместе с неожиданным телефонным звонком, то стучалась в дверь по ночам под видом почтальона или случайно запоздавшего гостя, то пряталась в уголках глаз вернувшегося с работы отца» [Гайдар, 2004: 301]. Знаковыми для той эпохи оказываются телефонные звонки, стуки в дверь, неожиданные гости и само ощущение тревоги. Безусловно, писатель оценивает прежде всего обстановку в квартире героев, но при этом проецирует ее и на ситуацию в городе и стране в целом. Об этом косвенно свидетельствует и ситуация, возникающая после ареста отца. Тревога не рассеялась, а лишь усилилась, даже когда герой-ребенок остается один и внешне свободным от какого-либо внешнего прессинга: отец работает на благо Родины в местах отдаленных, мачеха с новым мужем «укатили» на Кавказ, Сергей свободен и от школьных занятий — наступают каникулы. Однако о тревожной обстановке свидетельствуют и окружение героя, и его отчаяние, и безденежье, и сам мир, который воспринимается в карнавально-сатанинском ключе. Так, сопоставляя «Судьбу барабанщика» с романами Булгакова «Мастер и Маргарита» и Набокова «Дар», И. Глушенко убедительна в своей оценке московского пространства как Преисподней (метро, к примеру) и господства адских сил (карнавал в Сокольниках)

[Глущенко, 2015]. Действительно, Сергей пытается забыться и уходит в странный для него, яркий и кричащий по сравнению с тихим уютом его дома, мир, где пьют пиво, грабят прохожих, лгут и клеветают, обманывают невинных и наивных и искушают в разных грехах. Этот мир лишь на время становится привлекательным для героя и то только потому, что он встречается там не «девочку с “нимфической сущностью”, “маленького смертоносного демона”» [Глущенко, 2015: 32], как видит эту ситуацию Ирина Глущенко, а именно Нину Половцеву, дочь друга отца, ту, которая связывает героя с его прежней жизнью, прежним миром семьи и относительного счастья. И смотрит он на Нину не как Гумберт на Лолиту, а как на родного человека, оказавшегося самым близким в период страшного одиночества Сергея. Поэтому он отдает фактически последние деньги, чтобы угостить Нину, с усердием и энтузиазмом ищет ее подруг и сестру Зинаиду. Именно герой воспринимает встречу с Ниной как радостное событие среди той череды бед и несчастий, которые выпали на его долю.

В то же время писатель сумел продемонстрировать возможные, но не всегда очевидные пути преодоления всех препятствий. Гайдару важно было показать возможности личности (заметим, далеко не идеального героя!) и роль именно семейного, а не общественного воспитания в решении непростых общественных задач. В этом произведении роль семьи показана приоритетной над ролью общества в процессе формирования ребенка. Так, сама повесть начинается именно с темы семьи, с представления героем своего рода, причем первым упоминается отец как родоначальник и защитник семьи и нового государства: «Когда-то мой отец воевал с белыми, был ранен, бежал из плена, потом по должности командира саперной роты ушел в запас» [Гайдар, 2004: 299]. В одном предложении емко вместились особенности характера отца (смелость, решительность, патриотизм), а также его стремление быть там, где это более всего необходимо. После выполнения своих воинских задач герой уходит в запас, но не порывает с прошлым, вспоминая о нем и в беседах с сыном и даже применяя былой опыт в заключении, благодаря чему и становится возможным его досрочное освобождение и возвращение к сыну, восстановление семьи. Герой опять оказывается там, где он нужен более всего, — рядом с сыном. В этом и заключается гайдаровское понимание общественного служения. Герой, преодолевая ряд искушений и испытаний (автор делает их вневременными — желание сотворить себе кумира, сребролюбие, предательство идеалов и т.д.), проходит своеобразный обряд инициации. Но ему понадобилось время, столкновение с драматическими обстоятельствами, чтобы осознать истинные ценности бытия. Автор пунктирно намечает

путь героя к самому себе, к своему идеалу. Так, улучшение материального положения общества искушает отдельного человека и тем самым развращает его, отводя в сторону от истинного идеала. Отец Сергея искушен сначала красотой Валентины, которая так и не стала близким ему человеком, а потом и материальным достатком, за которым потерялись искренние человеческие отношения, тепло родственного общения, единство семьи. Каждый уходит в свой мир, выбирая важные для себя жизненные приоритеты. Так, Валентине важнее семьи оказались «какие-то банкеты» [Гайдар, 2004: 300], походы в кино «с провожатыми» [Гайдар, 2004: 299]; Сергей погружается в новый для себя мир дружбы и первой влюбленности в Нину Половцеву. Отец же остается наедине со своими тревогами и проблемами. Он не в силах противостоять требованиям жены, но для него сложно и переступить через муки совести. Писатель показывает не столько душевные страдания отца, сколько внешние изменения жизни их семьи: «Пришли к нам плотники, маляры; сняли со стены порыжелый отцовский портрет с кривыми трещинами поперек плеча и шашки, ободрали старые васильковые обои <...> стало у нас светло, просторно и даже как-то по-необычному пусто» [Гайдар, 2004: 300–301]. За всеми этими изменениями писатель видит не новизну, а пустоту. А избавление от «рухляди» — прощание с прежними идеалами, боевой биографией и ролью защитника. Портрет отца, действительно, ассоциируется не только с ярким временем боевой юности, но и с героическим прошлым, когда противостояние врагу решалось однозначно, быстро и решительно. Но именно портрет встает в один ряд с васильковыми обоями и старой мебелью, что свидетельствует о том, что решающее слово в нынешней ситуации остается не за отцом героя, а за его женой, для которой материальная составляющая оказывается важнее духовной. За этими внешними изменениями скрывается радость Валентины, сомнения отца, находящегося в разладе с собой («долго в предчувствии грозной беды отец ходил осунувшийся и побледневший» [Гайдар, 2004: 300]), тревога сына. Именно Сергей чувствует не только приближающуюся беду, но и угрозу для отца: «И я эту тревогу видел и чувствовал, но мне говорили, что ничего нет, что просто отец устал» [Гайдар, 2004: 301], а также разлад в семье. Неслучайно самый радостный день для Сергея (стал старшим барабанщиком своего отряда) совпал с арестом отца. Это событие и мысленное прощание сына с отцом ослабляет их эмоциональную связь, но не разрывает ее полностью, несмотря на то что Сергей оплакивает отца как покойника. Данная эмоциональная связь, с одной стороны, размежевывает близких людей, а с другой — сохраняет в памяти ребенка все то лучшее, что когда-то воспитывал в нем отец. Проецируя всю ситуацию на соб-

ственную жизнь, герой стесняется говорить правду об отце, но одновременно помнит то, что было дорого родителю.

Вынужденное отсутствие отца в жизни 12–14-летнего подростка и его одиночество заставляют героя искать отцу своеобразное дополнение-замену. Поэтому так легко находит герой общий язык с отцом своего нового приятеля Славки и с названным «дядей». Славкин отец своим остроумием, уважением к сыну и его товарищу, дружеским участием в делах ребят очень напоминает Сергею собственного отца, но он четко разделяет отца-друга и защитника и отца-преступника. Отец же Славки остается непоколебимым идеалом. Примечательно, что новый муж Валентины не ищет подходов к ребенку и не принимает его в члены своей семьи. Сергей, напротив, беспокоится о той ответственности, которую может понести инструктор Осоавиахима за оставленный без присмотра браунинг. Тот посыл заботы и искреннего сочувствия, идущие от Сергея, прямо пропорционален равнодушию и холодности Лобачёва. Сергей радушно принимает нового мужа Валентины в свой дом, в свою семью, «к нам». Не оправдавший надежд подростка и не ставший для него близким человек инстинктивно дистанцирован героем от себя, он с трудом вспоминает даже фамилию нового мужа Валентины, о чем свидетельствует вводное слово «кажется». При всем этом Сергей до последнего пытается сохранить семью — он даже провожает на вокзал фактически предавших его взрослых — мачеху и ее мужа, «укативших» отдыхать на Кавказ без него. Характерно, что подобного рода предательство взрослых герой принимает без особого драматизма, естественно и буднично — он свыкся со своим одиночеством — и это для Гайдара грозный симптом нечувствия и болезни общества. Характерно, что предает сына, в какой-то степени, даже отец, который из заключения пишет вначале только жене. И только после ее нового замужества «вспоминает» о ребенке. Отцу понадобилось время, чтобы расставить приоритетные акценты и обратить внимание на самого дорогого, близкого и преданного ему человека — сына. Результатом этого переосмысления стало не просто возвращение блудного отца, но и начало новой семейной жизни.

На роль близкого героя человека пробуетесь и лже-дядя, оставшийся безымянным. Он необычайно привлекателен для героя своими остроумием и даже строгостью воспитания, но самое главное — некоторой заботой о герое, что для Сергея, оставшегося брошенным, необходимо. Этим объясняется и то, что Сергей закрывает глаза на многое, а грубость «дяди» и угрозы в свой адрес воспринимает как дидактический посыл, так как главные качества, которые увидел герой по отношению к себе, — внимание и доброта. Гайдар, в отличие от героя, не обольщается этим и видит за внешней добротой

коварство и холодный расчет, соединенный с необычайным артистизмом этого преступника. Прекрасный манипулятор, разбирающийся в тонкостях человеческой психологии, ловко эксплуатируя вечные посылы — внимание к старикам, забота о детях, благодарная память о прошлом и т.д. — а также важные в тот период ценностные ориентиры — уважение к человеку труда, к герою революции, бывшему политкаторжанину и т.д. Под обаяние этого персонажа попадают практически все, не только неискушенный подросток. Так, пассажиры поезда не понимают истинной подоплеки действий «дяди» и его спутника и оказываются невольно вовлеченными в своеобразный спектакль с переселением Якова в другой вагон, срежиссированный «дядей». Писатель противопоставляет открытость и доброжелательность обычных людей, их готовность помочь незнакомому, но нуждающемуся в заботе человеку коварству, жестокости и беспощадности «врагов». И именно покушение на отца Славки расставляет для Сергея все по своим местам. Герою не только потребовалось время для осмысления своих отношений со стариком Яковым и «дядей», но и большая работа над собой — умение свои желания и предпочтения подчинить общественным интересам: например, разоблачить шпиона и бандита с риском для жизни. Писатель подчеркивает, что решающую роль в этом выборе сыграло воспитание отца, его личный опыт «старого командира» [Гайдар, 2004: 473]. Именно в самые трудные и поворотные моменты герой обращается в своих воспоминаниях к отцу, его словам, поступкам, мечтам.

Материнское начало оказывается менее значимым и важным, но оно есть. Начинается повесть с упоминания смерти матери, которая обозначена как большое горе, и именно оно потребовало смены обстановки и подтолкнуло отца героя к разного рода искушениям. Действительно, вместо семейных ценностей для этого персонажа оказываются главными требования жены, вместо дружной семьи — разобщенность каждого из ее членов, приоритет материального над духовным и т.д. В конце концов, все это приводит к преступлению и аресту отца, косвенно затрагивает и жизнь сына. Фактически смерть жены и матери — тот рубеж, за которым находится новый этап жизни Сергея и его отца. Герой примиряется с существованием Валентины, которая, конечно, не заменяет мать, но внешне выполняет основные функции хозяйки дома — держит квартиру в чистоте. Однако Гайдару важно показать, что ее самореализация как чистоплотной хозяйки не в состоянии компенсировать полное отсутствие у нее желания дарить тепло и доброту мужу и пасынку. Используя градацию, Гайдар показывает постепенное раскрытие ее истинного отношения к домашним, которых она, по сути, предает.

Сначала она ищет провожатых для похода в кино, потом изменяет мужу и бросает его в самый сложный для него момент, который ею же и был спровоцирован. За ласковым отношением к пасынку скрывается нежелание разоблачения со стороны мужа, а затем и правоохранительных органов, а также полное равнодушие к мужу и приемному сыну. Ее даже не интересует эмоциональное состояние оставленного в одиночестве ребенка, а лишь получение белья и порядок в квартире. Этим она противостоит Славкиной бабке, чье желание накормить гостей тесно связано с извечной материнской заботой обо всех детях — реальных и выросших. Ей принадлежит важная роль в том, как оттаивает душой Сергей в семье Славки. Примечательно, что герой бежит из опустелого дома Валентины и даже частично разграбляет его, однако все чаще приходит в дом Славки, восполняя именно недостаток семейной заботы и тепла. Фактически Гайдар противопоставляет архетипический образ матери-заботы и блудной жены, маркируя их современными реалиями.

Однако главным действующим лицом в этом произведении является подросток, от чьего лица и ведется повествование. Автор представляет достаточно эмоционального подростка, живо реагирующего на все жизненные перипетии. Так, смерть матери он делает поворотным для своей семьи. Герой не всегда и во всем согласен с отцом и мачехой, но именно отец и его уроки жизни остаются для Сергея главным нравственным ориентиром: «Он был мне старшим другом, частенько выручал из беды и пел хорошие песни, от которых земля казалась до грусти широкой, а на этой земле мы были людьми самыми дружными и счастливыми» [Гайдар, 2004: 303]. Сыну не просто трудно принять арест отца, но и согласиться с тем, что отец совершил преступление вопреки собственной совести и в противовес дорогим для себя ценностям. Герой не собирается его оправдывать, а как-то по-взрослому принимает его арест как беду. Так же по-взрослому обреченно он воспринимает и отъезд Валентины с новым мужем на Кавказ. Все это дало герою не только новые впечатления, но и необходимость приспособливаться к новым условиям, выживать в суровых условиях безденежья и голода. Все жизненные перипетии героя вне семьи не просто закаляют характер персонажа, но и выявляют лучшие его качества — умение прощать даже тех, кто предал его, стремление вновь обрести семью и жить свободно и смело, не боясь ничего, причем для этого он бережно хранит память об отце, нести ответственность за ближних. Так, Сергей сдает ключи дворнику, чтобы его близкие, вернувшиеся из разных мест, смогли попасть в квартиру, пристраивает и котенка, который был оставлен на его попечение (в этом он нравственно гораздо выше взрослых, бросивших его на произвол судьбы) и т.д.

Одновременно Сергей готов за малейшее внимание к себе быть благодарным и благородным по отношению к этому человеку. Герой проходит все круги ада, включая бешеный московский карнавал в Сокольниках, преступления в поезде и под Киевом, но в самый критический момент именно Сергей, этот герой-подросток, находящийся в болезненном состоянии, фактически отринутый обществом, существующий под страхом разоблачения, смог не просто выпрямиться, но и открыто выступить в защиту всего ценного, чему учил отец, против бандитов и шпионов практически в одиночку.

Таким образом, именно семейные ценности, отцовское воспитание, верные нравственные ориентиры не просто спасают героя от гибели физической и духовной, но и в конечном счете объединяют отца и сына на новых принципах построения семейных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арзамасцева И.Н. «Век ребенка» в русской литературе 1900–1930 годов: Монография. М., 2003.
2. Гайдар А.П. Судьба барабанщика // Гайдар А.П. Чук и Гек: повести и рассказы. М., 2004.
3. Глущенко И. Барабанщики и шпионы. Марсельеза Аркадия Гайдара. М., 2015.
4. Золотухина А.В. Эволюция образа подростка в русской детской литературе 1930-х–1970-х годов: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2018.
5. Зубарева Е.Е. «Несущие тягу земную». Очерки о проблемах соцреализма в детской и юношеской литературе. М., 1980.
6. Камов Б. Аркадий Гайдар. Мишень для газетных киллеров. М., 2011.
7. Лупанова И.П. Полвека. Советская детская литература 1917–1967. М., 1969.
8. Мецержакова М.И. Русская детская, подростковая и юношеская проза второй половины XX века: Проблемы поэтики. М., 1997.
9. Путилова Е.О. Детское чтение для сердца и разума: Очерки по истории детской литературы. СПб., 2005.

REFERENCES

1. Arzamastseva I.N. "Vek rebenka" v russkoi literature 1900–1930 godov ["The age of the child" in Russian literature of 1900–1930]. Moscow, *Prometei Publ.*, 2003. 404 pp.
2. Gaidar A.P. Sud'ba barabanshchika [The Drummer's Fate]. Gaidar A.P. Chuk i Gek: povesti i rasskazy [Chuk and Gek: novels and short stories]. Moscow, *Eksmo Publ.*, 2004. 480 pp.
3. Glushchenko I. Barabanshchiki i shpiony. Marsel'eza Arkadiia Gaidara [Drummers and spies. Marseillaise by Arkady Gaidar]. M.: *Dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ.*, 2015. 96 pp.
4. Zolotukhina A.V. Evoliutsiia obraza podrootka v russkoi detskoi literature 1930-kh–1970-kh godov [The evolution of the image of a teenager in Russian children's literature of the 1930s–1970s]. Diss. ... kand. filol. nauk. M., 2018. 174 pp.
5. Zubareva E.E. "Nesushchie tiagu zemnuiu". Ocherki o problemakh sotsrealizma v detskoi i iunosheskoi literature ["Carrying the pull of the earth." Essays on the problems of socialist realism in children's and youth literature]. Moscow, *Detskaia literature Publ.*, 1980. 192 pp.

6. Kamov B. *Arkadii Gaidar. Mishen' dlia gazetnykh killerov* [Arkady Gaidar. Target for newspaper hitmen]. Moscow, *Olma Media Grupp*, 2011. 544 pp.
7. Lupanova I.P. Polveka. Sovetskaia detskaia literatura 1917–1967 [Half a century. Soviet children's literature 1917–1967]. Moscow, *Detskaia literature Publ.*, 1969. 671 pp.
8. Meshcheriakova M.I. *Russkaia detskaia, podrostkovaia i iunosheskaia proza vtoroi poloviny XX veka: Problemy poetiki* [Russian children's, teenage and youthful prose of the second half of the 20th century: Problems of poetics]. Moscow, *Megatron Publ.*, 1997. 380 pp.
9. Putilova E.O. *Detskoe chtenie dlia serdtsa i razuma: Ocherki po istorii detskoi literatury* [Children's Reading for Heart and Mind: Essays in the History of Children's Literature]. S. Petersburg, *RGPU im. A.I. Gertsena Publ.*, 2005. 402 pp.

Поступила в редакцию 18.02.2022

Принята к публикации 24.05.2022

Отредактирована 09.06.2022

Received 18.02.2022

Accepted 24.05.2022

Revised 09.06.2022

ОБ АВТОРЕ

Октябрьская Ольга Святославовна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; svyatolga@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olga Oktyabrskaya — Prof. Dr., Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; svyatolga@yandex.ru

ИСТОРИЯ РОССИИ В ПОЭЗИИ Е.Ф. РОЗЕНА 1820-х годов

Н.В. Куц

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; nikolaiukuts@yandex.ru

Аннотация: Барон Егор Федорович Розен (1800–1860), представитель старинного рода прибалтийских немцев, оставил наиболее заметный след в русской культуре как исторический драматург 1830-х годов — автор нескольких трагедий из времен Ивана III и Ивана IV — и либреттист оперы М.И. Глинки «Жизнь за царя» (1836). Впервые интерес Розена к истории России проявился в начале 1820-х годов, когда он изучал русский язык и пробовал свои силы в поэзии. В настоящей статье с опорой на факты биографии Розена прослеживается развитие этого интереса от ранних опытов в жанрах байронического «отрывка» и исторической элегии, экспериментирующих с литературной традицией, к романтическим поэмам, действие которых происходит на фоне истории России. В первом приближении рассматриваются стихотворения «Святополк» (1824), «Развалины Десятинной церкви» (1827), поэмы «Ксения Годунова» (1828) и «Рождение Иоанна Грозного» (1830). Отмечается, что уже в «Святополке» проявляются черты поэтики Розена, которые станут определяющими в его последующих сочинениях: тяготение к мистическому аллегоризму и внимание к конфликту «чувства» и «долга». Показывается, как в поэме «Рождение Иоанна Грозного», завершающей творческие искания Розена 1820-х годов, автор не только стремился соответствовать требованиям «народности», но и предпринял попытку идеологического осмысления истории России, обратившись к мотивам «династического греха» и «очистительной жертвы». Высказывается предположение о том, что эволюция в разработке исторических сюжетов — под влиянием «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и, позже, отрывков из пушкинского «Бориса Годунова» — во многом предопределила обращение Розена к исторической драматургии в начале 1830-х годов.

Ключевые слова: Розен; Карамзин; романтизм; оссианизм; историческая элегия; историческая поэма; Святополк Окаянный; Василий III; Иван Грозный; Ксения Годунова

Для цитирования: Куц Н.В. История России в поэзии барона Е.Ф. Розена 1820-х годов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 4. С. 122–131.

HISTORY OF RUSSIA IN E.F. ROSEN'S POETRY OF THE 1820s

Nikolai Kuts

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; nikolaikuts@yandex.ru

Abstract: Baron Egor Fedorovich Rosen (Karl Georg Woldemar von Rosen, 1800–1860) was a Russian historical dramatist of 1830s of Baltic German origins who is best known for his libretto for Mikhail Glinka's opera *A Life for the Tsar* (1836). For the first time Rosen's interest in the history of Russia was manifested in the 1820s when he tried his hand at poetry. This article discusses his works of this period in which historical characters and events were reflected: *Sviatopolk* (1824), the early poem in which the essential features of Rosen's poetics were manifested; *The Ruins of The Church of the Tithes* (1827), the historical elegy related with the Friedrich von Matthiessen's one; *Xenia Godunova* (1828), the poem about Boris Godunov's daughter and False Dmitry I; *The Birth of Ivan the Terrible* (1830), the narrative poem in which Rosen for the first time revealed his ideological understanding of Russian history and used motifs of "dynastic sin" and "atonement". It is suggested that the development of historical plots in Rosen's poems of the 1820s, which were influenced by Nikolai Karamzin's *History of the Russian State* and subsequently by the fragments of Alexander Pushkin's *Boris Godunov*, had paved the way for the poet's turn to historical drama in the early 1830s.

Key words: Rosen; Karamzin; Ossianism; Romanticism; historical elegy; historical poem; Sviatopolk the Accursed; Vasili III; Ivan the Terrible; Xenia Godunova

For citation: Kuts N.V. (2022) History of Russia in E.F. Rosen's Poetry of the 1820s. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 4, pp. 122–131.

Интерес к истории России сопровождал Е.Ф. Розена с самого начала творчества, когда будущий литератор, поступив корнетом в Елисаветградский гусарский полк, самостоятельно осваивал новый язык и знакомился с русской литературой по «Истории...» Н.М. Карамзина, трагедиям В.А. Озерова, поэзии Г.Р. Державина и произведениям почти всех известных ему поэтов [Вацуро, 2007: 341; Киселева, 2013: 5].

Уже среди первых опытов Розена на русском языке можно найти стихотворение, основанное на сюжете из древнерусской истории. Это стихотворение «Святополк», посвященное князю-братоубийце Святополку Окаянному. С подзаголовком «отрывок из повести» оно было опубликовано в «Литературных прибавлениях к "Русскому инвалиду"» в ноябре 1831 г., но у нас есть основания считать, что «Святополк» был написан значительно раньше. Розен, прекративший в конце февраля 1831 г. активное сотрудничество в «Литературных

прибавлениях», но поддерживавший контакт с А.Ф. Воейковым, отдавал ему для печати старые стихи из своего архива — в подписи к опубликованному стихотворению указано: «Волжск. 1814». «Волжск» — это город Вольск в Саратовской губернии, расположенный на берегу Волги¹. В нем с ноября 1821 по декабрь 1826 г. находилась полковая квартира Елисаветградского гусарского полка, в котором Розен служил с 1819 по 1828 г. [Плешаков, 2008]. В 20-х числах декабря 1826 г. полк был переведен в Орловскую губернию со штабом в городе Севск, и немногочисленные сохранившиеся стихотворения 1827 г. («Видение Тасса», «Развалины Десятинной церкви») поэт помечает как написанные в Севске и Киеве. Год создания «Святополка» указан в публикации ошибочно — очевидно, из-за неправильного чтения рукописи редактором или простой опечатки: в 1814 г. Розен воспитывался в родительском имении в Эстляндской губернии и не знал русского языка. Если угадывать, какие цифры были искажены ошибкой, то наиболее вероятная датировка стихотворения — 1824 г.: в 1817 Розен не умел писать по-русски, а в 1827 его уже не было в Вольске.

Выбор героя для «отрывка из повести» определяется кругом чтения Розена. Образ князя-злодея заимствован у Карамзина, но психологически усложнен в духе романтической поэтики. Святополк, «второй Каин», представлен Розеном как байронический герой. Он изображен в минуту внутреннего смятения: в душе князя, «горящей в тревоге», происходит «последняя борьба с добродетелью святою». Он не может решиться на страшное преступление и покидает Киев, чтобы совещаться «со святым пещеры близкой иль со злым пустыни духом». Поэтический портрет Святополка представляет собой вариацию портрета романтического героя: «...Шлем высокий // Надвинут мрачно на глаза, // И в них плывет — не чувств слеза, // Но блещет влажное безумье, // И взор оцепенел в раздумье» [Розен, 1831: 726].

Злодейство «второго Каина» получает психологическую мотивировку: он движим не опасениями, что Борис и Глеб будут претендовать на киевский престол (об этом в стихотворении нет прямых упоминаний), а чувством обиды и требованиями кровной мести. Князь намерен отомстить сыновьям Владимира, который, согласно Повести временных лет и Сказанию об убиении Бориса и Глеба, приказал убить его родного отца, Ярополка Святославича, и взял в

¹ В 1820-е годы орфография этого топонима еще не устоялась — в подписях к стихотворениям, сочиненным в годы службы, Розен указывает «Волск» или «Волжск».

наложницы мать². Святополк у Розена произносит: «Владимир! Греков кроткий Бог // Тебе простить убийство мог, // Церквостроителю-герою — // Я не прошу! Кровавый долг // Внушаем детскою любовью... // С лица земли опасной кровью // Обиду смоем Святополк!» [Розен, 1831: 727]. Ситуация, в которой оказывается герой Розена, напоминает дилеммы классической трагедии: «кровавый долг», вызванный древними установлениями и любовью к родителям, противостоит в душе Святополка долгу христианской добродетели. Ассоциации с «высоким стилем» «классицизма» вызывает также использование Розеном церковнославянизмов («днесь», «град», «чело», «власы», «длани», «изрек»).

Душевная смута князя подчеркнута тревожным оссианическим пейзажем: волнуется «мрачно-шумный бор», клубятся воды Днепра, небо затягивает темная туча, после чего начинается буря. Природа не только раскрывает переживания героя, но и становится проводником потусторонней силы. Святополк видит мистические знаки, предвещающие его дальнейшую судьбу: от порыва ветра перед ним падает высокий дуб, за облаками загорается кровавая звезда, а с неба является огнедышащий змей.

Чтобы истолковать эти знаки, перед Святополком возникает святой отшельник – «друг небес» (возможно, образ старца в «пещере близкой» связан не только с образами киево-печерских монахов, но и с некоторыми образами херасковского «Владимира», а вместе с тем «Руслана и Людмилы»). Старец трактует возмущение стихии как изображение страстей князя и предрекает, что если Святополк не обратится к Богу с молитвой о даровании мира его душе, его век «зардеет кровью», как символическая звезда на небе, и он «примет тяжкое возмездье»: «Тебя обступят бесы, черти — // И *окаянным* прозовут // И, растерзав тебя до смерти, // В полымя ада повлекут» [Розен, 1831: 727].

Как видим, в раннем стихотворении Розена переплетаются сразу несколько традиций: байроническая, оссианическая и «классицистическая». Уже в первом сочинении на историческую тему Розен прибегает к мистическому аллегоризму, характерному для его позднейших поэм и баллад, и проявляет интерес к конфликту «чувства» и «долга», к которому он впоследствии будет обращаться в драматургии.

² В исследовательской литературе достоверность этих сведений неоднократно дискутировалась. Подробный разбор аргументов с выводами в пользу истинности версии, принятой Карамзиным (и опиравшимся на него Розеном), см.: [Ранчин, 2015].

Художественное осмысление древнерусской истории усложняется в стихотворении Розена «Развалины Десятинной церкви», сочиненном в 1827 г. в Киеве, когда поэт имел возможность своими глазами увидеть «великолепные остатки» времен князя Владимира. «Развалины...» — написанный высоким слогом опыт в жанре исторической элегии. Героя стихотворения, охваченного «грустно-сладким» восторгом, на «древних могилах» посещают видения прошлого — «прежних дней поток окровавленный» [Розен, 1828: 71]. Перед его мысленным взором проходят эпизоды начальной истории Руси: «варягов смерть, Владимир, чудный храм», крещение, междоусобия, нашествие Батые и покорение Киева монголами в 1240 г. Картины осады Киева и обороны обреченного города, рисуемые исторической фантазией героя, наводят его на размышления о значении мирской славы, добываемой в бою. В заключительной части элегии перед ним является дух храброго киевского воеводы Дмитра, возносимый в небо «четою лучезарной» («То две бессмертные, родные две сестры: // То с Верой Слава...»), после чего герой заключает: «Что же долу // Внимал я древнему глаголу, // Что Слава дым? <...> // Ты, Слава, — Бога дочь! <...> У жизни отняла // Ты смерть, ее венком лавровым украшая!» [Розен, 1828: 73].

Отметим, что характер обращения к истории в раннем творчестве Розена во многом обусловлен жанровыми традициями. Если в байроническом отрывке «Святополк» поэта интересует внутренняя борьба «второго Каина», то в «Развалинах...» события древнерусской истории получают функциональное назначение — они призваны напомнить об ушедших в легендарное прошлое рыцарских временах. При этом воодушевление героя в финале элегии, как представляется, полемично по отношению к последним строкам жанрового образца — «Элегии, написанной на развалинах старого горного замка» Ф. Маттисона (которую Розен, несомненно, знал не только в вольном переложении К.Н. Батюшкова, но и в оригинале). Ср. у немецкого поэта: «Hoheit, Ehre, Macht und Ruhm sind eitel!» («Величие, честь, власть и слава тщетны!») [Matthisson, 1808: 43].

Новый этап в творчестве Розена был открыт поэмой «Ксения Годунова», напечатанной в 1828 г. в составе дебютного сборника «Три стихотворения». В это время поэт вышел в отставку и жил в Москве, сблизившись с кругом «Московского вестника» [Вацуру, 2007: 341]. Вероятно, ему уже были знакомы отрывки из пушкинского «Бориса Годунова», напечатанные в «Московском вестнике» («Ночь. Келья в Чудовом монастыре») и «Северных цветах» на 1828 г. («Граница литовская»). Они могли подтолкнуть Розена к сочинению поэмы из времен Лжедмитрия.

Предмет «отрывка» «Ксения Годунова» — судьба дочери царя, потерявшей родных, принужденной стать наложницей Лжедмитрия и заточенной в монастырь. По своей поэтике это романтическая поэма в байроническом духе, напоминающая о «Святополке». В ее основании лежит свойственная жанру романической интрига [Жирмунский, 1978: 296–298]. Отрепьев изображен искренне любящим Ксению: «Он мне сказал: „Я чудовским монахом // Отчаянно царевну полюбил, // И лишь твоих алкая лобызаний, // Отважился на страх мятежной брани”» [Розен, 1828: 76]. Чувство дочери Годунова к самозванцу тоже далеко не однозначно: она признается, что испытывает «ужасную привязанность к тому, кто чистую невинность опозорил» [Розен, 1828: 78]. Вместе с тем Розен предпринимает попытку изобразить страсти героев на широком фоне национальной истории — через личное восприятие героини он показывает начало Смуты. Центральная часть поэмы — драматический монолог Ксении, вспоминающей смерть отца, народный бунт и воцарение Отрепьева («Я помню все: в палате золотой // Родной отец исходит теплой кровью...» [Розен, 1828: 73]); завершение — вещий сон царевны: она видит, как народ во главе с Шуйским убивает Басманова и врывается в палаты Лжедмитрия, который пытается от них скрыться («Лжецарь в окно! Толпой стрельцов подъятый, // Уж полумертв, разбит, дышать не мог...» [Розен, 1828: 80]).

Итоговым опытом Розена в жанре романтической поэмы с историческим содержанием стала драматическая поэма «Рождение Иоанна Грозного». В период ее создания, в 1829–1830 гг., барон регулярно посещал собрания у А.А. Дельвига, участвовал в «Литературной газете», «Северных цветах», и даже выступил как издатель близкого к пушкинскому окружению альманаха «Царское Село» (1830, совместно с Н.М. Коншиным). В этом альманахе в январе 1830 г. появились первые отрывки из готовящейся поэмы («Рынды», «Псковитянин»).

Основной материал Розен черпал, как и прежде, из «Истории государства Российского» (полное издание поэмы, вышедшее в свет в октябре 1830 г., он сопроводил многочисленными примечаниями со ссылками на Карамзина и его источники), но пользовался, вероятно, и дополнительными сведениями. В «Рождении...» поэт впервые обнаружил непосредственный интерес к бытовым подробностям (первая часть открывается сценой царской охоты, в третьей части изображается свадебный обряд), вводил в текст многочисленные историзмы времен Московской Руси (ловчий, крайчий, Столовая брусая изба, терлик, атласная ферязь), стремясь соответствовать требованиям «народности», и в отдельных местах стилизовал речь

персонажей под «древность» («Судить, рядить он землю стал» [Розен, 1830: 68], «Хоругвями ты добре правишь» [Розен, 1830: 54]).

Как заметил еще Н.И. Надеждин в рецензии на поэму [Надеждин, 1831], «Рождение...» представляет собой длинное предисловие к заявленной теме: появлению будущего царя на свет посвящены только заключительные строки. Основное действие трех частей составляют терзания Василия III по поводу бездетности в браке с Соломонией Сабуровой, ее постриг в Рождественском монастыре и женитьба великого князя на Елене Глинской. В разработке сюжета, описаниях и даже в передаче слов действующих лиц Розен показывает сильную зависимость от Карамзина, но добавляет к исторической фабуле мистическую кульминацию и утяжеляет поэму морализмом. Во второй, центральной части поэмы ключевую роль играет вымышленный персонаж — потерявший родину псковитянин «из посадничих детей», повстречавшийся Соломонии на пути в Троице-Сергиеву лавру, где она надеялась вымолить сына. Горько сожалея об утраченной Псковом независимости («И тебя постигла злая // Новгорода судьба: // Ольги родина святая, // Ты — московская раба!» [Розен, 1830: 36]), изгнанник объясняет опальной жене великого князя, что ее бездетность вызвана тремя политическими грехами Василия III («многокрылого орла»): смертью племянника Дмитрия Ивановича, претендовавшего на престол, заточением в темницу «последнего князя удельного» Василия Шемякина и покорением вольного города, присягавшего в верности великим князьям. Псковитянин объявляет, что его соотечественники «клятвопреступного царя суду небесному предали». Соломония умоляет простить Василия и «снять заклятие». Она предполагает, что «темные деяния» московского правителя — «три грустных жертвы небесам для благ людей» [Розен, 1830: 47]. В итоге псковитянин, сжалившись над княгиней, вместе с ней отправляется в лавру на молебен: «Прощаю все! С моим царем // Иду пред Богом примириться!» [Розен, 1830: 49].

Этот важный для Розена фрагмент, как уже упоминалось, был напечатан в альманахе «Царское Село» почти за год до отдельного издания поэмы. С его публикацией связан любопытный цензурный эпизод. К.С. Сербинович, цензурировавший в декабре 1829 г. материалы для «Царского Села», не осмелился от своего имени дать разрешение «Псковитянину», усмотрев в нем опасный политический подтекст, и отправил его на дальнейшее рассмотрение в Петербургский цензурный комитет. Комитет советовал не печатать эти стихи, объясняя свое решение тем, что в отрывке «описывается чувство глубокого негодования псковитянина против царя московского,

лишившего сограждан его политической свободы» [Стасов, 1901: 646–647]. Цензоры сознавали, что события, о которых рассказывает персонаж, описаны Розеном в строгом соответствии с «Историей...» Карамзина³ и не являются для читающей публики новостью, но делали по этому поводу характерную оговорку: «Произведения изящной словесности требуют, может быть, большей строгости, нежели история, изображающая деяния людей, как они были» [Стасов, 1901: 647]. Не придя к твердому заключению, комитет передал дело в следующую инстанцию — Главное управление цензуры. Там с доводами комитета не согласились, и разрешение было дано без дальнейших разбирательств.

Чтобы смягчить катастрофичность известия о рождении будущего тирана в финале поэмы, Розен снабдил ее эпилогом, проводившим границу между жестоким правлением Грозного и царствованием Романовых. Казни времен опричнины и испытания Смуты поэт представил как «очистительную жертву», необходимую для искупления грехов прежних правителей, а избрание на престол Михаила Романова и утверждение новой династии — как «обетованную зарю» после беспросветной ночи («Как солнца внешние, вставали // Благословенные цари» [Розен, 1830: 99]⁴). Согласно эпилогу «Рождения...», ответственность монарха за грехи и благие дела перед Богом до конца разделяет вверенная ему Россия: «за преступление царя» казнится, за «добродетели царя» благословляется⁵.

Поэтические опыты Розена 1820-х годов подготавливали почву для нового этапа в его творчестве — исторической драматургии с ее концепцией Святой Руси [Киселева, 2018] и преданности русско-го народа самодержавному монарху.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вацуро В.Э. Розен Егор (Георгий) Федорович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М., 2007. С. 341–344.
2. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин; Пушкин и западные литературы: Избранные труды. Л., 1978.
3. Киселева Л.[Н.] Барон Розен о себе // Статьи на случай: Сборник к 50-летию Р.Г. Лейбова. Объединенное гуманитарное издательство Ruthenia.ru, 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Kiseljova.pdf (дата обращения: 10.11.2021).

³ См. примечания к этому фрагменту в полном издании поэмы: [Розен, 1830: 104–106].

⁴ Ср. в «Жизни за царя»: «Все горе отошло // Как солнышко взошло <...> // Кто солнышком блеснит? // Михаил Федорович!» [Розен, 1836: 2].

⁵ Эту же мысль Розен разовьет в позднейшей балладе «Князя Горбатые-Шуйские» (1833).

4. Киселева Л.Н. Эстляндец барон Е.Ф. Розен — борец за русскую народность // Киселева Л.Н. Эстонско-русское культурное пространство. М., 2018. С. 213–228.
5. [Надеждин Н.И.] Рождение Иоанна Грозного. Поэма в трех частях. Сочинение барона Розена // Телескоп. 1831. Т. 1. Ч. 1. С. 120–121.
6. Плешаков И.[Н.] Гусарская быль // Волга — XXI век. 2008. № 1–2. С. 195–216.
7. Ранчин А.М. Святополк Окаянный: установление отцовства // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2015. № 1. С. 19–36.
8. Розен Е.Ф. Жизнь за царя. СПб., 1836.
9. Розен Е.Ф. Ксения Годунова // Розен Е.Ф. Три стихотворения. М., 1828. С. 69–80.
10. Розен Е.Ф. Развалины Десятинной церкви // Московский телеграф. 1828. Ч. 21. № 9. С. 71–74.
11. Розен Е.Ф. Рождение Иоанна Грозного. СПб., 1830.
12. Розен Е.Ф. Святополк // Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”. 1831. № 92 (18 ноября) С. 726–727.
13. [Стасов В.В.] Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1901, № 9. С. 646–647.
14. Matthisson F. Gedichte. Zürich, 1808.

REFERENCES

1. Vatsuro V.E. *Rozen Egor (Georgii) Fedorovich. Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar* [Russian Writers, 1800–1917. The Biographical Dictionary], vol. 5. Moscow, *Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya Publ.*, 2007, pp. 341–344. (In Russ.)
2. Zhirmunskii V. M. *Bairon i Pushkin; Pushkin i zapadnye literatury: Izbrannye Trudy* [Byron and Pushkin; Pushkin and Western Literature]. Leningrad, *Nauka Publ.*, 1978, 424 p. (In Russ.)
3. Kiseleva L.[N.] *Baron Rosen o sebe* [Baron Rozen about Himself]. *Stat'i na sluchai: Sbornik k 50-letiyu R.G. Leibova, Ruthenia Publ.*, 2013. URL: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Kiseljova.pdf (accessed: 10.11.2021). (In Russ.)
4. Kiseleva L.N. *Estlyandets baron E.F. Rosen — borets za russkuyu narodnost'* [Estlandian Baron E.F. Rosen as a Fighter for Russian Nationality]. *Estonsko-russkoe kulturnoe prostranstvo*. Moscow, *Vikmo-M Publ.*, 2018, pp. 213–228. (In Russ.)
5. [Nadezhdin N.I.] *Rozhdenie Ioanna Groznogo. Poema v trekh chastyakh. Sochinenie barona Rosena* [The Birth of Ivan the Terrible. Poem in Three Parts by Baron E.F. Rosen]. *Teleskop*, 1831, vol. 1, pt. 2, pp. 120–121. (In Russ.)
6. Pleshakov I.[N.] *Gusarskaya byl'* [Hussar True Story]. *Volga — XXI vek*, 2008, № 1–2, pp. 195–216. (In Russ.)
7. Ranchin A.M. *Svyatopolk Okayannyi: ustanovlenie ottsovstva* [Sviatopolk the Accursed: Paternity Establishment]. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo*, 2015, № 1, pp. 19–36. (In Russ.)
8. Rosen E.F. *Zhizn' za tsarya* [A Life for the Tsar]. Saint Petersburg, 1836. (In Russ.)
9. Rosen E.F. *Kseniya Godunova. Tri stikhotvoreniya*, Moscow, 1828, pp. 69–80. (In Russ.)
10. Rosen E.F. *Razvaliny Desyatinnoi tserkvi* [The Ruins of the Church of the Tithes]. *Moskovskii telegraf*, 1828, pt. 21, № 9, pp. 71–74. (In Russ.)
11. Rosen E.F. *Rozhdenie Ioanna Groznogo* [The Birth of Ivan the Terrible]. Saint Petersburg, 1830. (In Russ.)
12. Rosen E.F. *Svyatopolk* [Sviatopolk]. *Literaturnye pribavleniya k Russkomu invalidu*, 1831, № 92, pp. 726–727. (In Russ.)

13. [Stasov V.V.] *Tsenzura v tsarstvovanie imperatora Nikolaya I* [The Censorship in the Reign of Emperor Nicholas I]. *Russkaya starina*, 1901, № 9, pp. 646–647. (In Russ.)
14. Matthisson F. *Gedichte* [Poems]. Zürich, 1808.

Поступила в редакцию 07.02.2022

Принята к публикации 24.05.2022

Отредактирована 10.06.2022

Received 07.02.2022

Accepted 24.05.2022

Revised 10.06.2022

ОБ АВТОРЕ

Куц Николай Викторович — аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; nikolaikuts@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nikolai Kuts — PhD Student, Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; nikolaikuts@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ НЕКЛАССИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГИЗМА (А. БЕЛЫЙ И В. НАБОКОВ) В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ А. БЕРГСОНА

Д.А. Бережнов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; bereg.halya@yandex.ru*

Аннотация: В статье выдвигается гипотеза, что предметом нового психологизма является континуальный познавательный акт, психологически оживленный процесс познания, противопоставленный статичной апперцепции в категориях кантовского трансцендентализма. В ходе доказательства исходной мысли автор опирается на теоретические работы А. Белого («О границах психологии», «О смысле познания» и др.) и на учение А. Бергсона, которые определили основные положения психологизма в его неклассическом изводе. Автор осознанно сосредотачивается на теоретической стороне вопроса, привлекая примеры только из прозы В. Набокова, где философские представления о новом психологизме выразились наиболее четким и непротиворечивым образом. В результате автор приходит к выводу о параллелизме философских устремлений А. Белого, А. Бергсона и В. Набокова, которые приближали психологическое изображение жизни к интуиции длительности, т.е. континуальному познанию, недоступному дискурсивной формулировке и любой форме аналитического обособления. В статье подчеркивается антагонистический характер нового психологизма, направленный против механических и интеллектуальных способов истолкования внутренней жизни. Новый психологизм решает задачи гносеологического порядка. Он изображает принципы конструирования мира, а не сам мир, и протягивается от конкретно-психологических данных к той действительности, которая, по мысли Белого, протекает за пределами познавательных форм. Абсолютное становление, обнаруженное внутри индивидуального сознания и наведенное на мир, не закрепляется в логической категории, но запечатлевается в текучей речи, где языковые единицы растворяются в единой музыкальной прогрессии смысла. Подобный принцип распространяется на весь роман «Дар».

Ключевые слова: длительность; психологизм; модернизм; Набоков; Белый; Бергсон; рассудок; Кант; динамика; поток

Для цитирования: Бережнов Д.А. О некоторых аспектах неклассического психологизма (А. Белый и В. Набоков в свете философии А. Бергсона) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 4. С. 132–141.

ON SOME ASPECTS OF NON-CLASSIC PSYCHOLOGISM (IN WORKS OF A. BELY AND V. NABOKOV) IN THE VIEW OF BERGSON PHILOSOPHY

Denis Berezhnov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bereg.halya@yandex.ru

Abstract: The article puts an idea that the subject of the new psychologism is a continuous cognitive act, a psychologically concrete process of cognition, opposed to the static apperception of the real in the categories of Kantian transcendentalism. The author uses the method of hermeneutical interpretation, where the theoretical principles of Bely and Bergson are addressed to the specific poetic structure of “The Gift” by V. Nabokov. As a result, the author claims the parallelism of the philosophical intensions of A. Bely, A. Bergson and V. Nabokov, who brought the literary psychologism to the intuition of duration, i.e. moving cognition, inaccessible to discursive formulation and any form of analytical act. The article emphasizes the antagonistic nature of the new psychologism, directed against mechanical and intellectual methods of interpreting inner life. New psychologism depicts the cognitive forms of constructing the world, but not the world itself, and stretches from the concrete psychological facts to reality, which, according to Nabokov, flows “beyond the periphery of consciousness”. Absolute becoming, discovered within individual consciousness and brought to the world in total, could not be grasped in a strict logical concept, but is apt a for sort of recreation in a fluid speech, where all the linguistic elements dissolve into an integral musical stream of meaning. “The Gift” of V. Nabokov advances the most precise realization of that principle.

Key words: duration; psychologism; modernism; Nabokov; Bely; Bergson; Kant; intelligence; dynamics; stream

For citation: Berezhnov D.A. (2022) On Some Aspects of Non-Classic Psychologism (in Works of a. Bely and v. Nabokov) in the View of Bergson Philosophy. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 4, pp. 132–141.

В литературе рубежа веков произошли перемены, которые коснулись не только творческих установок, но и общетеоретического понимания всех отраслей знания. Среди них мы хотели бы остановиться на идеологической переориентации в сфере психологизма. Предпринятое нами рассуждение, таким образом, было вызвано желанием осмыслить и теоретически обобщить тот решительный сдвиг в понимании психологизма, который на первой поре принял оборот антипсихологического движения. Мы полагаем, что его не следует воспринимать дословно. Манифестация антипсихологизма в той резкой форме, которую выдвигали и русская (символисты), и европейская («новый роман») литературы, была только мнимым отказом, за которым скрывалось желание к радикальной реформа-

ции предыдущих позиций¹. Реформируя представления о психологизме, модернизм решал через него задачи гносеологического порядка. Новые принципы психологического письма были призваны внутренне воссоздать живой познавательный акт, понятый как процесс, и найти язык, конгениальный контурам текучих психических состояний. Может быть, действительно, по выражению Набокова, новый психологизм «относился к области психологии в самом лучше смысле слова» и требовал более тонкого рассмотрения [Набоков, 2002: 196]. В таком виде он противопоставлял себя любым формам рассудочной и социальной детерминации.

С.Л. Франк писал: «Мы стоим перед фактом <...> совершенного устранения учений о душе и замены их учениями о закономерностях так называемых “душевных явлений”, оторванных от их внутренней почвы и рассматриваемых как явления внешнего предметного мира. Нынешняя психология сама себя признает естествознанием» [Блауберг, 2003: 88]. Модернизм, таким образом, вырос из полемического духа эпохи. Узкие рамки, в которые ужималась психологическая жизнь, не столько механизировали субъекта, сколько отождествляли внутреннюю сферу со внешней, делая первую доступной аналитическому членению и превращали динамику личного становления в статику рассудочных или математических формул. Естественно, интеллектуальная редукция подобного рода не позволяла новому психологизму выбраться за пределы познавательных форм, которыми оперировала и прежняя наука, и прежний классический психологизм. От модернистов, таким образом, требовалась не только критика современного и прежнего подходов, но и создание тех условий, при которых психологическое изображение будет соответствовать более широким задачам: интуитивному постижению тех явлений, которые открываются во внутреннем опыте и выводят психологию на уровень онтологии. Принцип *per realibus ad realiora*, провозглашенный символистами, переносился в сферу психологизма, призванного в результате самоописания показать восхождение от непосредственных психологических фактов к той «длительности, которая и есть сама ткань реальности» [Бергсон, 2001: 264].

«Абсолютное открывается совсем вблизи нас и, в известной мере, внутри нас — писал Бергсон, — сущность его психологическая, а не математическая или логическая» [Бергсон 2001: 286]. «Увидеть — в подлинном смысле слова — *самого себя* и *через себя* все остальное и суметь это передать» — так сформулировал Свасьян, по Бергсону,

¹ Некоторые замечания по этому поводу см. в статьях [Колобаева, 1999; Маркова, 2002].

призвание «истинного художника» [Свасьян, 1978: 85–86]. На аналогичной мысли завершается программное стихотворение В. Набокова «Слава»:

...Но однажды, пласты разуменя дробя,
углубляясь в свое ключевое,
я увидел, как в зеркале, мир, и себя,
и другое, другое, другое [Набоков, 2009: 422].

Первым русским писателем-теоретиком, который поставил себе задачу реабилитировать психологизм и присоединить его к актуальным гносеологическим поискам, был А. Белый. Наряду с известным интересом писателя к неокантианству, мы обязаны упомянуть о колоссальном влиянии французского витализма. Во многих пунктах оно избавляет нас от необходимости давать цитаты Бергсона, поскольку они встречаются в статьях Белого практически в чистом виде. Направление мыслей Белого и даже конкретные концепты (например, о «субстанциональности» как «живой связи» психических процессов [Белый, 2010: 47] и как «творческого начала» психики) удостоверяют, по меньшей мере, осведомленность писателя в некоторых аспектах бергсоновской философии.

Влияние французского интуитивизма особенно проговаривается в психологических штудиях Белого («О границах психологии») и статьях, посвященных гносеологии («О смысле познания»). Критика тенденций в психологической науке, выдвинутая Белым, соприкасается с учением Бергсона и отправляется от положений критической философии, которая, согласно Белому, должна указать на пределы механических методов в психологии. В статье «О границах психологии» Белый пишет следующее: «Внутренний ряд неопределим [экспериментальной] психологией. Ее границы совпадают с границами внешнего ряда. Эти границы суть, во-первых, предельные механические понятия и, во-вторых, познавательные формы. Но если возможен переход от предельных механических понятий к познавательным формам, то область психологии, как и вообще естествознания, со всех сторон обведена теорией познания» [Белый, 2010: 53]. Иными словами, если психология, по мнению Белого, не хочет перейти во владение естествознания, то она должна полагаться на принципы иные, нежели принципы наук, имеющих дело со внешней и неподвижной действительностью («внешним рядом»). Если же она остается на позициях естествознания, пытаясь определить сущность психологической жизни в форме механических понятий, то она по-прежнему, как и естествознание, находится в круге трансцендентальных категорий и не может его покинуть. Она оперирует изолированными состояниями, а не живым становлением, и превращает

изменчивую психологическую ткань в формальную схему, выраженную на языке общих понятий: «Естественнонаучный метод, захватывая все более и более сложные комплексы ощущений и разлагая их на основные динамические и механические элементы, наконец, отнимет у нашего “я” все содержание его сознания. Это содержание отождествится тогда с миром объективной действительности» [Белый, 2010: 55]. В таком случае психология, пишет Белый, должна зависеть либо от данных «художественного синтеза» и приближаться к описательному искусству (т.е. литературному психологизму), либо от данных «теории познания», но последняя не удовлетворяет нескольким фундаментальным требованиям.

Трансцендентальная картина статична и неизменна: ввиду того, что она оперирует однородным пространством и временем, которые противны качественному росту психологических состояний, она не может удовлетворить запросов, исходя из которых конкретно-творческая текучесть сознания предшествует кристаллизации познавательных форм. «Неклассический психологизм» в таком освещении есть явление подчеркнуто динамическое. Статичному формальному единству фигур он противопоставлял *изменчивое единство* неразложимых состояний сознания². Познавательный акт, по нему, должен представлять нечто иное, нежели интеллектуальное обобщение, выраженное в терминах пространства и рассудочных форм, и стремится приобрести неопределимый континуальный характер.

Познавательный акт может быть *мгновенным*, или аналитическим, и *континуальным*, или интуитивным. Первый представляет собой процесс апперцепции, в ходе которого конкретные данные чувственного опыта схватываются и автоматически оформляются в интеллектуальной фиксации (т.е. обобщаются в категории). Моментальное обобщение, полученное в результате синтеза впечатлений, можно уподобить внутреннему снимку действительности, который производится в точке зрения персонажа и помещается в однородном пространстве, где предметы внеположны друг другу. Осмыслением подобных познавательных актов в литературе занималась, безусловно, проза Набокова. Несмотря на то что он стремился во всем подорвать статику инертного восприятия (путями метафор и «интеллектуальной симпатии», как выразился бы Бергсон), в текстах Набокова легко найти описания, обнажающие фотографический принцип зрения.

² Именно в борьбе с мертвой и неподатливой геометрией («геометрической необходимостью») состоит основной пафос «Творческой эволюции» А. Бергсона. В этом свете и мистический ужас, который планиметрические образы вселяют в сознание героев «Петербурга», объясняется страхом статики, невозможностью выйти за пределы ригидных познавательных форм.

Например, Федор после отбытия отца в экспедицию направляется в лешинский парк и попадает на лужайку полную бабочек. Абзац протяженностью в десять длинных предложений воспроизводит с энтомологической точностью поведение более 10 видов чешуекрылых («апельсиновых силен», «амандуса», «махаона» и проч.), которое охватывается в результате мгновенного рядоположения оптических качеств: «Всю эту обаятельную жизнь, — говорит поведствователь — по сегодняшнему сочетанию которой можно было безошибочно определить и возраст лета (с точностью чуть ли не до одного дня), и географическое положение местности, и растительный состав лужайки, все это живое, истинное, бесконечно милое Федор воспринимал *как бы мгновенно* (курсив наш. – Д.Б.) одним привычным, глубоким взглядом» [Набоков, 1999: 316]. Это — аналитический познавательный акт. Он описывает аналитическое распределение зрительных элементов в пространстве, где каждый четко отделяется друг от друга. Противоположность фотографическому восприятию составляет интуиция длительности.

Моментальные восприятия, которые как бы складываются в серию снимков, Бергсон объяснял «кинематографическим механизмом мышления», свойственным интеллекту, и противопоставлял длительности, где каждый чувственный элемент сливается с другими, как «ноты мелодии» [Бергсон, 1992: 95]. Континуальный познавательный акт не может быть подвергнут разграничению на моменты, состояния, предметы и формы. Они, по Бергсону, относятся к роду интеллектуальных абстракций (о том же и в тех же словах пишет Белый). «Плотью познания», по Белому, является «вечное становление», «не могущее стать ни понятием (формой), ни материальным предметом», потому что «подлинное познание беспредметно»: в известном смысле «познавательный акт есть струя», пишет Белый в статье «О смысле познания». Для того чтобы «изобразить познавательный акт в его формах», предлагает писатель, нужно «сложить» и «растопить соляные кристаллы (формы) в живой струе», т.е. растворить косные понятия в стремительной, неделимой и ритмизованной речи [Белый, 1991: 21]. Тогда для выражения интуиции, проникающей в «ритмическую организацию» внутренней жизни [Бергсон, 1999: 95], нужно разработать такую речь, которая, по выражению Бергсона, «заставит нас забывать о том, что она употребляет слова» [Свасьян, 1978: 14] или по крайней мере позволит избавиться от интеллектуального обобщения. По качеству она должна приближаться к музыке. Данное требование последовательно выполняется в прозе Набокова.

Принцип внутренней сочлененности состояний универсален для стиля Набокова. Наряду с мгновенными познавательными актами

писатель постоянно прибегает к «мысленным синтезам» [Бергсон, 1992: 101], которые обеспечивают незаметное соединение планов и нивелируют разрозненность психологического ряда. Приведем пример. Федор располагается на диване, перелистывая «Путешествие в Арзрум», в то время как мать, устроившись в кресле, «подшивает его бедные вещи» [Набоков, 1999: 278]. Сквозная линия из четырех предложений воспроизводит движение самостоятельных тем, объединенных воспоминанием о пропавшем отце. Каждая из тем, принадлежа разным голосам (матери и сына), по пути поступательного и внутреннего прибавления, расположенного на нижнем семантическом уровне, кульминирует в заключительной фразе. Внутренних границ между предложениями нет. Одно продолжается в другом и отражается на движении целого. Психологический прием в данном отрывке Набоков называет «подтравной речью»³, т.е. мышлением, которое протекает в родственных сознаниях как общее для них и не нуждается в вербализации: это — *сообщенное мышление* двух сознаний (по аналогии бессловесного понимания между Левиным и Кити в «Анне Карениной»).

Федор, наталкиваясь на пушкинскую фразу: «Граница имела для меня что-то таинственное...» (1), ощущает «сладкий укол» неясного сильного чувства (2). «Еще не понимая, он отложил книгу и слепыми пальцами полез в картонку с набитыми папиросами». «В ту же минуту мать, не поднимая головы, сказала: “Что я сейчас вспомнила! Смешные двустушия о бабочках, которые ты вместе с ним [отцом] сочиняли”». «Да, — ответил Федор, — некоторые были прямо эпические: то не лист, дар Борея, то сидит arborea...» (3) Шуточные стихи продолжает вставная конструкция в скобках, которая не только продлевает предыдущую фразу, но отвечает на инициальный трепет, возникший при чтении Пушкина⁴, и наконец выводит воспоминание в речь: «Что это было! Самый первый экземпляр отец *только что привез* [смена модального времени] из путешествия...» (4) Тенденция к внутреннему зарождению образа, которая и составила сначала только «неясное ощущение», реально возникает в результате прибавления состояний, которые как бы органически развивают, творят друг друга. Синтетический прием подобного рода распространяется на весь «Дар» и выражается на всех уровнях тек-

³ «...часто случалось, что после нескольких минут оживленного молчания Федор вдруг замечал, что всё время оба отлично знали, о чем эта двойная, как бы подтравная речь, вдруг выходявшая наружу одним ручьем, обоим понятным словом» [Набоков, 1999: 272].

⁴ Лейтмотивом всего произведения является, как известно, внутреннее сродство представлений о Пушкине и об отце: «С голосом Пушкина сливался голос отца» [Набоков, 1999: 280].

ста: если мы показали принцип континуальности в рамках абзаца, то он воплощается и внутри синтагм, и внутри глав, и пронизывает все уровни текста единым порывом.

Итак, познавательный акт есть *процесс*: он неразложим, не выразим дискурсивно, не поддается членению и состоит в том, что каждая речевая единица, которая в неклассическом психологизме является эквивалентом психологической (будь то фонема, морфема, единица ритмики и т.д.), открытой для взаимодействия с другими единицами, проникает в них и сливается в подвижное единство поэтического, а не интеллектуального порядка. Грубо говоря, текст разворачивается как длительность. Переводя Бергсона на литературную почву, мы полагаем, что длительность протекает в промежуточном движении смысла, которое пронизывает план наличных понятий, релятивизирует значения слов и дает динамику тому, что казалось статичным. Некоторые положения бергсоновской философии, которые априорно требовали художественного воплощения, таким образом, могут быть теоретически приложимы к принципам организации текстов литературных и в особенности неопсихологических романов, каковыми являются «Дар» или «Петербург» (но последний требует отдельного рассмотрения в ракурсе *нарушения*, а не *воспроизведения* длительности). Тем не менее оба противопоставляли психологизм статике трансцендентальных категорий рассудка: предметом изображения становился процесс органического, творческого и музыкального развития состояний сознания. Именно в нем и приоткрывалось абсолютное бытие, конечная цель в творчестве Белого и Набокова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белый А. Собр. соч.: Символизм: книга статей. М., 2010.
2. Белый А. О смысле познания. Минск, 1991.
3. Белый А. Собр. соч.: В 2 т. М., 1990.
4. Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994.
5. Бергсон А. Творческая эволюция. М., 2001.
6. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск, 1999.
7. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память // Собр. соч. Т. 1. М., 1992.
8. Блауберг И.И. Анри Бергсон. М., 2003.
9. Евлампиев И.И. Анри Бергсон: философия грядущей эпохи. СПб., 2020.
10. Колобаева Л.А. «Никакой психологии», или Фантастика психологии? (О перспективах психологизма в русской литературе нашего века) // Вопросы литературы. 1999. № 2. С. 3–20.
11. Маркова Т.Н. Эволюция концепции человека и психологизма в русской прозе XX века // Вестник Челябинского университета. Сер. 2. Филология. № 1. 2002. С. 42–58.
12. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. М., 2002.

13. Набоков В.В. Русский период // Собр. соч.: В 5 т. Т. 4: Дар. Приглашение на казнь. Рассказы. СПб., 2002.
14. Набоков В.В. Русской период // Собр. соч.: В 5 т. Т. 5: Волшебник. Solus rex. Другие берега. Рассказы. Стихотворения. СПб., 2008.
15. Свасьян К.А. Эстетическая сущность интуитивной философии А. Бергсона. Ереван, 1978.
16. Шапиро А. Концепт памяти в понимании Анри Бергсона и Владимира Набокова // Язык и текст. 2016. Т. 3. № 2. С. 31–36.
17. Fink H. Bergson and Russian modernism 1900–1930. Evanston, 1999.

REFERENCES

1. Belyj A. Sbranie sochinenij. Simvolizm: kniga statej [Collected works. Symbolism: articles]. Moscow: Kul'turnaya revolyuciya, 2010.
2. Belyj A. O smysle poznaniya [On the meaning of cognition]. Minsk: Polifakt, 1991.
3. Belyj A. Sbranie sochinenij v 2-h tomah [Collected works in 2 Volumes]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1990.
4. Belyj A. Simvolizm kak miroponimanie [Symbolism as a worldview]. Moscow: Respublika, 1994.
5. Bergson A. Tvorcheskaya evolyuciya [Creative evolution]. Moscow: TERRA-Knizhnyj klub, 2001.
6. Bergson A. Tvorcheskaya evolyuciya. Materiya i pamyat' [Creative evolution. Matter and Memory]. Minsk: Harvest, 1999.
7. Bergson A. Opyt o neposredstvennyh dannyh soznaniya. Materiya i pamyat' [Time and Free Will. Matter and Memory]. Sobr. soch., tom 1. Moscow: Moskovskij klub. 1992.
8. Blauberg I. Anri Bergson [Henry Bergson]. Moscow: Progress-tradiciya, 2003.
9. Evlampiev I.I. Anri Bergson: filosofiya gryadushchej epohi [Henry Bergson: philosophy of the coming era]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo RHGA, 2020.
10. Kolobaeva L.A. “Nikakoj psihologii”, ili fantastika psihologii? (O perspektivah psihologizma v russkoj literature nashego veka) [“No psychology”, or fantastic side of psychology (On perspective of psychologism in Russian literature of the XX century)]. Voprosy lit. 1999. №2, pp. 3–20.
11. Markova T.N. Evolyuciya koncepcii cheloveka i psihologizma v russkoj proze XX veka [Evolution of conception of human and psychologism in Russian prose]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. № 1. 2002, pp. 42–58.
12. Nabokov o Nabokove i prochem: Interv'y, recenzii, esse [Nabokov about Nabokov and others: Interviews, Reviews, Essays]. Moscow: Nezavisimaya Gazeta, 2002.
13. Nabokov V.V. Russkij period. Sbranie sochinenij v 5 tomah. Tom 4. Dar. Priglasenie na kazn'. Rasskazy [Russian Period. Collected works in 5 volumes. Vol. 4. The Gift. Invitation of Beheading. Stories]. Saint Petersburg: Simpozium, 2002.
14. Nabokov V.V. Russkoj period. Sbranie sochinenij v 5 tomah. Tom 5. Volshebnik. Solus rex. Drugie berega. Rasskazy. Stihotvoreniya [Enchanter. Solus rex. Drugie berega. Stories. Poems]. Saint Petersburg: Simpozium, 2008.
15. Svas'yan K.A. Esteticheskaya sushchnost' intuitivnoj filosofii A. Bergsona [Aesthetic essence of intuitive philosophy of H. Bergson]. Erevan: Izd-vo AN ASSR, 1978.
16. Shapiro A. Koncept pamyati v ponimanii Anri Bergsona i Vladimira Nabokova [Conception of Memory in understanding of Henry Bergson and Vladimir Nabokov]. Language and Text. 2016. Series 3. № 2, pp. 31–36.

17. Fink H. *Bergson and Russian modernism 1900–1930* [Bergson and Russian Modernism]. Evanston: Northwestern univ. press, 1999.

Поступила в редакцию 08.02.2022

Принята к публикации 24.05.2022

Отредактирована 10.06.2022

Received 08.02.2022

Accepted 24.05.2022

Revised 10.06.2022

ОБ АВТОРЕ

Бережнов Денис Алексеевич — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; bereg.halya@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Denis Berezhnov — PhD Student, Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; bereg.halya@yandex.ru

ВИКТОР ПЕЛЕВИН — ЧИТАТЕЛЬ ВЛАДИМИРА МАКАНИНА

А.А. Семина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; seminaaa@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются точки соприкосновения художественных миров В.С. Маканина и В.О. Пелевина; доказывается, что в период становления В. Пелевин был внимательным читателем произведений В. Маканина 1960–1990-х гг. Выявляются те или иные аспекты, роднящие ранние тексты В. Пелевина («Зомбификация» (1990), «Затворник и Шестипалый» (1990), «Принц Госплана» (1991), «Омон Ра» (1992), «Желтая стрела» (1993), «Жизнь насекомых» (1993), «Чапаев и Пустота» (1996), «Generation P» (1999), «Числа» (2003)) с произведениями В. Маканина «Прямая линия» (1965), «Безотцовщина» (1971), «Ключарев и Алимускин» (1977), «Голоса» (1982), «Предтеча» (1983), «Где сходилась небо с холмами» (1984), «Сюжет усреднения» (1992), «Стол, покрытый сукном и с графином посередине» (1993), «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998), — при этом делается акцент на внимании обоих авторов к социальным трансформациям эпохи и их воздействию на человеческую личность, чье значение для В. Маканина и В. Пелевина определяется прежде всего ее индивидуальностью, связью с бессознательным и способностью вырваться из плена нивелирующей повседневности.

Ключевые слова: В. Маканин; В. Пелевин; преемственность; традиция; рецепция; самотечность; бессознательное; социум

Для цитирования: Семина А.А. Виктор Пелевин — читатель Владимира Маканина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 4. С. 142–153.

V. PELEVIN AS A READER OF V. MAKANIN'S WORKS

Anna Semina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; seminaaa@yandex.ru

Abstract: The article considers the points of contact between the artistic worlds of V.S. Makanin and V.O. Pelevin; it proves that in the formative period V. Pelevin was an attentive reader of Pelevin's works in the 1960s and 1990s. Pelevin's early texts ("Zombification" (1990), "The Hermit and the Six-Fingered" (1990), "Prince of the State Planning Committee" (1991), "Omon Ra" (1992), "Yellow Arrow" (1993), "Insect Life" (1993), "Chapaev and the Void" (1996), "Generation P" (1999), "Numbers" (2003)) are correlated with the works of V. Makanin. "Straight Line" (1965), "Fatherlessness" (1971), "Klyucharev and Alimushkin" (1977), "Voices" (1982),

“Forerunner” (1983), “Where the Sky Meets the Hills” (1984), “Averaging plot” (1992), “A Table Covered with Cloth and with a Carafe in the Middle” (1993), “The Underground, or A Hero of Our Time” (1998): with an emphasis on both authors’ attention to the social transformations of the era and their impact on the human personality, whose significance for V. Makanin and Pelevin. In this regard, the emphasis is placed on both authors’ attention to the social transformations of the era and their impact on the human person, whose significance for V. Makanin and V. Pelevin is defined above all by individuality, connection with the unconscious and ability to escape from the captivity of a levelling everyday life.

Key words: V. Makanin; V. Pelevin; Continuity; Tradition; Reception; Samotechnost; the Unconscious; Society

For citation: Semina A.A. (2022) V. Pelevin as a Reader of V. Makanin’s Works. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 4, pp. 142–153.

Общеизвестно нежелание В. Пелевина признаваться в том, что в творчестве для него существуют какие-либо ориентиры. Как он отметил в одном из интервью, «любимых писателей, художников и т.д. у меня нет. Мне иногда нравится текст, который я читаю, или музыка, которую я слышу, и все» [Писатель Виктор Пелевин ответил на вопросы участников проекта «Сноб»]. Однако представляется, что В. Маканина он читал, и читал очень внимательно, — так что в данном случае можно даже говорить о преемственности.

Маканина часто называют мастером социальной диагностики. Именно он наиболее ярко отразил в своих текстах современные ему типы как советского, так и постсоветского человека. В этом повышенном интересе к физиологии общества, его «составу» Маканин и Пелевин, конечно, очень близки. И хотя Пелевин имеет репутацию отшельника, «русского Сэлинджера», — невозможно отрицать, что в основе его творчества лежит неподдельный интерес к общественным процессам нового времени и судьбе своего поколения. Вряд ли кто-то лучше него показал перипетии жизненного пути представителя «потерянного поколения» девяностых — гуманитария Вавилена Татарского, некогда мечтавшего стать поэтом.

В романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998) Маканин также наглядно показывает, как поколение «лириков» сменяется поколением бизнесменов: «Три юнца, у каждого под мышкой повести или новеллы, идут улицей, говорят о Достоевском и Джойсе, о страстях по “Новому миру” — взволнованные и слегка сумасшедшие, они спорят, слепо наталкиваясь на встречающих прохожих... Шли они каждой улицей и каждой кривенькой улочкой, а значит, их тысячи, десятки тысяч шли на улицах Москвы, Питера, Нижнего Новгорода, Ростова, Челябинска...» [Маканин, 1998: 421–422].

Читающая Россия, по Маканину, уходит в подполье, а на смену ей приходят «новые люди», которые «идут в костюмах, при галстукe, с попискивающими в карманах радиотелефонами, и ведь тоже о своем сокровенном — о бизнесе, о черном нале (наличности), о биржевом курсе и сдавивших горло налогах...» [Там же: 422]. Тип «нового русского» занимает также и Пелевина (особенно это очевидно в романе «Generation P» (1999)¹), хотя некоторые критики назвали созданный Пелевиным конструкт нежизнеспособным [Генис].

Роднит авторов также озабоченность психологией «общества потребления»: в «Generation P» Пелевин подробно описывает психофизиологию этого процесса; в повести Маканина «Предтеча» (1983) народный лекарь — шизофреник Якушкин видит причины болезней современного человека в подчиненности его жизни приобретению тех или иных благ. И хотя новая мода на народную медицину и экстрасенсов показана автором иронически, «больной» Якушкин для него духовно более здоров, чем советский обыватель, утративший связь со своим бессознательным и погрязший в «самотечности жизни». Отношение Маканина к юридическому особе — как и художники, они у него часто выступают выразителями коллективной души, народной совести: это и дурачок Васик в повести «Где сходилось небо с холмами» (1984), который будто отпевает вместе с композитором Башиловым утраченный мелос поселка; это и контуженный Алик, убивающий майора Жилина в романе «Асан» (2008). Именно своей иррациональной связью с подсознанием они так ценны для Маканина, — и именно это качество в своих героях культивирует Пелевин, заставляя их есть мухоморы, ЛСД и другие психотропные вещества. Но надо сказать, что маканинская ирония в адрес народной медицины, захлестнувшей переломную эпоху, у Пелевина тоже нашла свое отражение: в эссе «Зомбификация» (1990) он отмечает: «Почти выкорчевав религию (которая в свое время с такой же тупой непримиримостью вытеснила магию), мы с радостным изумлением узнали, что кроме пыльных идеологических работников и участковых врачей о наших душах и телах могут позаботиться некие «экстрасенсы». И чем больше мы в это верим, чем больше к этому готовы, тем больше их будет» [Пелевин, 1990]. В то же время в тоске по иррациональному бессознательному оба автора скептически относятся к здравому смыслу: у Маканина здравый смысл — «всегда старается и жаждет... обескрылить любую идею, приземлить, упростить, свести к уже известному, а при случае высмеять» [Маканин,

¹ Интересное сопоставление В. Татарского и Петровича проводит в своей работе Х. Гюнтер, однако исследователь в большей степени фокусируется на концепте пустоты в творчестве обоих авторов [Günther, 2013].

1982: 312], это он мешает человеку слышать «голоса» коллективной прапамяти; прагматизм и здравый смысл для Пелевина также выступают атрибутами пошлости, главными побудительными мотивами обывателя-мещанина.

Как уже отмечали, у Маканина «свобода от “самотечности” может быть достигнута ценой сознательного погружения в бессознательное, путем поиска корней своего “Я” в глубине прапамяти» [Лейдерман, Липовецкий, 2003: 627–628]. Удивительно солидарен здесь с ним Пелевин, который пытается найти объяснение резко возросшей популярности шаманов и медиумов у вчерашних правоверных советских граждан: «...представим себе бульдозериста, который, начитавшись каких-то брошюр, решил смести всю эту отсталость и построить новый поселок на совершенно гладком месте. Сырой октябрьской ночью он садится в бульдозер и в несколько приемов срезает всю верхнюю часть холма с деревней и жителями. И вот, когда бульдозер крутится в грязи, разравнивая будущую стройплощадку, происходит нечто совершенно неожиданное: бульдозер вдруг проваливается в подземную пустоту... Бульдозер оказался в могиле. Ни бульдозерист, ни авторы вдохновивших его брошюр не учли, что когда они сметут все, что, по их мнению, устарело, обнажится то, что было под этим, то есть нечто куда более древнее. Психика человека точно также имеет множество культурных слоев. Если срезать верхний слой психической культуры, объявив его набором предрассудков, заблуждений и классово чуждых точек зрения, обнажится темное бессознательное с остатками существовавших раньше психических образований. Все преемственно; вчерашнее вложено в сегодняшнее, как матрешка в матрешку, и тот, кто попытается снять с настоящего стружку, чтобы затем раскрасить его под будущее, в результате провалится в очень далекое прошлое. Именно это и произошло. Психический котлован, вырытый в душах с целью строительства “нового человека” на месте неподходящего старого, привел к оживлению огромного числа архаичных психоформ и их остатков, относящихся к разным способам виденья мира и эпохам...» [Пелевин, 1990].

Размышления о человеческой жизни посредством приема острашения характерны для обоих авторов, для чего и Маканин, и Пелевин выбирают образ беспозвоночных. В «Голосах» (1982) герой Маканина внезапно превращается в червя, и эта граница, как и в пелевинской «Жизни насекомых» (1993), довольно размыта. В этом облике герой предстает перед неким стариком, в котором угадывается Бог, но дает ему ответ за свою жизнь в статусе человека, — причем, оглядываясь на его жизненный путь, Бог характеризует его

таким образом, что становится понятно, почему герой превращается именно в червя:

«Старик произнес сверху:

— Ладно, поживи, даю отсрочку. <...> Много извиваешься, червь, — и пнул меня ногой, чтобы больше не видеть» [Маканин, 1982: 319].

Интересно, что в этой же повести у Маканина возникает размышление о двух братьях-буддистах. Конечно, буддистские коннотации не стали магистральными для Маканина, но характерно их присутствие в «Голосах» — тексте, который наиболее рельефно выражает концепцию маканинского бессознательного. В этом же тексте возникает мысль о том, что голос может поселиться в человеке, подобно паразиту: «Одержимый идеей или фанатик, или даже маньяк, или просто пенсионер, круглый год смиренно и тихо играющий в домино, однако каждую весну добровольно отправляющийся в клинику, так как вновь, едва зазеленеет трава, он считает себя маршалом Коневым, — все это можно увидеть (при желании) огромным полем борьбы, развернувшейся меж людьми и голосами» [там же: 343–344]. В этом рассуждении можно увидеть матрицу, из которой позже возникнет роман Пелевина «Чапаев и Пустота» (1996), где делается акцент на раздвоении личности главного героя.

Любопытно, что в «Голосах» у Маканина возникает двусторонний взгляд на проезжающий поезд (изнутри и снаружи), что позже Пелевин переосмыслит в «Желтой стреле» (1993): «Когда издали — из окна, например, вагона — смотришь на горы, на лес, на опушку леса, это уже сродни искусству: охаешь и ахаешь, как, мол, чудесно. Но вот ты влез на эту именно гору, и красоты поубавилось; гора как гора. <...> реальность вроде как в чем-то малом тебя разочаровала и даже надула, не полностью, а все же.

<...> Чувство и обратимость его, вероятно, едины. И потому еще занятнее, если с этой горы, на которую влез, можно смотреть вниз, в долину и увидеть там нитку железной дороги и последний вагон тянувшегося поезда...» [Там же: 344–345].

Что такое «желтая стрела» как не символ маканинской «самотечности жизни»?² Исследователи характеризуют самотечность как «хаотическую логику повседневности, “сумасшествие буден”, когда человек уже не контролирует свою жизнь, а превращается в щепку в безличном потоке бытовых сцеплений, зависимостей, обязанностей, ритуалов, автоматических действий. “Самотечность” противоположна свободе, она стирает различия между личностями, уравнивая их в единстве функций. <...> Герои Маканина обнаруживали

² Выражение из «Повести о старом поселке» (1974) В. Маканина.

свою зависимость от “самотечности”, когда в силу каких-то обстоятельств... выпадали из потока» [Лейдерман, Липовецкий, 2003: 627–628]. Больше всего Хан и Андрей у Пелевина мечтают «выпасть из потока» — сойти с поезда, который отличается вынужденной «прозрачностью» и так напоминает коридоры маканинской общаги — модели советского универсума в миниатюре. Своеобразными символами маканинской самотечности у Пелевина, возможно, выступают также эскалатор в повести «Принц госплана» (1991) и лента конвейера на бройлерном комбинате в «Затворнике и шестипалом» (1990), где воссоздается модель социума, в котором «каждый, как может, лезет к кормушке» [Пелевин, 2009b: 69]. В то же время, по-видимому, в силу смены исторического ландшафта осмысление самотечности жизни у Пелевина приобретает более глобальный, онтологический характер: самотечность в указанных пелевинских текстах все же выходит за рамки автоматизма бытовой повседневности, на котором фокусируется В. Маканин³.

Интересно, что пелевинская вариация образа желтой стрелы — солнечные лучи — проявляется у Маканина уже в 1965 г. В финале повести «Прямая линия» (иногда ее называют романом) герой Володи Белов умирает в самолете, фокусируясь на предсмертном созерцании солнца и траектории самолета: «Я опять увидел солнце и прямую линию, на которую уже выходил наш самолет. Вот оно солнце, оранжевое, слепящее, ближе, еще ближе. Я почувствовал, как потянуло под сердцем, и какой-то тяжелейший толчок, и самолет спокойно летел, а у меня вдруг все исчезло... как металл... на прочность... на разрыв» [Маканин, 2010: 188]. Помимо «солнечной дороги» и, возможно, прямой линии кардиограммы, которая могла бы обозначить остановку сердца героя, прямая линия в данном случае символизирует неотменимость его смерти, что закономерно вытекает из его жизненного пути, из которого у него — простого советского инженера — нет выхода. Точно так же нет выхода у пелевинского Андрея, который созерцает в вагоне-ресторане солнечный луч: «Может быть, я и сам кажусь кому-то такой же точно желтой стрелой, упавшей на скатерть. А жизнь — это просто грязное стекло, сквозь которое я лечу. И вот я падаю, падаю, уже черт знает сколько лет падаю на стол перед тарелкой, а кто-то смотрит в меню и ждет завтрака...» [Пелевин, 2009a: 11]. Любопытно, что и у Маканина, и у Пелевина образы прямой линии и желтой стрелы глубоко символичны и помещены в сильную позицию заглавия.

³ Автор благодарен покойной Елене Юрьевне Зубаревой за это важное уточнение.

И Маканину, и Пелевину присущ определенный мистицизм: так, мистическая взаимосвязь бизнесменов Михайлова и Сракандаева, чей успех как бы находится в противофазе, возможно, берет начало в рассказе Маканина «Ключарев и Алимускин» (1977): везунчик Ключарев одновременно с каждой новой своей победой узнает, что обстоятельства жизни его знакомого Алимускина становятся все хуже и хуже: Алимускин как бы «оплачивает» успех Ключарева своими потерями. Похожим образом действует механизм удачи в романе Пелевина, чьи герои выбрали в качестве своих покровителей числа-антиподы 34 и 43. Сближает оба текста также и то, что гибель созависимого партнера у героев-победителей, вопреки ожиданиям, вызывает сожаление: Ключарев горестно курит; пелевинский Михайлов испытывает раскаяние, хотя чуть ранее мечтал о смерти своего мистического антагониста.

Оба автора демонстрируют глубокое понимание различных оттенков отношений между мужчиной и женщиной и одновременно стремление их типизировать. Так, у Пелевина в «Желтой стреле» есть фрагмент, который мог бы написать наблюдательный Маканин: «Чай он всегда пил с легким отвращением, словно целовался с женщиной, которую уже давно не любит, но не хочет обидеть невниманием» [Пелевин, 2009а: 35]. В повести «Лаз» (1991) Маканин проводит интересную параллель между личными отношениями и приемами политтехнологов: «...Чурсин бранит себя: он увлекся спором и забыл, что с женщинами не спорят, а немножко их обманывают и отвлекают. Да, да, обманывают чуть и чуть отвлекают.

Кстати сказать, разумные лидеры именно так поступают с неспокойным народом» [Маканин, 2009: 381].

Панорамную типизацию советского общества дает Маканин в повести «Стол, покрытый сукном и с графином посередине» (1993), где заставляет своего героя мысленно готовиться к судилищу — застрашному обсуждению на заседании райкома. Удивительно этот текст перекликается с размышлениями Пелевина в его более раннем эссе «Зомбификация», где отмечается, что «интериоризация — длительный процесс, завершающийся формированием так называемого «внутреннего парткома», с успехом заменяющего внешний... Действие внутреннего парткома протекает либо в форме визуализации <...>, либо, на более глубокой стадии, в форме физических ощущений — сосания под ложечкой, прилива крови к голове и т.д.» [Пелевин, 1990]. Герой Маканина также постоянно прокручивает у себя в голове разные варианты этого заседания и умирает на пресловутом столе от инфаркта, так и не дождавшись самого судилища: «(Оказалось, что они — часть моего сознания, что и стало их победой.) Однажды оказалось, что они со мной, они во мне, и уже не

отодвинуть их типовые лица, их вопросы» [Маканин, 1993: 26]. Как и в данном тексте Маканина, именно сознание героя для Пелевина часто становится главным местом действия и главным предметом изображения.

Интересно обозначение эпохи, которую дает герой Маканина в этой повести, — «время белых халатов». Главное преступление героя для его судей — «нежелание “быть с народом вместе”», что, по их мнению, может испытывать только больной человек. Трудно недооценить, до какой степени это чувство личностного самосохранения присуще героям Пелевина, — в первую очередь, Петру Пустоте, который также оспаривает свое право на творческую индивидуальность и свою, личную историю у психиатра Тимура Тимуровича. Судьи у Маканина не признают за человеком права на личность, на ее внутреннюю свободу: «Им интересно потребление души, и пока человек не раскрылся и не выпотрошил себя, им нехорошо. Их раздражает сокрытие. (Им не нужно твое припрятываемое, но ты его им отдай.)» [Маканин, 1993: 36]. Как и в повести «Лаз», маканинское alter ego боится толпы. В эссе «Сюжет усреднения» (1992) он отмечает: «Страх мой — страх обнаружения <...>, страх необъяснимый и почти мистический. <...> боюсь, что толпа и люди этой толпящейся очереди каким-то образом узнают меня вообще: они как бы выявят код и план личности, считав изнутри мои мысли» [Маканин, 1992: 113]. Представляется, что этот подсознательный страх более чем знаком В. Пелевину, который избегает лишних интервью и предпочитает появляться на публике в темных очках. Обособленность от социума присуща и героям его произведений — это Хан и Андрей («Желтая стрела»), Затворник («Затворник и Шестипалый»), ощущающий свое буквально вселенское одиночество Омон («Омон Ра», 1992).

Неоднократно отмечалась родственность пелевинской и набоковской художественных систем⁴ — в частности, и в том, что касается игры с читателем, неких «подсказок» ему. Подобно Набокову, Пелевин тоже «проговаривается» читателю об испытанных им влияниях — так, некоторые его персонажи носят имена и фамилии маканинских героев. Имя героя повести «Принц Госплана» Саши Лапина — это контаминация из эпизода маканинской повести «Безотцовщина» (1971):

«Опять звонок, и это уже звонил сам Лапин.

– Саша?.. Ты?» [Маканин, 2010а: 146]

⁴ См., например: [Богданова, Кибальник, Сафронова, 2008: 100–113; Надозирная, 2015].

Описание главного героя повести Пелевина также очевидно на-
следует образам маканинских инженеров 1960–1970-х годов: «Саша
ненавидел Бориса Григорьевича той длительной и спокойной нена-
вистью, которая знакома только живущим у жестокого хозяина
сиамским котам и читавшим Оруэлла советским инженерам. Саша
всего Оруэлла прочел в институте, еще когда было нельзя, и с тех
пор каждый день находил уйму поводов, чтобы с кривой улыбкой
покачать головой» [Пелевин, 2009с: 112]. В этом же тексте у Пелеви-
на возникает героиня с довольно редким именем Эмма Николаев-
на — возможно, реинкарнация Эммы из маканинской «Прямой
линии» — повести о советских инженерах, чей колорит в «Принце
Госплана» Пелевин перенимает очень подробно, осовременивая
его компьютерной игровой тематикой — которая все же органич-
но вписывается в концепцию маканинской «самотечности»: «что-
бы добиться в игре успеха, надо забыть, что нажимаешь на кнопки,
и стать этой фигуркой самому — только тогда у нее появится
степень проворства, необходимая, чтобы фехтовать, проскакивать
через щелкающие в узких каменных коридорах разрезалки попо-
лам, перепрыгивать колодцы и бежать по проваливающимся пли-
там, каждая из которых способна выдержать вес тела только се-
кунду...» [Там же: 111].

В тексте повести Маканина «Безотцовщина» после упомянутого
выше телефонного разговора герой ходит по жилью Лапина и рас-
сматривает стены: «на стене корявые нелепые птички, Сереженька
рисовал перелет журавлей, то есть ему так казалось. У Сереженьки
была страсть рисовать таких птичек... А вот надпись: “Здесь думал
о смысле жизни Перейра-Рукавицын”» [Маканин, 2010а: 146]. В этом
эпизоде, возможно, отчасти проступает медитативное занятие па-
циента Сердюка из романа Пелевина «Чапаев и Пустота», который
делает журавликов из бумаги — на первый взгляд, конечно, вслед
за Садако Сасаки, знаменитой девочки из Хиросимы, — но мака-
нинский претекст здесь также оказывается значимым.

В повести Маканина «Стол, покрытый сукном и с графином по-
середине» (1993) также присутствует любопытное воспоминание
героя: «Вблизи реки Урал образовался залив, подковообразный и
довольно вытянутый (но не старица, просто залив) — все это в дет-
стве.

Там мы однажды нашли стол <...>. Стол валялся и помаленьку
мокнул под дождями и вороньим пометом, пока мы, мальчишки,
перевернув, не спустили его на воду как необычный четырехмачто-
вый корабль. <...>

В непогоду и дождь уральские волны накатывали с реки на пес-
чаную перегородку, так что глянцевая вода залива почти соединя-

лась с рекой. <...> То есть воды не хватало самую чуть, чтобы мы смогли вытолкать перевернутый стол и пуститься по течению Урала. Парусник понесся бы вдаль, и все наши сны тогда были о том, как после ливня воды прибыло и нас выбросило в большое плавание» [Маканин, 1993: 39]. Отмеченный фрагмент перекликается с эпизодом из романа «Чапаев и Пустота», где Чапаев и Анна, а затем и сам Петр исчезают в условной реке абсолютной любви⁵. Очевидно, что, хотя река Урал для Пелевина важна прежде всего как составляющая чапаевского мифа, — можно вспомнить и указанный эпизод из текста Маканина, а также то, что сам он родился в Орске на берегу Урала, о чем неоднократно вспоминал в своих интервью и что может быть значимым для зачарованного ученика.

Таким образом, если сопоставить художественные миры В. Маканина и В. Пелевина, невозможно не отметить их общность. Для обоих авторов наиболее интересным объектом исследования являются прежде всего социальные трансформации современных им эпох, а также их воздействие на человеческую личность, богатство которой определяется ее индивидуальностью, связью с бессознательным и способностью вырваться из плена нивелирующей повседневности, причем именно сознание личности представляет для писателей особый интерес. Совокупность отмеченных параллелей и неявных маканинских аллюзий, зашифрованных в ранних текстах В. Пелевина, может выдавать в нем внимательного читателя В. Маканина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова О.В., Кибальник С.А., Сафронова Л.В. Литературные стратегии В. Пелевина. СПб., 2008.
2. Генис А. Феномен Пелевина. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gen1/1.html> (дата обращения: 26.04.2021).
3. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: В 2 т. Т. 2. 1968–1990. М., 2003.
4. Маканин В.С. Андеграунд, или Герой нашего времени. М., 1998.
5. Маканин В.С. Безотцовщина // Маканин В.С. Удавшийся рассказ о любви (сборник). М., 2010а. С. 145–281.
6. Маканин В.С. Голоса: Повести. Рассказы. М., 1982.
7. Маканин В.С. Лаз. М., 2009.
8. Маканин В.С. Прямая линия. М., 2010б.

⁵ Ср.: «То, что я увидел, было подобием светящегося всеми цветами радуги потока, неизмеримо широкой реки, начинавшейся где-то в бесконечности и уходящей в такую же бесконечность. <...> все, о чем я только мог подумать или мечтать, было частью этого радужного потока, а еще точнее — этот радужный поток и был всем тем, что я только мог подумать или испытать, всем тем, что только могло быть или не быть <...>. Он был мною, а я был им. Я всегда был им, и больше ничем». Цит. по: [Пелевин, 2017: 324–325].

9. Маканин В.С. Стол, покрытый сукном и с графином посередине // Знамя. 1993. № 1. С. 9–53.
10. Маканин В.С. Сюжет усреднения // Знамя. 1992. № 1. С. 107–126.
11. Надозирная Т.В. Пелевин VS Набоков: “S.N.U.F.F.” как ремейк «Лолиты» // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2015. № 3 (7). С. 53–56.
12. Пелевин В.О. Желтая стрела // Пелевин В.О. Желтая стрела: избранные произведения. М., 2009а. С. 7–63.
13. Пелевин В.О. Затворник и Шестипалый // Пелевин В.О. Желтая стрела: избранные произведения. М., 2009б. С. 64–109.
14. Пелевин В.О. Зомбификация. Опыт сравнительной антропологии (1990). URL: <http://pelevin.nov.ru/pov/pe-zombi/1.html> (дата обращения: 26.04.2021).
15. Пелевин В.О. Принц Госплана // Пелевин В.О. Желтая стрела: избранные произведения. М., 2009с. С. 110–166.
16. Пелевин В.О. Чапаев и Пустота. СПб., 2017.
17. Писатель Виктор Пелевин ответил на вопросы участников проекта «Сноб». URL: <https://snob.ru/selected/entry/20521/> (дата обращения: 26.04.2021).
18. Günther H. Post-soviet emptiness (Vladimir Makanin and Viktor Pelevin) // Journal of Eurasian Studies, 2013, no. 4. P. 100–106.

REFERENCES

1. Bogdanova O.V., Kibal'nik S.A., Safronova L.V. *Literaturnye strategii V. Pelevina* [Literary strategies of Victor Pelevin]. St. Petersburg, *Petropolis Publ.*, 2008. 182 pp. (In Russ.)
2. Genis A. *Fenomen Pelevina* [Phenomenon of Pelevin]. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gen1/1.html> (accessed: 26.04.2021). (In Russ.)
3. Leiderman N.L., Lipovetskii M.N. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody: V 2 t. T. 2. 1968–1990* [Contemporary Russian literature: 1950–1990-s: In 2 vol. Vol. 2. 1968–1990]. Moscow, *Academia Publ.*, 2003. 688 pp. (In Russ.)
4. Makanin V.S. *Andegraund, ili Geroi nashego vremeni* [Underground, or a Hero of our time]. Moscow, *Vagrius Publ.*, 1998. 496 pp. (In Russ.)
5. Makanin V.S. *Bezotsovshchina* [Fatherlessness]. Makanin V.S. *Udavshiisya rasskaz o lyubvi (sbornik)* [A success story about love: collected works]. Moscow, *Eksmo Publ.*, 2010a, pp. 145–281. (In Russ.)
6. Makanin V.S. *Golosa* [Voices]. Moscow, *Sovetskaya Rossia Publ.*, 1982. 384 pp. (In Russ.)
7. Makanin V.S. *Laz* [Manhole]. Moscow, *Eksmo Publ.*, 2009. 448 pp. (In Russ.)
8. Makanin V.S. *Pryamaya liniya* [Straight line]. Moscow, *Eksmo Publ.*, 2010b. 320 pp. (In Russ.)
9. Makanin V.S. *Stol, pokrytyi suknom i s grafinom poseredine* [A table covered with cloth and with a decanter in the middle]. *Znamya*, 1993, no. 1, pp. 9–53. (In Russ.)
10. Makanin V.S. *Syuzhet usredneniya* [The plot of averaging]. *Znamya*, 1992, no. 1, pp. 107–126. (In Russ.)
11. Nadozirnaya T.V. *Pelevin VS Nabokov: “S.N.U.F.F.” kak remeik “Lolity”* [Pelevin VS Nabokov: “S.N.U.F.F.” as “Lolita’s” remake]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, 2015, no. 3 (7), pp. 53–56. (In Russ.)
12. Pelevin V.O. *Zheltaya strela* [The yellow arrow]. Pelevin V.O. *Zheltaya strela: izbrannye proizvedeniya* [The yellow arrow: collected works]. Moscow, *Eksmo Publ.*, 2009, pp. 7–63. (In Russ.)

13. Pelevin V.O. *Zatvornik i Shestipalyi* [Hermit and Sixfinger]. Pelevin V.O. *Zheltaya strela: izbrannye proizvedeniya* [The yellow arrow: collected works]. Moscow, *Eksmo Publ.*, 2009, pp. 64–109. (In Russ.)
14. Pelevin V.O. *Zombifikatsiya. Opyt sravnitel'noi antropologii* (1990b) [Zombification: Experiences of comparative anthropology]. URL: <http://pelevin.nov.ru/pov/pe-zombi/1.html> (accessed: 26.04.2021). (In Russ.)
15. Pelevin V.O. *Prints Gosplana*. Pelevin V.O. *Zheltaya strela: izbrannye proizvedeniya* [The yellow arrow: collected works]. Moscow, *Eksmo Publ.*, 2009, pp. 110–166. (In Russ.)
16. Pelevin V.O. *Chapaev i Pustota* [Chapaev and Pustota]. St. Petersburg, *Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ.*, 2017. 352 pp. (In Russ.)
17. *Pisatel' Viktor Pelevin otvetil na voprosy uchastnikov proekta "Snob"* [The writer Victor Pelevin answered questions of participants of the project "Snob"]. URL: <https://snob.ru/selected/entry/20521/> (accessed: 26.04.2021). (In Russ.)
18. Günther H. Post-soviet emptiness (Vladimir Makanin and Viktor Pelevin). *Journal of Eurasian Studies*, 2013, no. 4, pp. 100–106.

Поступила в редакцию 07.03.2022

Принята к публикации 24.05.2022

Отредактирована 16.06.2022

Received 07.03.2022

Accepted 24.05.2022

Revised 16.06.2022

ОБ АВТОРЕ

Семина Анна Андреевна — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; seminaaa@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anna Semina — PhD, Teaching Fellow, Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; seminaaa@yandex.ru

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АВТОПЕРЕВОДА: ФРАНЦУЗСКИЕ СТИХИ ДЖОНА ЭШБЕРИ

Е.М. Белавина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; kat-belavina@yandex.ru*

Аннотация: Цель статьи — описать успешные писательские стратегии, позволившие американскому поэту в середине XX в. создать тексты на французском языке, которые оказались в центре научной мысли того времени (переход к постструктурализму); провести лингвостилистический анализ ключевых эстетических инноваций, характерных для новой модели письма. Французские стихи американского поэта Джона Эшбери (1927–2017), благо-склонно принятые критиками, публикой и друзьями-поэтами, были написаны сразу по-французски и опубликованы в журнале “Tel Quel”, и только потом автор записал их по-английски. Логическую несвязность текстов Эшбери, созданных в авангардной манере, критики характеризуют латинским термином *non sequitur*, подчеркивают затемненный паратаксис, вписывающийся в философское осмысление интранзитивного письма (Р. Барт). В статье приводится анализ ритмико-синтаксических особенностей дискурса автопереводов Эшбери. Общность эстетических интересов поэта и ключевых фигур журнала «Тель Кель» (Д. Рош, М. Плейне) обеспечила возможность рецепции. Литературная теория постструктурализма и новаторские формы письма создавались в трансатлантическом культурном диалоге, это благоприятствовало литературной рецепции.

Ключевые слова: язык французской поэзии; современная поэзия; автоперевод; Эшбери; авангард; литературная рецепция

Для цитирования: Белавина Е.М. Эстетический потенциал автоперевода: французские стихи Джона Эшбери // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 4. С. 154–163.

THE AESTHETIC POTENTIAL OF SELF-TRANSLATION: JOHN ASHBERY'S FRENCH POEMS

Ekaterina Belavina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; kat-belavina@yandex.ru

Abstract: The purpose of this article is to describe the successful writing strategies that enabled an American poet in the mid-twentieth century to produce texts in French that were at the centre of scholarly thought at the time (transition to poststructuralism); to provide a linguistic analysis of key aesthetic innovations

characteristic of the new writing model. The French poems of the American poet John Ashbery (1927–2017), favourably received by critics, the public and poets' friends, were written at once in French and published in *Tel Quel*, and only then was the author recorded in English. Critics have described the logical incoherence of Ashbery's texts, which were written in an avant-garde manner, by using the Latin term *non sequitur*. They point out the obscured parataxis, which fits into the philosophical understanding of intransitive writing (R. Barthes). This article analyses the rhythmic-syntactic features of Ashbery's discourse in auto-translations. The commonality of aesthetic interests of the poet and key figures of *Tel Quel* magazine (D. Roche, M. Pleyne) provided a possibility of reception. Poststructuralist literary theory and innovative forms of writing were created in a transatlantic cultural dialogue, and this favoured literary reception.

Key words: language of French poetry; contemporary poetry; auto-translation; Ashbery; avant-garde; literary reception

For citation: Belavina E.M. (2022) The Aesthetic Potential of Self-translation: French Poems of John Ashbery. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 4, pp. 154–163.

Язык французской поэзии XX в. пережил, пожалуй, самые радикальные изменения, если сравнить его с языком других видов дискурса. Отчасти эта «лингвистическая лаборатория» создавалась в ситуации многоязычия. Принципиальная открытость современного литературного процесса Франции сделала доступными для читателя произведения Аполлинера, Тцара, Саррот. Но все же нужно согласиться с авторами учебника «Поэзия»: «В самом деле, настоящий поэтический билингвизм, то есть способность сочинять одинаково значительные тексты на двух языках, — большая редкость» [Поэзия, 2016: 777]. Традиционно автопереводы или тексты, написанные на иностранном языке, рассматриваются как нечто маргинальное.

Американский поэт Джон Эшбери в середине XX в., переехавший в Париж, заслуживший прозвище “этот безумный американец, который интересуется Русселем” (“ce fou Américain qui s'intéresse à Raymond Roussel”) [Brossard, 2001: 15], инвертирует это общепринятое соотношение и создает тексты, которые окажут влияние эстетические принципы восприятия поэтического языка. Так называемые «Французские стихи» Эшбери, пять текстов, благосклонно принятых в кругах левого авангарда, были написаны сразу по-французски и опубликованы в журнале «Тель Кель» (1965 г., № 20) [Ashbery, 1966], и только потом автор записал их по-английски.

В 1980 г., представляя Эшбери антологии “*Vingt poètes américains*” («Двадцать американских поэтов»), Жак Рубо и Мишель Деги, называют его самым известным и престижным из поэтов Нью-Йорка («le plus connu et le plus prestigieux des “poètes de New York”») [Vingt

poètes américains, 1980: 24]). Сам Эшбери относился с некоторой сдержанностью к такому определению [Brossard, 2001: 8], он не считал себя поэтом нью-йоркским.

Эшбери приехал в Монпелье, получив Фулбрайтовскую стипендию, чтобы писать диссертацию о Рэймоне Русселе, писателе начала XX в., Эшбери учит французский язык, чтобы читать Русселя в оригинале. После переезда в Париж Эшбери уделяет все больше времени журналистике, становится заметным искусствоведам. В целом Эшбери живет во Франции с 1955 по 1964 г. и возвращается в Нью-Йорк только по необходимости после смерти отца.

Встреча Джона Эшбери, Дени Роша и Марселена Плейне произошла на вернисаже в конце 1950-х годов. Интерес к современной живописи стал основой дружбы, это была одна из составляющих близости их поэтик. Их объединяло и неприятие всей поэзии, которая на тот момент была популярна во Франции и в Америке, а также интерес к письму как к психолингвистической лаборатории, как к экспериментальной практике.

Переводческая деятельность прекрасно вписывается в такое понимание письма. Джон Эшбери переводит Роша и Плейне (для своего журнала “Locus Solus”¹ 1961–1962, номера III–IV). Позднее Дени Рош напишет в своей книге “Le Mécrît”: «Я стараюсь писать, как американец, пытающийся // Перевести себя на французский язык» (“J’essaie d’écrire comme un américain qui tenterait // De se traduire en français”) [Roche, 1972: 39].

В заметке от редакции Дени Рош комментирует публикацию «Французских стихотворений» в Тель Кель: «Англоязычный писатель Джон Эшбери написал эти пять стихотворений на французском языке с намерением самому перевести их на английский. Привлекая два языка в одном произведении, Джон Эшбери устанавливает дистанцию между собой и стихотворением, которая позволяет ему обнаружить и использовать то, что остается странным в привычном ему языке, и то, что привычно в иностранном». (“Ecrivain de langue anglaise, John Ashbery a écrit ces cinq poèmes en français dans l’intention de les traduire lui-même en anglaise. Faisant jouer deux langues dans une même œuvre, John Ashbery établit ici, occasionnellement, entre lui et le poème une distance qui lui permet de découvrir et d’utiliser ce qui subsiste d’étrangeté dans la langue qui lui est familière, et ce qui lui est familier dans une langue étrangère”) [Vingt poètes américains, 1980: 14]. Примечательно, что в десяти строках Рош дважды подчеркивает, что оригиналы написаны по-французски.

¹ Название журнала является отсылкой к роману Р. Русселя “Locus Solus” (1913–1914), где описывается странное место, полное странных вещей.

В этих текстах есть некоторые ритмические отсылки к предшествующей системе стихосложения, так, например, начало первого текста звучит ритмической цитатой из классики, полустилишем александрийского стиха, далее следуют ритмические сбои ожиданий вокруг классических 12 слогов, не позволяющие установиться какой-либо прочной силлабической симметрии:

Les sources de ces choses (6)/ étant très lointaines (5 или 6 с диэрезой),
Il convient de les trouver (7),/ c'est pourquoi la brume (5)
et la nuit ont «mis les scellés» (8)/ sur toute l'ardeur (4 или 5 с учетом
немого [Θ])

Du secret de la recherche (7)./ Non pour le confondre (6)
Mais en assurer (5)/ la vivante aération (7).
[Vingt poètes américains, 1980: 15]

(Букв.: «Источники этих вещей находятся очень далеко // Их нужно найти, вот почему туман // и ночь “поставили восковые печати” на весь пыл // Секрета поиска. Не чтобы его запутать // Но чтобы обеспечить его живую аэрацию»).

Сложно не потеряться в этом тексте. В первую очередь указательное местоимение при слове «вещи» (“choses”) как бы должно детерминировать его, указывает, на то, что оно должно бы быть понятно читателю, но дальнейший текст его никак не поясняет. Причинная связь (“c'est pourquoi”) ничем не мотивирована логически, и вся дальнейшая последовательность действий, выраженных предикатами, неочевидна в соотношении с существительными, выполняющими роль подлежащих. Все это создает ту атмосферу тайны, «секрета поиска», тайной печати, лежащей на самом процессе поэтического письма.

Марселен Плейне в статье “L'image du sens” (1964), посвященной Эшбери, ставит под вопрос жанры и подчеркивает важность перевода, говорит о письме перформативном (здесь и сейчас) и интранзитивном: «Именно потому, что я не знаю, *Что здесь происходит*, здесь, сейчас, я пишу <...> в незнании, в котором я пребываю, о том, что происходит, как я могу предпочесть эту форму, а не другую <...> то, что говорит в происходящем, это мысль — мысль о том, что происходит». (“C'est parce que je ne sais pas *Qu'est-ce que se passe ici, maintenant, que j'écris*”) [Pleynet, 1964: 72]. В 1960-е годы идет осмысление процесса письма, формулируются принципы перформативности и интранзитивности, о которых будет говорить Ролан Барт в докладе в университете Джона Хопкинса (США) «Писать — непременный глагол?» (1966) [Barthes, 2002: 617–626].

Французы ощущают энигматичность текста Эшбери, необычную лексическую сочетаемость (например, “*l’ardeur du secret de la recherche*”, “*vivante aération*”, “*les mêmes contacts*”, “*solides éclairs*”).

Среди конструкций, которые ощущаются как неестественные из-за сочетаемости и порядка слов, можно назвать “*sous le froid et hautain ciel*”. Обычно эпитеты во французском языке стоят в постпозиции, то есть следуют за существительным, но для эмоционального выделения эпитет может быть поставлен перед существительным, к которому он относится. В данном выражении при переносе двух эпитетов возникает двусмысленность: “*le froid*” может восприниматься как существительное «холод» с определенным артиклем, и только потом взгляд читателя обнаруживает следующее прилагательное «высокомерный» (“*hautain*”). Тогда, возвращаясь к первому слову, понимаешь, что речь идет о прилагательном («холодное и высокомерное небо»). Такое сочетание воспринимается как искусственная поэтизация.

Точно так же читатель остается в растерянности перед философским утверждением в следующем стихотворении цикла: “*Toutes sortes de choses existent et mieux, // Spécimens de ces choses, qui ne se font pas connaitre*” (букв. «Все виды вещей существуют и лучше, // образцы этих вещей, которые не дают о себе знать») [Vingt poètes américains, 1980: 16]. Наречие “*mieux*”, повисает в воздухе, выбитое из привычных синтагматических гнезд, ни к чему не относится, не характеризует никакое действие или процесс.

Именно тексты Эшбери в начале 1960-х годов наиболее соответствуют принципам отказа от образности и повествовательности, в которых воплотился бунт против лингвистической четкости структурализма, против неразрывного двуединства знака.

Критики применяют к письму Эшбери выражение «приглушенный гипотаксис» (“*hypotaxe atténuée*”): лингвистические способы выражения подчинительной связи (причинной, временной и проч.), которые не подкреплены логическим соединением частей предложения [Lang, 2020: 35].

Впрочем, речь идет именно о состоянии пишущего, который отдает себе отчет, что не понимает, что происходит:

Mais l’existence de toutes ces choses et surtout
L’étonnant ampleur de leur nombre doivent être
Pour nous une source de questions inoubliables:
Telles que d’où vient tout cela? Et encore:
Est-ce que je ferai partie un jour de toute cette ampleur?

[Vingt poètes américains, 1980: 20]

(букв. «Но появление всех этих вещей и особенно // Поразительная величина их количества должны быть // Для нас источником неза-

бываемых вопросов: // Например: откуда все это берется? И еще: // Стану ли я когда-нибудь частью всего этого величия?»).

В постановке вопросов, в выборе лексики и образности чувствуется установка Эшбери на то, что, если и поэзия должна удивлять, изумлять, это удивление должно быть приятным [Brossard, 2001: 16].

В поэтике Эшбери числа и цифры играют важную роль: “Car il me semble que tout redeviendra chiffre et sourire” [Vingt poètes américains, 1980: 17]. Слово “chiffre” позволяет двойственное прочтение («цифра» и «шифр»), и это очень близко к идеям УЛИПО и Реймона Руссела, который предвосхитил опыты письма с формальными ограничениями этого литературного объединения. В последнем стихотворении цикла возвращается мысль «числа»: “nous refermant dans l’idée du nombre” [Ibid.: 24].

Рассмотрим последнюю строфу четвертого стихотворения в сопоставлении в английском автопереводе:

Tout est paysage : perspectives de rochers
Battues par d’innombrables vagues ;
Champs de blé à ne plus en pouvoir compter ; forêts
Aux sentiers perdus ; tours de pierre
Et enfin et surtout les grands centres urbains, **avec**
Leurs buildings et leurs populations, au centre **desquels**
Nous vivons notre vie, faite d’une grande quantité d’instant isolés
Pour être perdue au sein d’une multitude de choses.

[Там же]

(букв.: Все — пейзаж: перспективы скал // Избитые бесчисленными волнами; // Поля пшеницы не поддаются подсчету; леса // С потерянными тропинками; каменными башнями // И последнее, но не менее важное, великие городские центры, с// зданиями и людьми, в центре которых // Мы проживаем жизнь, состоящую из огромного количества отдельных моментов. // чтобы быть затерянной среди множества вещей).

Можно заметить, как в самом начале меняется сегментация по строкам, но в пятой и шестой можно видеть сходный перенос после союзного слова:

Everything is landscape:
Perspectives of cliffs beaten by innumerable waves,
More wheatfields **than you can count**, forests
With disappearing paths, stone towers
And finally and above all the great urban centers, **with**
Their buildings and populations, at the center of **wich**
We live our lives, made up of a great quantity of isolated instants
So as to be lost at the heart of a multitude of things.

[Ashbery, 1966],

(букв. Все — пейзаж: // Перспективы скал, избитых бесчисленными волнами, // Больше пшеничных полей, чем вы можете сосчитать, леса // С исчезающими тропинками, каменными башнями // И, наконец, прежде всего великие городские центры, с // Их зданиями и людьми, в центре которых // Мы проживаем наши жизни, состоящие из огромного количества отдельных мгновений // Чтобы быть потерянными в сердцевине множества вещей).

В этом отрывке нет сбоев логических связей, союзные слова вынесены в конец строк, следующая строка подхватывает перенос. Но в глаза бросается повтор слов “centre” (интернационального и в фр., и англ. текстах) и “with”, создается эффект неловкости неподготовленной речи, мысли разворачивающейся у нас перед глазами, момента спонтанного говорения.

Джон Эшбери стал одним из ведущих искусствоведов своего времени, его поэтическое письмо и размышление об искусстве неразрывно связаны. В 1985 г. он создает поэму-экфрасис об «Автопортрете в выпуклом зеркале итальянского художника Пармиджанино»:

As Parmigianino did it, the right hand
Bigger than the head, thrust at the viewer
And swerving easily away, as though to protect
What it advertises.

[Ashbery, 1986: 188–204]

Как изобразил Пармиджанино: правая рука
Больше головы, в жесте выброшенная в лицо зрителю,
Она легко ускользает назад, как бы защищая
То, что сама возвещает.

[Эшбери, 2014]]

Поэма представляет собой философский дискурс об искусстве со вкраплениями искусствоведческих трудов:

Vasari says, “Francesco one day set himself
To take his own portrait, looking at himself from that purpose
In a convex mirror, such as is used by barbers ...
He accordingly caused a ball of wood to be made
By a turner, and having divided it in half and
Brought it to the size of the mirror, he set himself
With great art to copy all that he saw in the glass,”
Chiefly his reflection, of which the portrait
Is the reflection, of which the portrait
Is the reflection once removed.

[Ashbery, 1986]

«Однажды Франческо решил написать автопортрет,
Глядясь в выпуклое зеркало, какими

Пользуются цирюльники... Для этого он заказал
Столяру выточить шар из дерева, затем, распилив
Кругляш надвое, сделал его размером с зеркало и
С великим искусством скопировал то, что увидел в зеркале», —
В основном свое отраженье, но с портрета оно удалено.
Зеркало отражало лишь то, что он видел,
Этого было довольно для выполнения задачи.

[Эшбери, 2014]

«Автопортрет в выпуклом зеркале» можно считать метафорой автоперевода: такое специфическое выражение себя через призму лингвистических компетенций неродного языка укрупняет одни черты, скрадывая другие.

Автопереводы Эшбери являются, с одной стороны, примером стремления поэтов в «литературную столицу мира», а с другой — показывают тенденции в развитии языка французской поэзии в XX в. В 1950-е годы, когда Эшбери приезжает во Францию с целью литературоведческого исследования, научная мысль вовлекает в обсуждение поэтики труды лингвистов Якобсона, Лакана, Греймаса, Бенвениста. Поэты УЛИПО, с которыми общается Эшбери, в 1960-е годы ведут эксперименты по проверке на прочность связей означаемого и означающего с позиций структурализма и того, что готовится выплеснуться за его пределы, — постструктурализма. В 1966 г. Ролан Барт подводит теоретическую базу к процессу текстуального письма, заменившего «поэзию», «вдохновение», «творчество» в своем докладе «Писать — непереходный глагол» [Барт, 1989].

В середине 1960-х годов поэтика Эшбери максимально соответствует концепции Барта. Дружба американского поэта с активными участниками литературного процесса М. Плейне и Д. Рошем, их согласие по ключевым вопросам эстетики и философии искусства, длительное пребывание в стране способствовали быстрой рецепции Эшбери во Франции. Благоприятными факторами можно считать и то, что он переводит на свой родной язык и публикует в США поэтов-современников. Важно, что англоязычный поэт создает тексты, проявляя столь ценимое французами желание выразить себя на французском — иностранном.

Эшбери пишет стихотворения, которые часто называют медитативной прозой. Вопрос перевода формы (силлабика, альтернанс) перестает быть актуальным. Возможно, освобождение стиха от метрики и призвано было упростить культурный трансфер, сократить временную дистанцию рецепции иноязычных поэтов. Возможно, именно поэтому за весь XX в. так и не были выработаны формальные принципы перевода верлибра.

«Французские стихотворения» Эшбери на момент публикации отвечали запросам в философии поэтического дискурса: любая шероховатость воспринималась не как ошибка, а как особенность поэтики, новаторство, которое делает текст фактом истории литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поэзия: Учебник / Азарова Н.М., Корчагин К.М., Кузьмин Д.В., Плунгян В.А. и др. М., 2016.
2. *Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика* / Пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 1989.
3. *Эшбери Дж. Автопортрет в выпуклом зеркале итальянского художника Пармиджанино* / Пер. Я. Пробштейна // НЛО. 2014. N 1. URL: Автопортрет в выпуклом зеркале — Журнальный зал (gorky.media) (дата обращения: 17.01.2022).
4. *Ashbery J. French poems* // *Double Dream of Spring*, 1970. URL: <https://ashberyhouse.yale.edu/french-poems> (дата обращения: 21.01.2022).
5. *Ashbery J. Poèmes française. Tel Quel, automne 1966*. № 27. P. 14–24.
6. *Ashbery J. Self-Portrait in a Convex Mirror* // *Ashbery J. Selected Poems*. N.Y.; Harmondsworth, England, 1986. P. 188–204.
7. *Barthes R. Ecrire, verbe intransitif?* // *The Languages of Criticism and the Sciences of Man: the Structuralist Controversy*, London and Baltimore, 1970.
8. *Barthes R. Écrire: verbe intransitif?* // *Barthes R., Œuvres complètes III. Livres, textes, entretiens. 1968–1971*. Paris, 2002. P. 617–626.
9. *Brossard O. Entretien avec John Ashbery* // *L'œil de boeuf*, № 22 (décembre 2001). P. 7–29. URL: John Ashbery (doublechange.com) (дата обращения: 20.01.2021).
10. *Lang A. La conversation transatlantique. Les échanges franco-américains en poésie depuis 1968*. Dijon: les presses du réel, 2020.
11. *Locus Solus III–IV: New Poetry*. Published by Lans-en-Vercors, 1961.
12. *Pleyne M. L'image du sens* // *Tel Quel, été. 1964*. № 18. P. 69–72.
13. *Roche D. Le Mérit. Paris, 1972*.
14. *Vingt poètes américains. Ouvrage collectif*. Paris, 1980.

REFERENCES

1. *Poeziia. Uchebnik*. Azarova N.M., Korchagin K.M., Kuz'min D.V., Plungian V.A. i dr. M., 2016. (In Russ.)
2. *Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika*: Per. s fr. Sost., obshch. red. i vstup. st. G.K. Kosikova. M., 1989. (In Russ.)
3. *Eshberi Dzh. Avtoportret v vypuklom zerkale ital'ianskogo khudozhnika Parmidzhanino*. Per. Ia. Probshteina. URL: Avtoportret v vypuklom zerkale — Zhurnal'nyi zal (gorky.media) (data obrashcheniia: 17.01.2022). (In Russ.)
4. *Ashbery J. French poems*. *Double Dream of Spring*, 1970. URL: <https://ashberyhouse.yale.edu/french-poems> (accessed: 21.01.2022).
5. *Ashbery J. Poèmes française. Tel Quel, automne 1966*, № 27, pp. 14–24.
6. *Ashbery J. Self-Portrait in a Convex Mirror*. *Ashbery J. Selected Poems*. New York; Harmondsworth, England, 1986, pp. 188–204.
7. *Barthes R. Ecrire, verbe intransitif?* *The Languages of Criticism and the Sciences of Man: the Structuralist Controversy*, London and Baltimore, 1970.
8. *Barthes R. Écrire: verbe intransitif?* *Barthes R., Œuvres complètes III. Livres, textes, entretiens. 1968–1971*. Paris, 2002, pp. 617–626.

9. Brossard O. *Entretien avec John Ashbery*. L'oeil de boeuf, № 22, (décembre 2001), pp. 7–29. URL: John Ashbery (doublechange.com) (accessed: 20.01.2021).
10. Lang A. La conversation transatlantique. Les échanges franco-américains en poésie depuis 1968. Dijon: les presses du réel, 2020.
11. Locus Solus III–IV: New Poetry. Published by Lans-en-Vercors, 1961.
12. Pleyne M. L'image du sens. Tel Quel, été 1964, № 18, pp. 69–72.
13. Roche D. Le Mérit. Paris: Seuil, 1972.
14. Vingt poètes américains. Ouvrage collectif. Paris: Gallimard, 1980.

Поступила в редакцию 21.05.2022
Принята к публикации 24.05.2022
Отредактирована 07.07.2022

Received 21.05.2021
Accepted 24.05.2022
Revised 07.07.2022

ОБ АВТОРЕ

Белавина Екатерина Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языкознания; kat-belavina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4038-7815>

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina Belavina — PhD in Philology, Associate Professor, Department of French Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; kat-belavina@yandex.ru;

О ДОСТОЕВСКОМ

«МОЛОДАЯ ЭМИГРАЦИЯ» В РОМАНЕ «ИДИОТ»

С.А. Кибальник

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия; kibalnik007@mail.ru

Аннотация: В эпизоде романа «Идиот» с «современными позитивистами из самой крайней молодежи» принято видеть преломление впечатлений Достоевского от русских социалистов, живших в России. В статье рассмотрены те его моменты, которые в большей мере напоминают завуалированную полемику Достоевского с так называемой молодой эмиграцией. Об этой полемике писатель мог составить себе представление как в ходе собственных наблюдений в период его пребывания в Женеве, в первую очередь из личного общения с Н.П. Огаревым, так и из знакомства с сочинениями Герцена и публицистикой участников женевской «молодой эмиграции». Так, в эпизоде посещения князя Мышкина Бурдовским и К°, по-видимому, отразились, с одной стороны, претензии «молодой эмиграции» к Герцену по вопросу о так называемом «бахметьевском фонде», а с другой — некоторые характеристики ее Герценом. Во всяком случае, кое-что из сказанного по поводу всей этой истории Мышкиным перекликается с инвективами Герцена в адрес «молодой эмиграции». Соответственно, памфлет А.А. Серно-Соловьевича против Герцена «Наши домашние дела» может рассматриваться как еще один источник «газетного» фельетона Келлера и Докторенко на князя Мышкина. При этом в романе «Идиот» еще нет такого резко негативного освещения «современных позитивистов», какое проявится в «Бесах» в отношении Петра Верховенского: последний сам признается Ставрогину в том, что он «мошенник, а не социалист». Общее снисходительно-сдержанное отношение Мышкина к «современным позитивистам» в свете этого даже кажется своеобразным отзвуком суждений Огарева о «молодой эмиграции», высказанных в личных беседах с Достоевским или в печати. Как известно, Огарев был одним из прототипов князя Мышкина. Дополнительным аргументом в пользу такого представления является сюжетная линия «Мышкин — Мари» и отношения Огарева с Мери Сетерленд. В статье также поставлен вопрос об Александре Серно-Соловьевиче как одном из прототипов образа Ипполита.

Ключевые слова: Достоевский; Герцен; Огарев; «молодая эмиграция»; русские социалисты; А.А. Серно-Соловьевич; герой; прототип; биографический подтекст

Для цитирования: Кибальник С.А. «Молодая эмиграция» в романе «Идиот» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 4. С. 164–174.

“YOUNG EMIGRANTS” IN THE NOVEL “THE IDIOT”

Sergei Kibalnik

*Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia; kibalnik007@mail.ru*

Abstract: In the episode of the novel “Idiot” with “modern positivists from the most extreme youth”, it is customary to see a refraction of Dostoevsky’s impressions of Russian socialists who lived in Russia. The article examines those of his features that are more reminiscent of Dostoevsky’s veiled polemic with the so-called “young emigration”. The writer could form an idea about this controversy both in the course of his own observations during his stay in Geneva, primarily from personal communication with N.P. Ogarev, and from acquaintance with the writings of Herzen and the journalism of the Geneva “young emigration”. So, in the episode of Myshkin’s visit by Burdovsky and Co., apparently, the claims of the “young emigration” to Herzen on the issue of the so-called “Bakhmetyev fund” were reflected, on the one hand, and on the other — some characteristics of Herzen’s “young emigration”. In any case, some of what Myshkin said about this whole story echoes Herzen’s invectives against the “young emigration”. Accordingly, the brochure of A.A. Serno-Solovyevich “Our household affairs”, the pamphlet of A.A. Serno-Solovyevich vs. Herzen, can be considered as another source of newspaper slander by Keller and Doktorenko against Prince Myshkin. At the same time, in the novel “Idiot” there is not yet such a sharply negative coverage of “modern positivists” as will be manifested in “Demons” in relation to Pyotr Verkhovensky: the latter himself admits to Stavrogin that he is “a fraud, not a socialist.” In light of this, Myshkin’s general condescending and restrained attitude towards “modern positivists” even seems to be a kind of echo of Ogarev’s judgments about “young emigration” expressed in personal conversations with Dostoevsky or in print. As you know, Ogarev was one of the prototypes of Prince Myshkin. An additional argument in favor of such a representation is the storyline of “Myshkin–Marie” and Ogarev’s relationship with Mary Seterland. The article also raises the question of Alexander Serno-Solovyevich as one of the prototypes of the image of Hippolytus.

Key words: Dostoevsky; Herzen; Ogarioff; “young emigrants”; Russian socialists; Alexander Serno-Solovioich; character; prototype; biographical subtext

For citation: Kibalnik S.A. (2022) “Young Emigrants” in the Novel the “Idiot”. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 4, pp. 164–174.

Как известно, в эпизоде романа «Идиот» с «современными позитивистами из самой крайней молодежи» [Достоевский, 1987, 28, 2: 305] преломились впечатления Достоевского от русских социалистов, живших в России.

Так, в сцене публичного оскорбления Настасьи Филипповны офицером, приятелем Радомского, отразился реальный эпизод оскорбления жены Н.Г. Чернышевского и ее сестры в Павловске «при

выходе из вокзала» [Чернышевский, 1949: 451–453, 833; Назиров, 2010: 248]. В эпизоде с чтением «газетного» фельетона, «обличающего» Мышкина, пародированы статьи, помещавшиеся в «Искре» в отделе «Нам пишут», который вел М.М. Стопановский [Дороватовская-Любимова, 1928: 29–30].

Между тем в некоторых репликах Лебедева, которому писатель вложил в уста отдельные близкие ему убеждения, ощущается отзвук полемики В.С. Печерина с А.И. Герценом, причем симпатия Достоевского явно на стороне первого из них [Борщевский, 1956: 164–173].

1

Есть основания полагать, что в эпизоде посещения Мышкина Бурдовским и К° отразились претензии женевской «молодой эмиграции» к Герцену по вопросу о так называемом «бахметьевском фонде».

Впоследствии сам Герцен рассказал об этом в «Былом и думах», четыре первых части которых Достоевский неоднократно читал и перечитывал за границей [Достоевская, 1993: 31, 62; Достоевская, 2015: 206]: «Новые знакомые находили, что всё делаемое мною мало, и с негодованием смотрели на человека, прикидывающегося социалистом и не раздающего своего достояния на дуван людям неработающим, но желающим деньги. Очевидно, они стояли еще на непрактической точке зрения христианской милостыни и добровольной нищеты, принимая ее за практический социализм. <...> В самый разгар эмигрантского безденежья разнесся слух, что у меня есть какая-то сумма денег, врученная мне для пропаганды. Молодым людям казалось справедливым ее у меня отобрать» [Герцен, 1961, 11: 344].

Для этого «молодая эмиграция» собиралась прибегнуть к печатным инвективам против Герцена: «Да что на него смотреть — взять у него эти деньги да и баста», — прибавляли еще больше решительные и свирепые. “А будет упираться, мы его так продернем в журналах, что будет помнить, как задерживать чужие деньги”. Денег я не дал. В журналах они не продергивали. Ругательства в печати являются гораздо позже, но тоже из-за денег» [Герцен, 1961, 11: 349].

Вся эта история относится в основном к 1865 г. В результате нее Герцен отказался предоставить «молодой эмиграции» какие-либо деньги из «бахметьевского фонда».

«Ругательства в печати», о которых пишет здесь Герцен, в «Былом и думах» не упоминаются. Однако Достоевский мог слышать о них от Огарева и познакомиться с содержащими их публикациями сам в женевских библиотеках.

Наиболее нашумевшим из этих «ругательств» была брошюра А.А. Серно-Соловьевича «Наши домашние дела»: «А молодая эми-

грация и ваши отношения к ней?... — писал он в ней, обращаясь к Герцену. — Когда эти юноши со святыми ранами, о которых вы проливали слезы, сделались вдруг эмигрантами и, спасаясь в Швейцарии от каторги и виселицы, ободранные и голодные, обратились к вам, вождю, миллионеру и неисправимому социалисту, обратились не с просьбой о насущном хлебе, а с предложением общей работы, вы отвернулись и с гордым презрением отвечали: “Что это за эмиграция? Я не признаю эмиграции! Не надо эмиграции!”» [Серно-Соловьевич, 1867: 11].

Сам Герцен в «Былом и думах» характеризовал этих «юношей» следующим образом: «...Эти **более свирепые**, о которых я сказал, были те ультра, те угловатые и шершавые представители “нового поколения”, которых можно назвать **Собакевичами и Ноздревыми нигилизма**» [Герцен, 1961, 11: 350; здесь и далее выделено полужирным мной. — С.К.].

При этом он делал важную «оговорку»: «В моих словах нет ни малейшего желания бросить камень ни в молодое поколение, ни в нигилизм. О последнем я писал много раз. Наши **Собакевичи нигилизма** не составляют сильнеешего выражения их, а представляют их чересчурную крайность. <...> **Заносчивые юноши**, о которых идет речь, заслуживают изучения, потому что и они выражают временной *тип*, очень определенно вышедший, очень часто повторявшийся, **переходную форму болезни нашего развития из прежнего застоя**» [Герцен, 1961, 11: 350].

Глава третья седьмой части «Былого и дум» была опубликована только в 1870 г., но писалась еще в 1865 г. [см.: Герцен, 1865, 11: 701]. Так что отчасти со слов Огарева, отчасти из вольной русской печати того времени, за которой внимательно следил Достоевский («Федя решил перечесть все запрещенные издания...» — записала его жена еще в мае 1867 г. — [Достоевская, 1993: 62]), писатель скорее всего неплохо представлял себе всю эту историю.

2

Характеристика Герценом «молодой эмиграции» созвучна изображению Достоевским компании Бурдовского в романе «Идиот»: «Большей частью они не имели той выправки, которую дает воспитание, и той выдержки, которая приобретается научными занятиями. Они торопились в первом задоре освобожденья сбросить с себя все условные формы и оттолкнуть все каучуковые подушки, мешающие жестким столкновениям. Это затруднило все простейшие отношения с ними.

Снимая всё до последнего клочка, наши *enfants terribles* гордо являлись как *мать родила*, а родила-то она их плохо, вовсе не про-

стыми дебелими парнями, а наследниками дурной и нездоровой жизни низших петербургских слоев. Вместо атлетических мышц и юной наготы обнаружались печальные следы наследственного худосочья, следы застарелых язв и разного рода колодок и ошейников» [Герцен, 1961, 11: 351].

Особенно это бросается в глаза в следующих моментах герценовской характеристики: «С одной стороны, реакция против старого, узкого, давившего мира должна была бросить молодое поколение в антагонизм и всяческое отрицание враждебной среды — тут нечего искать ни меры, ни справедливости. Напротив, тут делается назло, тут делается в отместку. “Вы лицемеры — мы будем циниками; вы были нравственны на словах — мы будем на словах злодеями; вы были учтивы с высшими и грубы с низшими — мы будем грубы со всеми; вы кланяетесь, не уважая, — мы будем толкаться, не извиняясь; у вас чувство достоинства было в одном приличии и внешней чести — мы за честь себе поставим поправление всех приличий и презрение всех *points d’honneur*’ов”. Но, с другой стороны, эта отрешенная от обыкновенных форм общежития личность была полна своих наследственных недугов и уродств. Сбрасывая с себя, как мы сказали, все покровы, самые отчаянные стали щеголять в костюме гоголевского Петуха, и притом не сохраняя позы Венеры Медицейской. Нагота не скрыла, а раскрыла, кто они. Она раскрыла, что **их систематическая неотесанность, их грубая и дерзкая речь не имеет ничего общего с неоскорбительной и простодушной грубостью крестьянина и очень много с приемами подьяческого круга, торгового прилавка и лакейской помещичьего дома.** <...> **Бить в рожу по первому возражению, если не кулаком, то ругательным словом, называть Ст. Милля *ракальей*, забывая всю службу его,** — разве это не барская замашка, которая “старого Гаврилу за измятое жабо хлещет в ус и рыло?” <...> Самая проказа взяток уцелела в домогательстве денег нахрапом, с пристрастием и угрозами, под предлогом общих дел, в поползновении кормиться на счет службы и мстить кляузами и клеветами за отказ» [Герцен, 1961, 11: 351–352].

Вспомним, что Лебедев говорит о компании Бурдовского со слов своего племянника Докторенко: «...они **дальше нигилистов ушли-с.** Вы напрасно думаете их вашим свидетельством сконфузить, ваше превосходительство; они не сконфузятся-с. Нигилисты все-таки иногда народ сведущий, даже ученый, а эти — **дальше пошли-с, потому что прежде всего деловые-с.** <...> ...не в статейке какой-нибудь журнальной заявляют себя, а уж прямо на деле-с; <...> а теперь уже считается прямо за право, что **если очень чего-нибудь захочется, то уж ни пред какими преградами не останавливаться,** хотя бы

пришлось укокошить при этом восемь персон-с» [Герцен, 1961, 8: 213–214].

Вспомним и впечатление, которое сложилось у Гани Иволгина о Бурдовском: «благодаря некоторым убеждениям своим, до того был настроен Чебаровым и окружающею его компаниею, что **начал дело почти совсем и не из интересу, а почти как служение истине, прогрессу и человечеству**» [Герцен, 1961, 11: 234].

Как и представители «молодой эмиграции» у Герцена, современные «позитивисты» не просят, а требуют выплаты Мышкиным части его наследства Бурдовскому: «Удовлетворите без просьб и без благодарностей с нашей стороны, не ждите их от нас, потому что вы **делаете не для нас, а для справедливости**. <...> ...мы все-таки **требуем, а не просим**» [Достоевский, 1976, 8: 223–224].

Соответственно, памфлет А.А. Серно-Соловьевича против Герцена «Наши домашние дела» может рассматриваться как еще один источник «газетного» фельетона Келлера и Докторенко на князя Мышкина. Разумеется, речь в нем идет о материальных претензиях не на наследство, а на «бахметьевский фонд», но в тоне обнаруживается немало общего.

Между тем кое-что из сказанного по поводу всей этой истории Мышкиным: «Одним словом, я, главное, поэтому и убедился, что **Чебаров должен быть каналья** и сам напустил господина Бурдовского, обманом, на такое мошенничество. <...> ...что Чебаров каналья, в этом уже нет теперь никакого сомнения! Он и несчастного господина Бурдовского и вас всех, господа, которые благородно пришли поддержать вашего друга (так как он в поддержке очевидно нуждается, ведь я понимаю же это!) он всех вас надул и всех вас запутал в случай мошеннический, потому что ведь это, в сущности, плутовство-мошенничество!» [Достоевский, 1976, 8: 227, 229] — перекликается с инвективами Герцена в адрес «молодой эмиграции».

Впрочем, в романе «Идиот» еще нет такого резко негативного освещения «современных позитивистов», какое проявится в «Бесах» в отношении Петра Верховенского. Последний сам будет признаваться Ставрогину в том, что он «мошенник, а не социалист» [Достоевский, 1976, 8: 324].

3

Общее снисходительно-сдержанное отношение Мышкина к «современным позитивистам» в свете этого кажется скорее отзвуком суждений Огарева о «молодой эмиграции», высказанных им в личных беседах с Достоевским или в печати.

В письме к Герцену, написанном в апреле 1867 г., Огарев отзывался о ней так: «Как ты хочешь, но всё же я не могу смотреть на здеш-

нюю несчастную молодежь с твоей ригористической точки зрения. Я сам в себе не нахожу той чистоты, которая давала бы мне право на ригоризм. Кто же из них делал больше нечистого — хотя бы игра-нием относительно самого себя и относительно женщины, чем я дельвал в их и не в их возрасте? Заметь также, что большая доля из них способна трудиться. Об одном не стану спорить, что у них смысл ограничен. Следственно, что же нам оставалось желать относительно их — **упорно воспитывать, а не отталкивать, не обижаться вздором, а вывести на настоящий путь.** Не могу я не считать этого положения за правду, от этого меня твое отношение к ним только глубоко печалит, доводит до неловкости в жизни и до великой внутренней скорби. **Если между ними есть дурные люди, то не все же они дурные люди, и, следственно, есть люди, которым можно растолковать вещи,** но которых нельзя топтать в грязь и прибавлять новый элемент к их гибели. По-моему, это невеликодушно и ложно» [Огарев, 1956: 523].

После выхода в 1867 г. брошюры Серно-Соловьевича «Наши домашние дела» отношения Герцена с «молодой эмиграцией» еще более обострились [см. об этом подробнее: Козьмин, 1961: 532–554], а Огарев по своей наивности невольно только способствовал этому обострению.

Как известно, Огарев был одним из прототипов князя Мышкина [Борисова, 2010: 85–90]. Дополнительным аргументом в пользу такого представления является сюжетная линия «Мышкин — Мари» и отношения Огарева с Мери Сетерленд.

Реакция Герцена на такое поведение Огарева: «...он, как разбуженный лунатик, почти не замечает того, что происходит вокруг него... **Доброта его может вывести из себя**» [Герцен, 1961: 11, 308] — может быть, не случайно напоминает возмущение Лизаветы Проккофьевны снисходительностью Мышкина по отношению к Бурдовскому и К^о.

А вот как изображала отношения Герцена с представителями «молодой эмиграции» Н.А. Тучкова-Огарева в своих воспоминаниях: «Большая часть из них помещалась в русском подворье или в русском пансионе г-жи Шкелгуновой», той самой, которая за несколько лет до нашего переезда на континент приезжала к Герцену в Лондон с мужем и с писателем Михайловым. С тех пор многое в ее жизни изменилось; муж ее давно уехал в Россию, жил где-то в глуши и постоянно писал в журналах, а Михайлов был сослан. В год или два разлуки с Михайловым она не только успела забыть его, но и заменить Серно-Соловьевичем младшим.

Я потому позволяю себе говорить об отношениях г-жи Шкелгуновой с Михайловым и с Серно-Соловьевичем младшим,

что это было в то время всем известно и она этого не скрывала. Интерес не в сплетнях, не в интригах, а в последствиях, о которых я хочу рассказать. Серно-Соловьевич был моложе ее: **горячий, ревнивый, вспыльчивый, имел с г-жой Шелгуновой бурные сцены**, и она стала его бояться. Когда у нее родился сын, то, чтобы покончить все отношения с ним, она решила окрестить ребенка и отослать его на воспитание к мужу своему Шелгунову». Ч. и Л. помогали в этом, по-моему, бесчеловечном деле; не могу понять, какое право имеет мать, не оставляя ребенка у себя, отнять его у отца? С отъезда ребенка Серно-Соловьевич был вне себя, грозил убить г-жу Шелгунову», врывался к ней в комнату и становился в самом деле страшен. “У меня всё взяли, — говорил он с отчаянием, — теперь я ничем не дорожу.” Не знаю, как г-же Шелгуновой удалось, для своего успокоения, поместить Серно-Соловьевича в дом умалишенных, но это несомненный факт» [Тучкова-Огарева, 1959: 219–220].

И вот одна из последовавших вслед за этим сцен между Герценом и Серно-Соловьевичем в ее изображении с участием Огарева: «Раз перед вечером мы сидели втроем: Огарев, Герцен и я; вдруг дверь быстро отворяется и вбегает человек с растерянным видом, оглядывается по сторонам, потом падает на колени перед Герценом — это Серно-Соловьевич, я узнаю его.

— Встаньте, встаньте, что с вами, — говорит Александр Иванович тронутым голосом.

— Нет, нет, не встану, я виноват перед вами, Александр Иванович, я клеветал на вас, клеветал на вас даже в печати... а все-таки я у вас прошу помощи, вы защитите меня от моих друзей, они опять запрут меня туда, чтоб ей было покойно. Вы знаете, я бежал из сумасшедшего дома, и **прямо к вам, к врагу**.

Герцен и Огарев подняли его, жали ему руки, уверяли его, что не помнят зла, и оставили у нас, но убедительно просили не ходить туда (к г-же Шелгуновой), где всё его раздражало. **Они смотрели на него всепрощающим взглядом, и я думала, глядя на них, что так, должно быть, любили и прощали первые христиане**» [Тучкова-Огарева, 1959: 219].

Сцена эта напоминает эпизод романа «Идиот», в котором Ипполит Терентьев приходит к бывшему своему товарищу по гимназии Бахмутову, с которым «в продолжение нескольких лет» он «был в постоянной вражде» чтобы добиться протекции для одного «медика»: «...мы, Бахмутов, **всегда были врагами**, а так как вы человек благородный, то я подумал, что **врагу вы не откажете**, — прибавил я с иронией.

— Как Наполеон обратился к Англии! — вскричал он, захохотав. — Сделаю, сделаю!» [Достоевский, 1979, 8: 334].

В связи с этим стоит, возможно, поставить также вопрос об Александре Серно-Соловьевиче как одном из прототипов образа Ипполита. Впрочем, в его изображении в мемуарах Тучковой-Огаревой есть черты, роднящие его и с Мышкиным.

Так что не исключено, что они навеяны ее знакомством с романом «Идиот»: «Серно-Соловьевич любил детей; он охотно гулял по саду и играл с моей маленькой дочерью. В то время Мейзенбург не приезжала еще с Ольгой, а Наташа была с братом в Берне, у Марии Каспаровны Рейхель; вдруг мы получаем от них телеграмму:

“Мы остаемся здесь дольше, потому что у вас Серно-Соловьевич”.

Герцен отвечал тоже телеграммой: “Как хотите, Натали не боится, он играет в саду с Лизой”.

В первое утро, как Серно-Соловьевич ночевал в Chateau de la Boissière, мы все рано встали и сошлись в столовой; мы надеялись, что Серно-Соловьевич еще мирно отдыхает на свободе, и все-таки немного тревожились; вдруг является Жюль, неся кофе, и говорит:

— Вы мне велели следить за нашим гостем, но, право, за это никто не возьмется. Был тут всё время, — продолжал он озабоченно, — а теперь комната пуста, его нет, m-r Herrnzen! — сказал он с отчаянием.

Подождавши некоторое время, мы начали уже завтракать, но Герцен был мрачен: “Убьет он ее, — говорил он, — а я себе век не прощу, что не следил сам!” Вдруг слышались шаги в саду и всё приближались; и вскоре Серно-Соловьевич вошел почти веселый в столовую. Он извинился и сказал вполголоса Герцену, что **ходил купить хоть бумажные воротники с нарукавниками, потому что стеснялся без них завтракать с дамой**. «...» Но через некоторое время Серно-Соловьевич не выдержал, ушел туда, где его раздражали до бешенства, и его опять отвезли **в психиатрическую больницу**» [Тучкова-Огарева, 1959: 219–220].

Как знать, быть может, то, что Лизавета Прокофьевна при первом знакомстве с Мышкиным соглашалась завтракать в нем только с тем, чтобы **«непременно завязать ему салфетку на шее, когда он сядет за стол»** [Достоевский, 1979, 8: 45], — если, конечно, она была известна Достоевскому — отправляет в том числе и к этой детали поведения Александра Серно-Соловьевича в доме Герцена?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова В.В. Н.П. Огарев как прототип князя Мышкина // Три века русской литературы. Актуальные аспекты изучения: Межвуз. сб. науч. тр. М.; Иркутск, 2010.
2. Борщевский С. Щедрин и Достоевский: история их идейной борьбы. М., 1956.
3. Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1966.

4. Дороватовская-Любимова В.С. Достоевский и шестидесятники: («Искра», «Современник», Чернышевский) // Достоевский. Вып. 3. М., 1928. С. 6–60.
5. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
6. Достоевская А.Г. Дневник 1867 года. М., 1993.
7. Достоевская А.Г. Воспоминания. 1846–1917. М., 2015.
8. Огарев Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1956. Т. 2.
9. Козьмин Б.П. Герцен, Огарев и «молодая эмиграция» // Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России. Избранные труды. М., 1961. С. 483–577.
10. Назиров Р.Г. О мифологии в литературе, или Преодоление смерти: Статьи и исследования разных лет / [Ред. Р.Х. Якубова]. Уфа, 2010.
11. Серно-Соловьевич А.А. Наши домашние дела. Ответ г. Герцену на статью «Порядок торжествует». Веце, 1867.
12. Тучкова-Огарева Н.А. Воспоминания. М., 1959.
13. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 14. М., 1949.

REFERENCES

1. Borisova V.V. Ogarioff kak prototip kniazia Myshkina [N.P. Ogarioff as a prototype of prince Myshkin]. Tri veka russkoi literatury. Aktualnye aspekty izucheniya: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov [Three ages of Russian literature. Current aspects of studies: collections of research works]. Moscow; Irkutsk, *Irkutskiy gos. ped. un-t Publ.*, 2010, pp. 85–89. (In Russ.)
2. Borshchevskiy S. Shchedrin I Dostoevskiy: istoriya ih ideinoi bor'by [Shchedrin and Dostoevsky: history of their ideological struggle]. Moscow, *Hudozhestvennaya literature Publ.*, 1956. (In Russ.)
3. Herzen A.I. Sobr. soch.: v 30 t. [Complete works: In 30 v.]. Moscow, AN SSSR, 1954–1966. T. 1–30. (In Russ.)
4. Dorovatovskaya-Liubimova V.S. Dostoevskiy I shestidesiatniki (“Iskra”, “Sovremennik”, Chernyshevskiy). [Dostoevsky and the writers of the 1860s]. Dostoevskiy. Issue 3. Moscow, *GAHN Publ.*, 1928, pp. 6–60. (In Russ.)
5. Dostoevskiy F.M. Poln. sobr. soch.: V 30 t. [Complete works: In 30 v.]. Leningrad, *Nauka Publ.*, 1972–1990. (In Russ.)
6. Dostoevskaya A.G. Dnevnik 1867 goda. [The Diary of the year 1867]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1993. (In Russ.)
7. Dostoevskaya A.G. Vospominaniya. 1846–1917. [Memoirs. 1846–1917]. Moscow, *Boslen Publ.*, 2015. (In Russ.)
8. Ogarioff N.P. Izbrannyye sotsial'no-politicheskie i filosofskie proizvedeniya. [Selected socio-political and philosophical works]. Moscow, *Gospolitizdat*, 1956. T. 2 (In Russ.)
9. Koz'min B.P. Herzen, Ogarioffi “molodaya emigratsiya”. [Herzen, Ogarioff and “the young emigrants”]. Koz'min B.P. Iz istorii revoliutsionnoi mysli v Rossii. Izbrannyye trudy. [From the history of revolutionary thought in Russia. Selected works]. Moscow, 1961, pp. 483–577. (In Russ.)
10. Nazirov R.G. O mifologii v literature, ili preodoleniye smerti: Statyi I issledovaniya raznykh let. [On mythology in literature, or Overcoming of death. Articles of different years]. Red. R.H. Yakubova. Ufa, *Ufimskiy Poligrafkombinat*, 2010. (In Russ.)
11. Serno-Solvioich A.A. Nashi domashniye dela. Otvet g. Herzenu na statyi “Poriadok torzhestvuet”. [Our home affairs. A reply to Mr. Herzen's article “The order triumphs”. Veve, 1867. (In Russ.)

12. Tuchkova-Ogariova N.A. Vospominaniya. [Memoirs]. Moscow, GIHL, 1959. (In Russ.)
13. Chernyshevskiy N.G. Poln. sobr. soch.: V 16 t. [Complete works: In 30 v.] Moscow, GIHL, 1949. T. 14. (In Russ.)

Поступила в редакцию 03.02.2022

Принята к публикации 24.05.2022

Отредактирована 16.06.2022

Received 03.02.2022

Accepted 24.05.2022

Revised 16.06.2022

ОБ АВТОРЕ

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; kibalnik007@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergei Kibalnik — Doctor of Philology, Leading Researcher at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences; kibalnik007@mail.ru

ПЕРВОЕ СОБОРНОЕ ПОСЛАНИЕ АПОСТОЛА ИОАННА БОГОСЛОВА В МЫСЛИ И ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Т.В. Ковалевская

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
tkowalewska@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматривается значение Первого послания апостола Иоанна для религиозно-философской мысли Достоевского. В отличие от строго понимаемой философии, богословие Достоевского лишь недавно стало предметом системных исследований. Исследователи часто обращаются к широкому спектру неортодоксальных религиозных контекстов (гностицизма, манихейства как особой формы гностицизма, пелагианства, мистерийных практик) для сопоставительного анализа с мыслью и творчеством писателя. В данной статье предлагается сравнительный текстуальный анализ Первого послания апостола Иоанна и произведений, а также личных записей Достоевского. Подробное прочтение Первого послания параллельно с текстами Достоевского показывает, что в своей религиозной антропологии, в представлении о конечном предназначении человека и о путях достижения этого предназначения Достоевский был ортодоксальным христианским мыслителем, видевшим цель и предназначение человека в достижении обожения, и Первое послание апостола Иоанна является текстуальным источником многих религиозно-антропологических идей писателя, а также ранее не отождествленным источником его эсхатологических высказываний. Любовь, центральная тема Первого послания, превращается в мысли Достоевского в принципиальную антиномию земного бытия человека (подобно свободной воле). Отождествление Первого послания как непосредственного текстуального источника некоторых записей и религиозных размышлений Достоевского представляет собой важный вклад в изучение текстов писателя и является существенным ключом к определению его религиозных воззрений. Одновременно исследование Первого послания как текста, где формулируются ключевые для религиозно-философской антропологии писателя догматы, представляет собой перспективное направление в дальнейшем изучении богословствования писателя.

Ключевые слова: религиозная антропология; эсхатология; теозис; богосыновство; св. Григорий Палама; св. Афанасий; св. Ириней

Для цитирования: Ковалевская Т.В. Первое соборное послание апостола Иоанна Богослова в мысли и творчестве Ф.М. Достоевского // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2022. № 4. С. 175–184.

FIRST EPISTLE OF JOHN IN FYODOR DOSTOEVSKY'S WORKS AND THOUGHT

Tatyana Kovalevskaya

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; tkowalewska@yandex.ru

Abstract: The article considers the importance of the First Epistle of John for Dostoevsky's religious and philosophical thought. Unlike formal philosophy, Dostoevsky's theology has only recently become a subject of systemic research. Scholars frequently turn to a broad range of unorthodox forms of religion (Gnosticism, Manicheism as a special form of Gnosticism, Pelagianism, mystical practices) as areas for comparisons with Dostoevsky's works and thought. The article offers a comparative textual analysis of the First Epistle of John and Dostoevsky's works as well as his personal notes. A close parallel reading of the First Epistle and Dostoevsky's texts demonstrates that in his religious anthropology, in his concept of the human being's ultimate destiny and of the ways for achieving this destiny, Dostoevsky was an orthodox Christian thinker who saw *theosis* as ultimate human destiny; the First Epistle of John is the textual source of many of the writer's key religious anthropological ideas and a previously unidentified source of some of his eschatological statements. Dostoevsky transforms love, the focus of the First Epistle, into a key (along with free will) antinomy of humanity's earthly life. The identification of the First Epistle as the immediate textual source of some of Dostoevsky's notes and religious musings is an important contribution to the study of the writer's texts and an important key to determining his religious views. At the same time, a study of the First Epistle as a text that formulates cornerstone tenets of Dostoevsky's religious anthropology is a promising direction for further studies of Dostoevsky's theological thought.

Key words: religious anthropology; eschatology; theosis; divine sonship; St. Gregory Palamas; St. Athanasius; St. Irenaeus

For citation: Kovalevskaya T.V. (2022). The First Epistle of John in Fyodor Dostoevsky's Works and Thought. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 4, pp. 175–184.

Ф.М. Достоевского часто называют не только писателем, но и философом, и богословом. Его творчество уже анализировали через призму формальной философии [Scanlan, 2003]. И напротив, хотя многие мыслители конца XIX — первой трети XX вв. подчеркивали значение Достоевского как религиозного мыслителя (см. перечисление: [Касаткина, 2021: 26]) и исследовали христианство Достоевского как миропонимание [Лосский, 1953]), только недавно были сделаны первые подступы к изучению богословия Достоевского как системы [Касаткина, 2021].

При изучении религиозных взглядов писателя исследователи часто фокусируются на гностицизме [Евлампиев, 2008] пелагианстве [Хондзинский, 2014], манихействе (как особой форме гностицизма) [Буздалов, 2014] — все эти темы, несомненно, важны для понимания художественно-философской мысли Достоевского. Но в данной работе я хочу обратиться к каноническому тексту Священного Писания, к Первому посланию апостола Иоанна, указать на, насколько нам известно, не идентифицировавшееся текстуальное заимствование из Первого Послания у писателя, и показать, что оно было источником богословия Достоевского, его антропологии и эсхатологии.

Текстуальные параллели между творчеством Достоевского и Первым посланием уже разрабатывались. В 2017 г. в Тобольске вышло капитальное издание «Евангелие Достоевского», включающее в себя подробное описание Евангелия как книги; в нем также отмечаются параллели между евангельскими фрагментами и текстами писателя и указываются как переклички, так и то, что исследователи называют «контрастами» между текстом Достоевского и евангельскими текстами.

Первое послание Иоанна здесь оказывается, скорее, источником контрастов. Так, фрагмент из «Братьев Карамазовых» «Любите всё создание Божие, и целое и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь, и тайну Божию постигнешь в вещах. <...> И полюбишь наконец весь мир уже всецелою, всемирною любовью» приведен «по контрасту» [Евангелие Достоевского, 2017: 628] со следующим отрывком: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего» (1 Ин 2:15–16).

Еще одним примером «контрастного» высказывания становится сравнение текста из записи «Маша лежит на столе...» и Первого послания. «Что мы любим детей Божиих, узнаём из того, когда любим Бога и соблюдаем заповеди Его. Ибо это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди Его; и заповеди Его нетяжки» (5: 2–3) Этот фрагмент противопоставляется цитате из записей Достоевского: «Возлюбить человека, как *самого себя*, по заповеди Христовой — невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует. Один Христос мог, но Христос был вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек» [Достоевский, 1972–1990, 20: 172; здесь и далее в данной записи курсив Достоевского. — Т.К.].

Таким образом, эти идентифицированные исследователями параллели создают впечатление существенной полемики между Достоевским и апостолом, подкрепляя представление о писателе как неортодоксальном религиозном мыслителе. Наш аргумент состоит в том, что отношения между Посланием и текстами Достоевского суть не «контраст», но антиномия. Антиномично представление бл. Августина о свободной воле, одной из ключевых философско-богословских концепций христианства [Бл. Августин 1998: 26]. Достоевский формулирует собственную антиномию — природу христианской любви, и из этой антиномии вытекает его доказательство бессмертия души и представление о конечном предназначении человека к обожению.

В первом пункте предполагаемой полемики между апостолом и писателем отрицается связь между Достоевским и ключевым пунктом гностицизма — миром как творением злого демиурга и, таким образом, ставится под вопрос принципиальная связь творчества Достоевского и гностицизма как такового.

Второй пункт — возможность возлюбить ближнего «как самого себя». Необходимо отметить, что для Достоевского «возлюбить как самого себя» означает, «чтоб человек нашёл, сознал и всей силой своей природы убедился, что высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего я, — это как бы уничтожить это я, отдать его целиком всем и каждому беззаветно и безраздельно» [Достоевский, 1972–1990, 20: 172]. И между этой заповедью в таком понимании и ее исполнением стоит не грех как таковой, а сама человеческая природа на земле, стремление к продолжению рода, *заповеданное Богом*: «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт. 1:28). Ибо для Достоевского «женитьба и посягновение на женщину есть как бы величайшее оттолкновение от гуманизма, совершенное обособление пары от *всех* (мало остается для *всех*). <...> Семейство — это величайшая святыня человека на земле, ибо посредством этого закона природы человек достигает <...> (т. е. сменой поколений) цели. Но в то же время человек по закону же природы, во имя окончательного идеала своей цели, должен непрерывно отрицать его. (Двойственность)» [Достоевский, 1972–1990, 20: 173].

Такова антиномия, на которой в значительной мере покоится религиозная антропология писателя¹. Тема любви к ближнему и ее связь с любовью к Богу составляют центральный узел богословия

¹ Отъединение человека от других в индивидуальной любви к другому человеку — причина, по которой терпит поражение князь Мышкин. Будучи просто человеком, он не может отдать себя другим людям так, как сделал это *Богочеловек*

Достоевского, и Первое послание Иоанна становится здесь ключевым текстом. Именно здесь предлагается чеканная, дважды повторяющаяся формулировка «Бог есть любовь» (1 Ин 4: 8, 16). И именно здесь утверждается связь между любовью к людям и познанием Бога: «Возлюбленные! будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь. Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него» (4:7–8). В Новом Завете Достоевского эти стихи подчеркнуты карандашом [Евангелие Достоевского, 2017: 635].

Таким образом, Первое послание Иоанна в концентрированной форме выражает основную истину бытия человека в мире: человек включен в вертикальную и горизонтальную парадигмы общения, и они тесно связаны между собой — не только любовь к человеку происходит из любви к Богу, но и любовь к Богу происходит из любви к людям. Эта же мысль звучит в «Братьях Карамазовых»: «Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойдете до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж несомненно уверуете, и никакое сомнение даже и не возможен зайти в вашу душу». Эта параллель между Первым посланием и «Братьями Карамазовыми» [Достоевский, 1972–1990, 14: 52] не была отмечена в «Евангелии Достоевского», возможно потому, что составители посчитали недостаточно наглядными текстуальные совпадения, но при этом одинаковая мысль о тесной взаимосвязи любви к Богу и человеку налицо в обоих текстах.

На момент создания записи «Маша лежит на столе...» (1864) Достоевскому мог быть известен довольно широкий круг толкований этого новозаветного текста (обзор русского богословия с указанием авторов и тем см.: [Мень, 2009: 334–367]). Интересен труд Ф.И. Яковлева, где Первое послание описывается как послание против еретиков, прежде всего гностиков и тех, кто не верил в богочеловечество Христа. Апостол ясно свидетельствует, пишет Яковлев, что «Иисус Христос есть истинный Бог и истинный человек». Этот акцент важен для сложной динамики взаимоотношений человека и Богочеловека Христа в мысли Достоевского. И второй аспект Послания, который акцентирует Яковлев, — проповедь любви: «По какой причине Го-

Христос. «Идиот» оказывается доказательством божественности Христа от противного, от предположения, что Христос был просто человеком.

сподь Иисус Христос явился на землю? В Апостольском учении мы усматриваем первую, главную и священнойшую причину: это — любовь Божия к людям» [Яковлев].

Именно потому, что в Первом послании любовь утверждается как качество Бога, она становится способом подражания Христу и достижения совершенства Отца. Слова из Евангелия от Матфея «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48) как бы продолжают текст Первого послания: «И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем. Любовь до того совершенства достигает в нас, что мы имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире сем, как Он» (4:16–18).

При этом понятие совершенства в любви связывается с конечной целью человеческого бытия. Совершенство, как отмечается в Толковой Библии, обозначается у Матфея и в 18 стихе 4 главы Первого послания Иоанна словом *τέλειος* (совершенный), которое «встречается из евангелистов только у Матфея два раза (еще 19:21), но несколько раз у Апостолов Павла, Иакова и один раз в 1 Ин. 4:18. Происходит от *τέλος* — в смысле достигнутой цели, <...> в нравственном смысле означает совершенство, полноту, безупречность, непорочность» [Лопухин, 1911: 109]. Представление о достижении цели, заложенное в представление о совершенстве любви, выводит внимательного читателя и на другие размышления.

Христианство провозгласило целью человеческого бытия бого-сыновство. Эта тема проходит через весь Новый Завет и труды отцов Западной и Восточной Церкви. «А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились» (Ин 1:12–13). «Все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии. Потому что вы не приняли духа рабства, [чтобы] опять [жить] в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: “Авва, Отче!” Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии. А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим. 8:14–17), а также (Ефес. 1:4–5) и (Гал. 4:4–5).

Такую же цель утверждает для человека и Достоевский: «Христос весь вошёл в человечество, и человек стремится преобразиться в я Христа как в свой идеал. Достигнув этого, он ясно увидит, что и все, достигавшие на земле этой же цели, вошли в состав его окончательной натуры, т.е. в Христа. <...> Как воскреснет тогда каждое я — в общем Синтезе — трудно представить. <...> Мы будем — лица, не переставая сливаться со всем, не посягая и не женясь, и в различных

разрядах (в доме Отца Моего обители многи суть). Всё себя тогда почувствует и познает навечно. **Но как это будет, и в какой форме, в какой природе, — человеку трудно и представить себе окончательно»** [Достоевский, 1972–1990, 20: 174–175; выделено мной. — Т.К.]. И эта формулировка Достоевского опирается на Первое послание Иоанна: «Возлюбленные! мы теперь дети Божии; *но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть*» (3:2; курсив мой. — Т.К.). Эта явная текстуальная параллель между записью Достоевского и Посланием апостола тоже, насколько нам известно, ранее не отмечалась.

Но Достоевский здесь выходит за пределы исключительно концепции богосыновства. Для него предназначение человека — обожение, соединение с Богом. В этом он следует ортодоксальному христианскому, прежде всего православному, богословию. Ириней Лионский пишет о богосыновстве: «Христос Иисус Господь наш, Сын Всевышнего, <...> Который <...> стал сыном человеческим для того, чтобы человек сделался Сыном Божиим?» Афанасий Великий пишет уже о более тесной связи между человеком и Богом, об обожении: «Ибо “Слово плоть бысть” (Ин. 1:14), чтобы и плоть принесена была за всех, и мы, причастившись Духа Его, могли быть обожены». Афонский монах XIV в. Григорий Палама разработал учение об обожении (теозисе), ставшее официальным учением православной церкви [Палама, 1993].

Св. Григорий Палама в Триаде II «О священном свете» цитирует те же слова из Первого послания, которые подтверждают верность представлений о теозисе: «Мы знаем Бога уже не из вероятности: таким было богопознание через тварные вещи, теперь же “явилась жизнь, ... которая была у Отца, и явилась к нам” (1 Ин.1:2) и возвестила нам, что “Бог есть свет, и тьмы в Нем нет никакой” (1 Ин.1:5), и уверовавших в Него сделала “сынами света” (Еф. 5:8), и “еще не открылось, что мы будем, а... когда откроется, мы будем подобны Ему, потому что увидим Его, каков Он есть” (1 Ин.3:2)» [Палама, 1993: 233].

Таким образом, в Послании любовь к человеку, через которую достигается любовь к Богу, является способом максимального приближения к Богу, своего рода способом обожения, во всей полноте достигаемого на ином уровне бытия, в посмертном существовании человека, а также целью истории человечества.

У Достоевского антиномия любви одновременно является доказательством бессмертия души: «Вся история, как человечества <...> есть только развитие, борьба, стремление и достижение этой цели. Но если это цель окончательная человечества (достигнув ко-

торой ему не надо будет развиваться, то есть достигать, бороться, прозревать при всех падениях своих идеал и вечно стремиться к нему, — стало быть, не надо будет жить) — то, следственно, человек, достигая, окончивает свое земное существование. Итак, человек есть на земле существо только развивающееся, следовательно, не оконченное, а переходное. Но достигать такой великой цели, по моему рассуждению, совершенно бессмысленно, если при достижении цели всё угасает и исчезает, т.е. если не будет жизни у человека и по достижении цели. Следственно, есть будущая, райская жизнь» [Достоевский, 1972–1990, 20: 172–173]. Отталкиваясь от романтического по сути своей представления о жизни как бесконечном стремлении, но делая целью этого стремления обожение в достижении полноты божественной любви, Достоевский формулирует свою антропологию и эсхатологию на основе канонического новозаветного текста.

Первое послание Иоанна было важно для Достоевского по ряду причин: акцент на любви как сущности Бога; представление о включенности человека в систему взаимообусловленных отношений *одновременно* с другим человеком и с Богом, где основу должна составлять любовь, т.е. сущность Бога; утверждение того, что именно в любви человек может стать столь же совершенным, как Отец небесный, и при этом в совершенстве любви скрывается и конечная цель пути человека — обожение, которое совершится неким неизвестным нам образом, но в будущей реальности которого мы не можем усомниться. Таким образом, параллельное прочтение Первого послания Иоанна и текстов Достоевского показывает, что в ключевых концепциях своей религиозной антропологии Достоевский был ортодоксальным христианским мыслителем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бл. Августин*. О граде Божием. Кн. XIV–XXII. СПб., 1998.
2. Богословие Достоевского / Отв. ред. Т.А. Касаткина. М., 2021.
3. Буздалов А. Толкование искушений Христа у Достоевского // Русская народная линия. 07.10.2014. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2014/10/9/tolkovanie_iskushenij_hrista_u_dostoevskogo/ (дата обращения: 12.12.2021)
4. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
5. Евангелие Ф.М. Достоевского: В 3 т. Tobolsk, 2017.
6. *Евлампиев И.И.* Ф. Достоевский и гностическая религиозность русской философии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 9. 2008. № 2. С. 115–124.
7. *Лопухин А.П.* и др. Толковая Библия, или Комментарий на все книги Ветхого и Нового Завета. Т. 8: Евангелие от Матфея. СПб., 1911.
8. *Лосский Н.О.* Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк, 1953.

9. Мень А. К истории русской православной библеистики // Навстречу Христу: Сборник статей. М., 2009. С. 309–382.
10. Палама Григорий. Триады в защиту священо-безмолвствующих. М., 2003.
11. Хондзинский П. (прот.) Достоевский как «учитель Церкви» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 2. С. 137–146.
12. Яковлев Ф.И. Апостолы. Вып. 2-й. Очерки жизни и учения святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова в Евангелии, трех посланиях и Апокалипсисе. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Biblia2/apostoly-ocherki-zhizni-i-uchenija-svjatogo-apostola-i-evangelista-ioanna-bogoslova-v-evangelii-treh-poslanijah-i-apokalipsise-vypusk-2/#0_4 (дата обращения: 30.01.2022).
13. Scanlan J. Dostoevsky the Thinker. Ithaca and London: Cornell University Press, 2002.

REFERENCES

1. St. Augustin. O grade Bozhiem [The City of God]. Books XIV-XXII. St. Petersburg: Aleteia Publ., 1998. (in Russ.)
2. Bogoslovie Dostoevskogo [Dostoevsky's Theology]. / T.A. Kasatkina, ed. Moscow: IMLI RAN Publ., 2021. (in Russ.)
3. Buzdalov A. Tolkovanie iskushenii Khrista u Dostoevskogo [Interpreting the Temptations of Christ in Dostoevsky]. *Russkaya narodnaya liniya [Russian Popular Course]* 07.10.2014. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2014/10/9/tolkovanie_iskushenij_hrista_u_dostoevskogo/ (Accessed on 12.12.2021). (In Russ.)
4. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii v 30 t. [Complete Works in 30 vols.] Leningrad: Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
5. Evangelie F.M. Dostoevskogo v 3 t. [Fyodor Dostoevsky's New Testament in 3 vols.] Tobol'sk: Obshchestvennyi blagotvoritel'nyi fond "Vozrozhdenie Tobol'ska" Publ., 2017. Vol. 2. (In Russ.)
6. Evlampiev I.I. F. Dostoevskii i gnosticheskaya religioznost' russkoi filosofii [Dostoevsky and the Gnostic Religiosity of Russian Philosophy]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii [Review of the Russian Christian Academy for the Humanities]*. 2008. № 2, vol. 9, pp. 115–124. (In Russ.)
7. Lopukhin A.P. et al. Tolkovaya Bibliya, ili Kommentarii na vse knigi Vetkhogo i Novogo Zaveta [The Bible with Commentaries for all the Books of the Old and New Testament]. St. Petersburg: n.p., 1911. Vol. 8. Evangelie ot Matfeya [The Gospel According to Matthew]. (In Russ.)
8. Losskii N.O. Dostoevskii i ego khristianskoe miroponimanie [Dostoevsky and His Christian Worldview]. New York: Chekhov Press, 1953. (In Russ.)
9. Men' A. K istorii russkoi pravoslavnoi bibleistiki [On the Sources of Russian Orthodox Bible Studies]. *Navstrechu Khristu. Sbornik statei [Toward Christ. Collected Articles]*. Moscow: Zhizn' s Bogom Publ., 2009, pp. 309–382.
10. Palama Grigorii. Triady v zashchitu svyashchenno-bezmolvstvuyushchikh [Triads for the Defense of Those Who Practice Sacred Quietude]. Moscow: Kanon Publ., 2003. (In Russ.)
11. Khondzinskii P. (prot.) Dostoevskii kak "uchitel' Tserkvi" [Dostoevsky as a "Teacher of the Church"]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii [Review of the Russian Christian Academy for the Humanities]*. 2014. Vol. 15. Issue 2, pp. 137–146. (In Russ.)
12. Iakovlev F.I. Apostoly. Vyp. 2-i. Ocherki zhizni i ucheniia sviatogo apostola i evangelista Ioanna Bogoslova v Evangelii, trekh poslaniiakh i Apokalipsise. [The Apostles. Issue No. 2. Essays on the Life and Teaching of the Apostle and

Evangelist St. John the Theologian in the Gospel, Three Epistles, and the Apocalypse]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Biblia2/apostoly-oчерki-zhizni-i-uchenija-svjatogo-apostola-i-evangelista-ioanna-bogoslova-v-evangelii-treh-poslanijah-i-apokalipsise-vypusk-2/#0_4 (accessed on 30.01.2022). (In Russ.)

13. Scanlan J. Dostoevsky the Thinker. Ithaca and London: *Cornell University Press*, 2002.

Поступила в редакцию 01.03.2022

Принята к публикации 24.05.2022

Отредактирована 16.06.2022

Received 01.02.2022

Accepted 24.05.2022

Revised 16.06.2022

ОБ АВТОРЕ

Ковалевская Татьяна Вячеславовна — доктор философских наук, профессор кафедры европейских языков Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; tkowalewska@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tatyana Kovalevskaya — Prof. Dr., European Languages Department, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; tkowalewska@yandex.ru

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ XX в. И АНТИПСИХОЛОГИЗМ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

А.А. Казаков

Томский государственный университет, Томск, Россия; akaz75@mail.ru

Аннотация: В статье предлагается рассмотреть заявление Достоевского, что он не является психологом, на фоне программных антипсихологических выступлений писателей и философов XX столетия. Как представляется, опыт этого века может помочь в понимании новаторства Достоевского. Особенно значимы две важнейшие тенденции антипсихологизма XX в. Первая предлагает видеть в «Я» человека не содержательно богатый внутренний мир, а точку ускользания и отсутствия (А. Арто, Ф. Кафка, Р. Музиль и др.). Вторая считает необходимым отказаться от пространственного моделирования нетелесной сущности человека (тело — внешнее, нетелесное — «внутренний мир») и сконцентрировать внимание на осмысленном событийном присутствии человека (М. Хайдеггер, М. Бахтин, поэтический неотрадиционализм, например, Т.С. Элиот и т.д.). Многие представители обеих тенденций считали Достоевского своим учителем.

Ключевые слова: антропология Достоевского; Достоевский и психологизм; Достоевский и XX в.; внутренний мир как пространственная метафора; антипсихологизм; «тело-без-органов»; самосознание героя Достоевского; событийность; событийная аксиология

Для цитирования: Казаков А.А. Антропологические искания XX в. и антипсихологизм Ф.М. Достоевского // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 4. С. 185–196.

ANTHROPOLOGICAL SEARCHING OF THE XX CENTURY AND DOSTOEVSKY'S ANTIPSYCHOLOGISM

A.A. Kazakov

Tomsk State University, Tomsk, Russia; akaz75@mail.ru

Abstract: In this article we suggest to search Dostoevsky's statement that he is not a psychologist in context with basic antipsychological works of writers and philosophers of the XX Century. It is expected that the experience of that century will help to understand Dostoevsky's innovation. Two important tendencies of the antipsychologism of the XX Century are essential. The first one sees in "I" of a person not a meaningfully rich inner world, but a spot of withdrawing and absence (A. Arto, F. Kafka, R. Muzil, etc.). The second tendency deems it necessary to refuse a spatial modeling of the human uncorporeal substance (body is external, incorpo-

real means an “inner world”), and suggest to focus on sensible event-related presence of a person (M. Heidegger, M. Bachtin, poetical neo-traditionalism, e.g. T.S. Eliot, etc.). Many representatives of both tendencies consider Dostoevsky as their master.

Key words: Anthropology of Dostoevsky; Dostoevsky and psychologism; Dostoevsky and the XX Century; Inner world as a spatial metaphor; Antipsychologism; “Body without organs”; Self-consciousness of the Dostoevsky’s hero; Eventfulness; Event-related axiology

For citation: Kazakov A.A. (2022) Anthropological Searching of the 20th Century and Dostoevsky’s Antipsychologism. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 4, pp. 0–00.

Проблема антипсихологизма

Достоевский гласно объявил, что он не психолог: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой» [Достоевский, 1972–1990, 27: 65]. Все исследователи помнят об этом, но обычно не принимают это всерьез. Как правило, эти его слова понимаются в смысле: он всё же психолог, но правильный, такой, как надо (а остальные не такие, как надо).

Для понимания сути проблемы нам нужно самим выйти за границы предрассудков этой антропологической модели, а для этого придется дистанцироваться от основополагающей метафоры психологизма. Это сделать не так просто, но всё же зададим вопрос: внутри чего находится внутренний мир? Исчерпывающе ли пространственная метафора отражает суть бытия человека помимо тела? (Тело и стало истоком этой метафоры, поскольку оно понимается как внешнее по отношению к внутреннему миру.)

Психологизм не может обойтись без этой метафоры, потому что так можно представить душу как нечто предметно предъявимое, исчисляемое и классифицируемое. Простой пример из раннего Достоевского: «сердцем и мыслями я человек» Девушкина. Для доказательства нравственной полноценности маленького человека нам предъявлено то, что у него тоже есть сердце и мысли, что является предметным доказательством его человечности (как способность любить у Лизы Карамзина — Достоевский, как известно, в первом романе во многом следует за сентиментальным психологизмом).

Художественное и антропологическое новаторство зрелого творчества Достоевского связано с принципиальным уходом от этой модели. Самый заметный повод для этого: компрометация психологизма материалистической антропологией «бернардов», как их называет Дмитрий Карамазов, когда «внутреннее» буквально обна-

руживается внутри тела как физиология нервной и гормональной системы. Но есть и другие важные причины такого антипсихологического поворота Достоевского.

Метафора внутреннего мира не уходит полностью из его творчества. Значимым этапом формирования непсихологической модели человека у Достоевского была повесть «Записки из подполья», но само «подполье» является пространственной метафорой духовной структуры героя.

Вполне всерьез психологическая модель в этом предметно-пространственном понимании используется и в «Преступлении и наказании» (наряду с новаторской антропологией Достоевского). Речь идет о противопоставлении преступно-ошибающегося разума мудрому сердцу во внутреннем мире Раскольникова. Исследователи, обнаруживая похожую модель в размышлениях из юношеских писем Достоевского¹, а также тот факт, что это явно развивает корреляцию «сердца и мыслей» из «Бедных людей», иногда делают вывод о том, что это и есть сокровенное слово Достоевского о человеке. Но более важным ориентиром должно быть отсутствие такой модели в других романах Пятикнижия и, в свою очередь, ее присутствие у И.С. Тургенева, а то и А.С. Грибоедова (так прочитывается психологическая ситуация Базарова или Чацкого, у которого «ум с сердцем не в ладу»). Иначе говоря, это не сердцевина новаторской антропологии писателя, а наоборот, некое общее литературное место того времени, при помощи которого новое слово должно стать не слишком отпугивающим для читателя.

Наконец, в упомянутом выше знаменитом размышлении, в котором Достоевский настаивает, что он не психолог, он тоже говорит о «глубинах человеческой души», т.е. пользуется знакомой и удобной пространственной метафорой. Но, наряду со знакомыми моделями и формулами, Достоевский создает новое слово о человеке, которое нам нужно уловить, преодолевая предрассудки психологизма.

Богатство внутренней вселенной — основа, на которой формируется образ человека, например, в тургеневском или гончаровском романе; Д. Лукач систематически описывает эту художественную

¹ «Чтоб больше знать, надо меньше чувствовать, и обратно, правило опрометчивое, бред сердца. Что ты хочешь сказать словом знать? Познать природу, душу, бога, любовь... Это познается сердцем, а не умом. <...> Ум — способность материальная... душа же, или дух, живет мыслию, которую нашептывает ей сердце... Мысль зарождается в душе. Ум — орудие, машина, движимая огнем душевным... Притом (2-я статья) ум человека, увлекшись в область знаний, действует независимо от чувства, след<овательно>, от сердца. Ежели же цель познания будет любовь и природа, тут открывается чистое поле сердцу...» [Достоевский, 1972–1990, 28/1: 53–54].

модель реальности, выделяя субжанровую традицию «романа разочарования» [Лукач, 1994].

В «романе разочарования», как его характеризует Д. Лукач, внешнее и внутреннее тоже действуют как две системы отсчета, каждая из которых по-своему оправдана (но одновременно и опровергнута). Внешний мир прозаичен, безыдеален, здесь торжествует пошлость, но он обладает и неопровержимым достоинством — это *реальность*. Внутренний мир иллюзорен, субъективен, неподтверждаем, но в нем есть идеальное, возвышенное, прекрасное, любовь (это вообще единственная форма существования идеала в такой модели реальности, что утверждает значимость этого измерения, несмотря на его субъективную зыбкость). «Лишний человек», как называли такого героя в русской традиции, с одной стороны, не нуждается во внешней реализации — он является ценностью уже за счет наличия внутреннего мира; с другой стороны, он все же скомпрометирован отсутствием этой реализации.

В этом случае пространственная метафора, лежащая в основе психологизма, предельно актуальна. Внутренний мир должен тоже обладать специфической территориальностью, как и внешняя реальность. Там внутри могут быть обнаружены предметные (или хотя бы квазипредметные) доказательства нужности этого человека реальности, т.е. того, что он все-таки не «лишний». Так понимаются идеальное, прекрасное, поэзия, любовь, которые есть внутри, но отсутствуют снаружи. Это же значение имеет многокрасочность эмоционального мира героя, показанная в контрасте с унылостью и бесцветностью пошлой обыденности. Все это оправдывает героя, несмотря на отсутствие внешних достижений, которые рассматривались раньше как единственный критерий важности человека.

Наш интерпретационный кругозор до сих пор остается в горизонте категории внутреннего мира — ее мы применяем и к Достоевскому, который «слишком поспешил» сделать следующий шаг.

Но и мы не очень далеко ушли от тех времен, мы тоже не можем себя считать свободными от миромоделирующих метафор психологизма, хотя культурный опыт полутора столетий со времени написания главных произведений Достоевского может нам помочь. Возможное содержание такой внепсихологической антропологии писателя может стать понятнее, если мы проследим развитие этого подхода в XX столетии. Тут мы можем увидеть две основные тенденции, каждая из которых видит исток в Достоевском.

Первый извод антипсихологизма XX в. «Тело-без-органов»

Начнем с тенденции, включающей заявленный программно антипсихологизм экспрессионизма, кафкианское «быть представите-

лем собственной внутренней пустоты»; далее можно вспомнить «человека без свойств» Музиля, фаустианское отречение от души у Т. Манна и многое другое.

Все это можно прочитывать в психологическом ключе (более того, обычно так и делается) — пустота на месте души может быть интерпретирована как особое драматическое состояние души. Попробуем преодолеть эту инерцию старой антропологии, для этого рассмотрим названную литературную и мировоззренческую тенденцию в крайней форме.

Привлечем культурно-антропологическую концепцию Жюль Делёза. Французский мыслитель предложил интерпретировать все явления культуры XX столетия как существующие в границах антиномии шизофренической и маниакально-депрессивной практик (стратегий, типов телесности и пр.) [Делёз, 1998].

Шизофреническая модель предполагает, что личность ассоциирует себя с подсознательным уровнем бессознательного, с чистым принципом удовольствия, желанием, не скованным никакими законами и нормами. Перед нами что-то наподобие ребенка, не выполняющего требований отца, но это не идиллическая картина свободного и счастливого детства, потому что из-за этого неподчинения он *всегда виновен и всегда наказан*. Шизофреническая телесность — тело пронзенное, распятое, страдающее, «тело-решето» в терминологии Арто.

Маниакально-депрессивная практика строится на диаметрально противоположных основаниях. Тут мы ассоциируем себя не с подсознанием, а с Супер-Эго, не с глубинным ребенком, а с интериоризированным, «усвоенным» родителем в нас. Это принцип закона, нормы, власти, тоталитарного контроля, преследования инакомыслящих, насилия ради великой цели, судьи, а не подсудимого, как это было в шизофренической практике.

По мысли Жюль Делёза, все явления культуры XX в. размещаются между этими полюсами: ребенок, фантазирующий и желающий, и отец, карающий и принуждающий, регрессирующая жертвенность и тоталитарный прогресс.

Шизофреническая практика, а именно она нам интересна для понимания эволюции антипсихологизма в XX в., важна еще специфической и до некоторой степени жуткой утопией, мечтой больного сознания (ее пугающий характер связан с тем, насколько беспрочно то, о чем именно приходится мечтать). Делёз обозначает эту утопию формулой «тело-без-органов» из записных книжек Антонена Арто, в которых перемешались сложные новые идеи и проявления душевной болезни выдающегося реформатора театра.

Носитель шизофренической практики хочет быть «телом-без-органов», *летучей и неуловимой сущностью*. Почему нельзя иметь «органы»? Потому что мир может за них поймать, зацепить, может их ранить. Это касается не только физического тела, такие «органы» нельзя иметь и в душе (т.е. какие-то свойства характера, особенности личности: добросердечность или злопамятность, щедрость или прижимистость, привязанность к кому-то, дорогое воспоминание и т.д.) — за это тоже можно зацепить и ранить.

Шизофреническое «тело-без-органов» — это причудливая и болезненная версия одного из ключевых элементов мировоззренческого перелома XX в. Для человека этого столетия **«Я» больше не внутренняя вселенная**, не богатый внутренний мир (как для человека XIX в.). **«Я» теперь — точка ускользания и отсутствия.**

Человек Арто или Кафки, желающий провалиться сквозь землю, стать невидимым для Других, летучим и неуловимым, — это лишь наиболее крайний, Инаковый вариант этого нового видения человечности. (И именно с такого наиболее странного и непривычного нужно было начать, чтобы уловить масштабность случившейся мировоззренческой перемены.)

Можно привести еще целый ряд примеров такого стирания души у человека XX в. в более сдержанном варианте. Т.С. Элиот пишет поэму «Полые люди». Герою романа Хемингуэя «Прощай, оружие!» друг говорит, что у них обоих внутри ничего нет, — и действительно, несмотря на то, что повествование ведется от лица героя, полностью отсутствует мир его эмоций, мотиваций, оценок. Р. Музилль создает роман «Человек без свойств».

Будет большой ошибкой видеть в этом лишь сатирическое осуждение духовно бедных людей какими-то гипотетическими духовно богатыми людьми (как в «Мертвых душах» Гоголя, Бергах или Курагиных в «Войне и мире» или чеховском Червякове из «Смерти чиновника»).

Кафка пишет в дневнике (16 декабря 1913 г.), что он живет, «чувствуя себя представителем собственной внутренней пустоты, которая исключительна и вместе с тем даже и не чрезмерно велика» [Кафка, 1991: 506].

Т. Манн в романе «Доктор Фаустус» показывает потерю души в другой парадигме. Мы продаем ее дьяволу, как Фауст, и происходит это следующим образом: мы перешагиваем через внутреннюю человечность во имя гениальности, превосходства над другими людьми. А если говорить предметно, мы отрекаемся от души как внутреннего позитивного содержания, потому что не хотим быть чем-то определенным, а хотим быть какими угодно, любыми, абсолютно свободными, не хотим быть душой, а хотим быть духом (если

понимать фаустианское в логике О. Шпенглера, что учитывает Т. Манн).

Здесь мы отрекаемся от содержательных моментов внутренней вселенной по сути тоже (как и в «теле-без-органов») из-за того, что все они в руках других, пусть здесь и не идет речь о мучительной распятости в мире Другого, а всего лишь о горделивом стремлении к личной независимости от Других. Мы не хотим подчиняться ярлыку и стереотипу, мы хотим быть свободными и уникальными, мы хотим быть сегодня такими, а завтра какими-то еще. А другие люди на основе наших черт характера, привязанностей и дорогих для нас воспоминаний делают выводы, кто мы в завершенном и подытоженном виде.

Но в любом случае «быть представителем внутренней пустоты» — это уже не просто негативная оценка каких-то душевно неразвитых людей людьми, у которых всё в порядке. Это системный отказ от привычной психологической модели человека как «внутреннего мира».

Второй извод антипсихологизма XX в. Событийное присутствие

В основе второй модели человека, строящейся помимо метафоры внутреннего мира, — ценностное присутствие, не совпадающее с фактически данным составом жизни. Бахтин использует для описания этого несовпадения понятие «самосознание», делая его краеугольным камнем своей концепции новаторства Достоевского. Самосознание содержит побочные коннотации, например, рефлексии. Именно так (как рефлексию, интеллектуальную диалектику) часто понимают принцип самосознания читатели Бахтина — тем более что это коррелирует с категорией «герой-идеолог», в котором, по наблюдению Бахтина, жизненная доминанта (самосознание) совпала с художественной. Но первичным здесь все же следует считать феномен осмысленного (самосознающего) присутствия. Дело не в том, что герой мыслит (при всей огромной роли идеологического творчества персонажей Достоевского), а в том, что он лично (осознанно) присутствует в жизненном (или художественном) событии.

Природа самосознания (и того, что осознается: любовь, смысл жизни, сама человечность) такова, что ее трудно передать вербально. Точнее, словами все полностью передается, но тот, кто не обладает подлинным, осознанным пониманием своей природы (или осмысленной любовью, верой), а лишь повторяет эти категории за другими людьми, пользуется теми же словами, и вот эту разницу между пустым и наполненным смыслом словом уловить сложно. Тот, кто знает свою истинную природу, говорит об этом теми же

словами, как и тот, кто ошибочно считает, что знает себя. Тот, кто любит, описывает это так же, как тот, кому лишь кажется, что он любит и т.д.

Такого рода ускользание феноменологии самосознания объясняется самой природой феномена присутствия, непредметным характером бытия, трудностью ухватывания событийного измерения реальности позитивными предметными средствами. (И. Кант в свое время признал в «Критике чистого разума», что для познания нет разницы между мыслимыми талерами и реальными, специфическая бытийная прибавка не улавливается понятийно. Но принцип существования и у него востребован в этическом мире, в категории «интерес», которая у него осмысливается как нужда в существовании предмета этического действия: добро имеет смысл только в применении к действительному человеку.)

М. Хайдеггер ставит в «Бытии и времени» знак равенства между бытийным и ценностным или под другим углом зрения — человеческим вообще, определяя ценность как модус бытия.

Вторая тенденция отказа от психологического подхода к человеку, большинство представителей которой тоже считают себя продолжателями Достоевского (как и в первой описанной тенденции), прочитывает непредметную сущность человека в бытийном ключе.

Обычно бытийные констатации (например, отсылки Бахтина к событийности) мы воспринимаем как пустые (наподобие пустой содержательности бытийного глагола связки).

Бытийное сложно поддается познанию, но это максимально важная цель постижения, потому что с этим связан вопрос о природе человеческого. Да, невозможно предметно объяснить разницу между тем, кто действительно любит, и тем, кто только говорит или только думает, что любит, тем, кто действительно верит, и тем, кто только говорит об этом. Но в горизонтах нашего человеческого бытия суть именно в этой бытийной разнице (предельно важно то, что *действительно* любит, верит, а не только говорит об этом), более того, мы можем ее понять, хотя ее и трудно предметно предъявить.

Все ценностное, т.е. собственно человеческое, имеет именно бытийную природу. В моем ребенке самое главное для меня то, что он действительно *есть*. Отцовство или материнство возможно только на этой основе, не может быть чего-нибудь наподобие такой ситуации: детей у меня нет, но в целом я родитель хоть куда.

Как об этом говорит Аркадий Долгорукий: «И неужели он <...> и в самом деле не в состоянии был догадаться, что мне не дворянство версильское нужно было, что не рождения моего я не могу ему простить, а что мне самого Версильова всю жизнь надо было, всего человека, отца» [Достоевский, 1972–1990, 13: 111].

Любовь возможна только на основе того, что любимый человек *действительно существует*, и никак иначе. Любовь не психологический или психофизиологический феномен, суть в том, чтобы *быть* любящим или любимым.

В вере главное не качества Бога, не Его метафизическое положение в структуре мира, а то, что Он *есть*, вопрос Его существования.

Приведем характерный пример из Достоевского, иллюстрирующий значимость этой проблемы для великого писателя, а также то, что он понимает недостаточность пространственного² моделирования событийности.

Старый князь Сокольский в «Подростке» так пересказывает свой спор с Версиловым по поводу вопроса о существовании Бога:

«Я верую, верую сколько могу, но — я решительно вышел тогда из себя. Положим, что я употребил прием легкомысленный, но я это сделал нарочно, в досаде, — и к тому же сущность моего возражения была так же серьезна, как была и с начала мира: “Если высшее существо, — говорю ему, — есть, и существует персонально, а не в виде разлитого там духа какого-то по творению, в виде жидкости, что ли (потому что это еще труднее понять), — то где же он живет?” Друг мой, *c’était bête* [это глупо], без сомнения, но ведь и все возражения на это сводятся. *Un domicile* [место жительства] — это важное дело» [Достоевский, 1972–1990, 13: 31].

Самосознание в том виде, в каком Бахтин увидел его у Достоевского, имеет бытийную, а не предметно-психологическую природу. Как спасение не означает узнать побольше о спасении, а значит *стать* спасенным, так и самосознание — это не получение информации о себе, а необходимость *осознанно быть* собой.

Итоги

Таковы две важнейшие линии развития непсихологической модели человека. Как уже сказано, большинство представителей этих тенденций или считали себя прямыми продолжателями Достоевского, или испытали существенное влияние его наследия.

Эти художественные и философские искания могут помочь нам перерастить взгляд на человека в духе современников Достоевского, «догнать» великого писателя, оторвавшегося от своего времени. На этом фоне нам надо, с одной стороны, присмотреться к специфическому отсутствию свойств у человека из подполья (у него нет имени, внешности, семейного и социального положения, он признается, что ему не дано даже обрести психологическую характерность, хотя бы

² В числе новейших работ по пространству у Достоевского [Булгакова, Седельникова, 2021].

наподобие лени). Иными словами, перед нами что-то наподобие человека без свойств, а то и тела-без-органов, причем именно на основе того, что герой не желает быть зависимым от Другого, а все перечисленное во власти последнего. Например, он хочет, чтоб его лицо выражало его внутреннее величие, но, находясь в руках Другого, оно остается лицом заурядности, а то и ничтожества.

С другой стороны, вспомним примеры моделирования человека как осмысленного событийного присутствия, — слова Федора Павловича Карамазова про Алешу: «ведь я чувствую же, что ты единственный человек на земле, который меня не осудил» (т. 14, С. 24). Алеша важен для отца (как потом и для Дмитрия или Ивана) именно как человек, который *действительно существует* рядом, *есть* на земле именно в этом ценностном качестве.

Нам до сих пор трудно освободиться от предрассудков психологизма и воспринимать Достоевского в перспективе его художественных открытий, а не как еще одного Тургенева, только второго сорта, потому что он не умеет писать красиво (примерно так воспринимали Достоевского современники). Через 200 лет со дня рождения писателя и примерно полтора века со времени написания его главных произведений надо уже дорасти до понимания его мира в том виде, который он задумывал³. А художественный и философский опыт тех, кто хронологически находится между нами и эпохой Достоевского (опыт Кафки, Томаса Манна, М. Бахтина и др.) может нам в этом помочь.

Подводя итоги, нужно признать, что в работе не было дано исчерпывающее определение психологизма и антипсихологизма. Его не было в самом литературном процессе, но с этими терминами можно работать позитивно, опираясь, например, на то, что именно было выбрано предметом полемики писателей XX в. (в том числе тех, кто прямо использовал в своих манифестах слово «антипсихологизм»). Отрицанию подвергалось представление о *территориальности* и *предметной наполненности* внутреннего мира — в духе «сердца и мыслей» у раннего Достоевского, которые должны предметно наличествовать для подтверждения нашей человечности.

То, что Достоевский уже в раннем творчестве так отчетливо понимал структурную суть пространственной и предметной метафор психологизма, говорит о том, что для него это уже не было естественной (и невидимой для рефлексии) средой художественного творчества, как для многих современников, а стало тем, что можно перерасти. Как это нам знакомо в строе мысли Достоевского: дурак,

³ О необходимости герменевтического усилия для понимания специфики художественного мышления Достоевского см. также [Криницын, 2021].

который знает, что он дурак, уже не сводим к этому определению. Писатель, хорошо понимающий структурную суть литературной модели человека в психологизме, уже не помещается в границах этого подхода.

Предложенный в этой статье угол зрения на наследие Достоевского не может и не должен отменить возможность изучения великого писателя в психологическом ключе (в том числе в переосмысленном понимании этого метода, т.е. в духе того, что в начале статьи определялось как гипотетическое утверждение, что «Достоевский психолог такой, какой надо, а остальные — такие, как не надо»). Этот привычный подход размещает классика в контексте его столетия, а значит, он глубоко историчен. И на фоне этого, наоборот, предложенный в данном научном опыте подход выглядит более предположительным. Но если будет принята возможность такой методологической точки зрения, мы сможем подступиться к тому, в чем великий писатель выходит из контекста своего (а может быть, и нашего) времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булгакова Н.О., Седельникова О.В. Концепт «бесовство» на пространственно-временном уровне романа Ф.М. Достоевского «Бесы». Ст. 1 // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2021. № 70. С. 212–232.
2. Делёз Ж. Логика смысла // Фуко М. *Theatrum philosophicum*. М.; Екатеринбург, 1998.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1972–1990.
4. Кафка Ф. Америка. Процесс. Из дневников. М., 1991.
5. Криницын А.Б. Полифония молчащих: о специфике философского дискурса Ф.М. Достоевского // Вестн. Российск. ун-та дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 3. С. 375–391.
6. Лукач Д. Теория романа // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 13–78.

REFERENCES

1. Bulgakova N.O., Sedelnikova O.V. Concept “besovstvo” na prostranstvenno-vremennom urovne romana F.M. Dostoevskogo “Besy”. Statija 1 [The concept of “devilry” at the space-time level of F.M. Dostoevsky’s novel “Demons”. Article 1] *Vestnik Tomskogo universiteta. Filologia* [Bulletin of the Tomsk State University. Philology]. 2021. № 70, pp. 212–232. (In Russ.)
2. Deleuze G. *Logika smysla*. [The logic of meaning] Foucault M. *Theatrum philosophicum*. Moscow, Ekaterinburg, *Raritet Publ.*, 1998. 480 p. (In Russ.)
3. Dostoevsky F.M. *Polnoje sobranije sochinenij i pisem*. [The complete collection of works and letters] Leningrad, *Nauka Publ.*, 1972–1990. (In Russ.)
4. Kafka F. *Amerika. Process. Iz dnevnikov*. [America. Process. From the diaries] Moscow, *Politizdat Publ.*, 1991. 606 p. (In Russ.)
5. Krinitzyn A.B. Polifonija molchash’ih: o spetsifike filosofskogo diskursa F.M. Dostoevskogo. [The polyphony of the silent: on the specifics of the philosophical discourse of F.M. Dostoevsky] *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija Liter-*

- sturovedenije. Jurnalistika*. [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Studies. Journalism]. 2021. Vol. 26, № 3, pp. 375–391. (In Russ.)
6. Lukacs D. Teorija romana [Theory of the novel]. *Novoje literaturnoje obozrenije*. [New Literary Review] 1994, № 9, pp. 13–78. (In Russ.)

ОБ АВТОРЕ

Казаков Алексей Аширович — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Томского государственного университета; akaz75@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexey Kazakov — Prof. Dr., Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, Tomsk State University; akaz75@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

ГОЛУБКОВ М.М. ЗАЧЕМ НУЖНА РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА? ИЗ ЗАПИСОК УНИВЕРСИТЕТСКОГО СЛОВЕСНИКА. М.: ПРОМЕТЕЙ, 2021. 344 с.

Н.М. Солнцева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; natashasolntseva@yandex.ru*

Аннотация: Рассматриваются положения монографии М.М. Голубкова, в которой осмыслены, систематизированы, представлены свои решения проблем изучения русской литературы XX и XXI вв., таких как художественные и внешние обстоятельства формирования литературного процесса и творческой репутации, полемические «диалоги» авторов произведений, отношения творчества и власти, литературные интерпретации национального кода, парадигмы модернизма, социалистического реализма, постмодернизма, литературные мифы. Описаны черты текущей литературы: феномен второй книги, калькирование, неоархаика, историческая рефлексия, псевдоисторичность, литературный проект и др.

Ключевые слова: литературный процесс; миф; монография; периодизация; репутация; эстетика

Для цитирования: Солнцева Н.М. Голубков М.М. Зачем нужна русская литература? Из записок университетского словесника. М.: Прометей, 2021 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 4. С. 197–202.

GOLUBKOV M. M. WHY DO WE NEED RUSSIAN LITERATURE? FROM THE NOTES OF THE UNIVERSITY PHILOLOGIST. M.: PROMETHEUS, 2021. 344 p.

Natalia Solntseva

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
natashasolntseva@yandex.ru*

Abstract: The article considers the provisions of M.M. Golubkov's monograph, which comprehends, systematizes, presents their solutions to the problems of studying Russian literature of the XX and XXI centuries, such as artistic and external circumstances of the formation of the literary process and creative reputation, polemical "dialogues" of the authors of works, the relationship of creativity and power, literary interpretations of the national code, paradigms of modernism, socialist realism, postmodernism, literary myths. The features of current literature are

described: the phenomenon of the second book, calculus, neo-archaic, historical reflection, pseudo-historicity, literary project, etc.

Key words: literary process; myth; monograph; periodization; reputation; aesthetics

For citation: Solntseva N.M. (2022) Golubkov M. M. Why Do We Need Russian Literature? From the Notes of a University Philologist. M.: Prometheus, 2021. 344 p. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 4, pp. 197–202.

В новой книге М.М. Голубкова беспристрастная наука сочетается с публицистической причастностью автора к сугубо литературным проблемам и с ними связанным. Жестко сформулирована ситуация со сложившимся в обществе отношением к литературе: вакуум, которым сегодня отмечены представления о национальном коде, личной ответственности за судьбу российской цивилизации, исторической памяти, формировании сознания нового поколения (менеджеров или граждан?), напрямую обусловлен утратой литературоцентричности и низким статусом литературы как школьного предмета; при этом в обществе возрос статус известных по «Преступлению и наказанию» теорий целых кафтанных и бедных жен. Трудно объяснить, почему сверху выказывается пренебрежение русской литературой и почему сочинение заменено эссе. М.М. Голубков прав: потому что русская литература не угодна своей антибуржуазностью.

В лучшем случае вынужденное из-за сокращения учебных часов поверхностное скольжение по тексту дает общее представление об абстрактном гуманизме, тогда как и классика, и новейшая литература, включая произведения сегодняшнего дня, говорят о много-сложности бытия.

Так, в противоположность упрощенным суждениям о русском характере, опирающимся на литературные образы рефлексии, скучающих, мечтательных и бездеятельных дворян, в монографии предлагается вспомнить о Гриневе, Татьяне, Платове, Левше, князе Андрее и др. В многообразии, психологической глубине характеров, полифонии интеллектуальных исканий, неоднозначности соотношений между космосом и хаосом, гармонией и диссонансом заключается правда о национальном коде. Эта же мысль была высказана и сто лет назад; хотелось бы вспомнить о С. Франке (“De profundis”, 1918), который, обратившись после революции к доминантам национального сознания, указал и на анархические, противогосударственные страсти, накопленные в народе, и на консервативные, патриотические, здоровые силы, и на идеализированный интеллигенцией народ-богоносец. Примечательно, что и писатель «из на-

рода» Н. Клюев еще в 1913 г. в беседе с И. Брихничевым высказался достаточно саркастично об интеллигенции, создавшей образ народа-богоносца с его апологией страдания и терпения. Аксиология национальной судьбы, сформированная в русской литературе, полемична. Потому М.М. Голубков обратился к точке зрения прошедших лагеря В. Шаламова и А. Солженицына, высказавших недоверие к идеалам автора «Записок из Мертвого дома». К слову, упомянутый С. Франк, переживший свой российский катаклизм, напротив, писал о глубине непонятых интеллигенцией прозрений Ф. Достоевского и о все упрощающей проповеди Л. Толстого. Отметим, что ранее В. Розанов («Христианство пассивно или активно?», 1897) с воззрениями Толстого соотнес представления о христианстве пассивном и безнервном, а в 1925 г. появилась работа И. Ильина «О сопротивлении злу силою», заострившая полемику о национальном сознании.

В совокупности русская литература и не могла быть тривиальной, элементарной, поскольку жизнь и в империи, и в СССР многомерна, она конфликтна, трагична, но в ней были победы, вера в будущее, понимание личного и общего счастья. М.М. Голубков считает, что своя правда была и в социалистическом реализме, по-своему компенсировавшем утраченные идеалы, разрушенные бытийные ориентиры. Советская литература упорядочивала пореволюционный хаос, порождала новые утешительные, созидательные, оптимистичные мифы о революции, новом мире, новом человеке, герое-демиурге, но и противостояла, как полагает М.М. Голубков, бюрократизму, карьеризму, беззакониям, репрессиям. Названы «Поднятая целина», «Хождения по мукам», «Петр Первый», «Аэлита», «Как закалялась сталь», «Разгром», «Дорога на Океан», «Молодая гвардия» и др. Если Х. Гюнтер («Литература в контексте архетипов советской культуры»), считал, что сюжетно-композиционная система произведений советской литературы выстраивалась вокруг персонажей советских мифов — героя, мудрого отца, матери, врага и при этом корнями уходила в традиции русской культуры, и он же провел параллель между типами героев, символикой, метафорикой советской литературы и литературы Третьего рейха 1930-х годов, то М.М. Голубков, подчеркивая неоднозначность социалистического реализма, отмечает сходство таких поведенческих черт персонажей, как аскетизм, жертвенность, воля, сильный дух, с христианскими нравственными ценностями, но и пишет о переосмыслении советской мифологией языческих образов и мотивов «в соответствии со своими мифами» (18).

Глубинные вопросы жизни, несозвучия в их решениях развернуты на примере концепции революции в произведениях А. Блока,

М. Булгакова, В. Маяковского. Акцент сделан на взаимоисключающих тезисах: революция разрушительна, ведет к хаосу и крови, хаос оправданы как плата за новую жизнь. Заметим, что в 1910-е годы жертвенная кровь оправдывалась не только революционной мыслью, но и религиозной, например в идеологии голгофских христиан. 30 июля 1917 г. Блок сделал запись о крови, насилии, буйстве как драгоценном динамизме жизни. Кроме того, «Война и мир» Маяковского говорит об актуализации в те годы развитой де Местром, Гегелем, Маринетти идеи войны, оправданной обновлением цивилизации. Проводя сопоставление текстов «Двенадцати», «Собачьего сердца», «Клопа», М.М. Голубков рассматривает ключевые вопросы революции. В поэме Блока выделены ментальные основы и религиозный смысл революции, место в ней варварских масс, идея рождение в ней гармонии из хаоса, представление о революции как преображении. Философская мысль Блока названа самообманом, тогда как «Собачье сердце» понимается как полемический ответ поэту. В повести Булгакова и комедии Маяковского обозначен общий тип конфликта при принципиальных отличиях в трактовке его причин и сути. Обращаем особое внимание читателей на главу «Творческое поведение писателя как социокультурный механизм», в которой идет речь об А. Блоке, Д. Мережковском, А. Толстом, М. Зощенко, Б. Пильняке, Е. Замятине, С. Есенине, А. Грине, А. Платонове.

В монографии подробно излагается взгляд на текущую литературу. Критическая мысль синтезирована с неподвизным научным анализом, герменевтический подход к текстам — с сопоставительным. Общая картина складывается из многочисленной конкретики, по-новому и ярко осмысленной. Привлекают положения о феномене второй книги (например, художественно уязвимых «Авиаторе» Е. Водолазкина, «Детей моих» Г. Яхиной); о развитии современной литературы не столько во времени, сколько в пространстве, примечательна метафора: литература — бескрайнее поле, на нем нет тех вышек, которые помогли бы читателю, критику его обозреть. Описаны такие явления, как неоархаика («День опричника», «Сахарный кремль», «Метель», «Теллурия» В. Сорокина), «калькирование» («Зона затопления» Р. Сенчина), рассмотрена писательская рефлексия по поводу 1980-х в романах Ю. Полякова и А. Варламова, оговаривается псевдоисторичность детективов Б. Акунина; названы параметры понятия «литературный проект»; разобраны эстетика и литературный опыт русского постмодернизма, его предыстория, индивидуальные авторские стратегии, опять же неоднозначные отношения с западным постмодернизмом.

Глубоко осмыслено такое явление, как репутация писателя. Например, акцент сделан на ее зависимости от восприятия текста, обусловленности не только его художественным достоинством, но и обстоятельствами его появления; поставлен вопрос о соответствии творческой репутации писателя его вкладу в литературу. Как пишет М.М. Голубков, репутация М. Горького — буревестника революции заслонила репутацию писателя-мыслителя — автора «Жизни Клима Самгина», «Дела Артамоновых»; литературному наследию А. Солженицына грозит репутация, создаваемая его литературными и идейными оппонентами. Репутационному статусу посвящена глава о К. Симонове, В. Гроссмане, Ю. Бондареве, создавших образ войны.

Продолжая разговор о репутации и возвращаясь к размышлениям автора монографии о том, как случилось, что литература погрузилась в рыночные отношения и успешно выполняет роль «занимательного досуга», «перестала быть для современного поколения сферой национального самосознания, национальной саморефлексии и утрачивает важнейшую свою функцию — ориентировать человека в историческом пространстве, определять его бытийные ориентиры» (12), не обойдем стороной одну примечательную мысль: за последние десятилетия обнародованы закрытые ранее документы и исторические факты, к сожалению, писателями во многом не осмысленные. Это Кронштадтское восстание, крестьянские повстанческие движения Поволжья и расправа над ними, голод 1930-х годов на юге России, гонения на Церковь.

В «записках университетского словесника» поставлен ряд вопросов общего для литературы характера. Например: «Когда началась новейшая русская литература?» Справедливо сказано о немотивированном решении считать точкой отсчета октябрь 1917 г. Все-таки определяющими условиями названы эстетические закономерности развития литературы в совокупности с социально-культурными явлениями и политическими обстоятельствами. М.М. Голубков исходит из того, что хронологически становление новейшей литературы приходится на рубеж веков, в котором проявилось новое мироощущение человека. Смена художественной парадигмы, появление новых литературных мифов (топонимических, сакрализованных, крестьянских и др.) метрополии и диаспор объясняются становлением модернизма как философии.

В книге определены научные принципы периодизации русской литературы XX в., но особенно отмечаем положение о едином литературном процессе. Например, оговаривается, что в творчестве обэриутов есть специфика постмодернистской поэтики, жанр романа Ю. Полякова «Веселая жизнь, или Секс в СССР» коррелирует с «Алмазным моим венцом» В. Катаева, жанр романа М. Холмого-

рова «Жилец» близок жанру «Жизни Клим Самгина» и «Доктора Живаго» и т.д. Значительное место отведено точкам схождения в прозе М. Горького и А. Солженицына.

Рецензируемая книга — целостный научный труд, посвященный внешним и внутренним факторам формирования литературного процесса; интерпретация текстов, явлений, обстоятельств характеризуется системностью. Обстоятельный монографический анализ, например «Защиты Лужина» В. Набокова, или «В круге первом» А. Солженицына, или «Козленка в молоке» Ю. Полякова, и убеждает, и даже представляет собой увлекательную литературоведческую интригу.

Поступила в редакцию 01.04.2022

Принята к публикации 24.05.2022

Отредактирована 17.06.2022

Received 01.04.2022

Accepted 24.05.2022

Revised 17.06.2022

ОБ АВТОРЕ

Солнцева Наталья Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; natasha-solnceva@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalia Solntseva — Prof. Dr., Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; natashasolnceva@yandex.ru

**ОРТОДОКСЫ И ЕРЕТИКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XX — НАЧАЛА XXI ВЕКОВ: Коллективная монография
к юбилею профессора Н.М. Солнцевой / Под ред.
М.М. Голубкова; сост. и ред.: Г.В. Зыкова, Н.А. Нерезенко,
О.С. Октябрьская, А.А. Семина. М.: МАКС Пресс, 2022.
308 с.**

Р.Р. Кожухаров

*Литературный институт имени А.М. Горького, Москва, Россия;
r_k_md@mail.ru*

Аннотация: В рецензии рассматривается подготовленная к юбилею профессора Н.М. Солнцевой коллективная монография «Ортодоксы и еретики русской литературы XX – начала XXI веков», в которой осмыслен обширный круг теоретико- и историко-литературных аспектов, проблематика становления и взаимовлияния художественных систем, направлений, систем образов, в том числе архетипических локусов дома и сада, восприятия национального образа в контексте социального и национального быта и бытия, аспекты рецепции творческой биографии и поэтики, жанровое своеобразие литературы начала XX в., аспекты, связанные с концепциями «памяти жанра» (М. Бахтин), исторической поэтики (А.Н. Веселовский), актуализирующей проблематику присутствия предания в личном творчестве, бытования жанра сказки, фольклора и мифопоэтических представлений в контексте неоархаики, «возвращенной» литературы. Содержание тома определяет концептуальное русло диалектически обусловленной художественной преемственности. К текстам применены биографический, герменевтический, историко-литературный, сопоставительный подходы. С одной стороны, последовательно фиксируется инерция восприятия ключевых явлений истории русской литературы конца XIX–XXI вв. в категориях разнородности и оппозиционности (что закреплено и в антитетическом названии монографии), но в то же время рецепция взаимодействия художественных систем в категориях конфронтации и взаимоотчужденности критически переосмысливается. Восприятие монографии как гипертекста во многом определяется аллюзийной и реминисцентной отсылкой смысловых узлов книги к сфере научных интересов профессора Н.М. Солнцевой.

Ключевые слова: литературный процесс; монография; преемственность; жанр; реализм

Для цитирования: Кожухаров Р.Р. Ортодоксы и еретики русской литературы XX — начала XXI веков: Коллективная монография к юбилею профессора Н.М. Солнцевой. М.: МАКС Пресс, 2022 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 4. С. 203–209.

**ORTHODOXES AND HERETICS OF RUSSIAN LITERATURE
OF THE 20TH — EARLY 21ST CENT. Collective monograph
dedicated to the anniversary of Professor N.M. Solntseva /
Ed. M.M. Golubkova; comp. and editors: G.V. Zyкова,
N.A. Nerezenko, O.S. Oktyabrskaya, A.A. Semina. Moscow:
MAKS Press, 2022. 308 p.**

Roman Kozhukharov

*Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow, Russia;
r_k_md@mail.ru*

Abstract: The review considers the collective monograph “Orthodox and Heretics of Russian Literature of the XX — Beginning of the XXI centuries”, prepared for the anniversary of Professor N.M. Solntseva. The monograph comprehends a wide range of theoretical and historical literary aspects, the problems of the formation and mutual influence of artistic systems, trends, systems of images, including the archetypal images of the house and garden, the perception of the national image in the context of social and national life and being, aspects of the reception of creative biography and poetics, genre originality of literature in the beginning. XX century, aspects related to the concepts of “memory of the genre” (M. Bakhtin), historical poetics (A.N. Veselovsky), actualizing the problem of the presence of legend in personal work, the existence of the fairy tale genre, folklore and mythopoetic representations in the context of neo-archaism, “returned” literature. The perception of the monograph as a hypertext is largely determined by the allusive and reminiscent reference of the semantic knots of the book to the sphere of scientific interests of Professor N.M. Solntseva, a multifaceted personality, researcher, teacher, academic.

Key words: literary process; monograph; continuity; genre; realism

For citation: Kozhukharov R.R. Orthodoxes and Heretics of the Russian Literature of the 20th — Early 21st Centuries. Collective monograph dedicated to the anniversary of Professor N.M. Solntseva / Ed. M.M. Golubkov; comp. and editors: G.V. Zyкова, N.A. Nerezenko, O.S. Oktyabrskaya, A.A. Semina. Moscow: MAKS Press, 2022. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 4, pp. 203–209.

Проблематика коллективной монографии, вышедшей под эгидой филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, очерчивает обширнейший круг литературных явлений и процессов, соотносенных с этапами развития отечественной словесности в хронологических пределах русской классики и текущей литературной ситуации. Жанровое уточнение издания «коллективная» емко обосновывает предпосылки восприятия включенных в книгу разнотипных исследований как единого содержательного поля. По формуле Мандельштама, «содержание – это совместное держание времени – сотоварищами, соискателями, сооткрывателями его». Речь

идет именно о коллективе исследователей (22 автора и соавтора), объединенных сопричастностью к сотрудничеству с профессором Натальей Михайловной Солнцевой, ее наставничеством.

Общность взглядов на сложные и противоречивые явления русской литературы XIX – XXI вв. обусловлена ракурсом, направляемым мыслью «о глубинной преемственности художественных эпох» (Н.М. Солнцева).

Принцип художественной преемственности выступает в качестве системообразующего, формируя единое русло исследовательской рецепции многосложной и разноуровневой проблематики этого полифонического тома. Так, публикация М.М. Голубкова «Образы русского дома и мотив бездомности в литературе XX–XXI веков», выстраивая протяженную с точки зрения хронологии парадигму канонических литературно-художественных примеров воплощения архетипического локуса дома, акцентирует внимание на эволюционном аспекте фиксируемых изменений. Внелитературным контекстом обусловленная дистанция образов дворянской усадьбы и крестьянской избы тем не менее обнуляется сообразной проекцией на образ сада, укорененный в библейской символике. Динамика воплощения локуса дома в русской литературе на рубеже XIX–XX вв. и в особенности в XX в. подвергается последовательной эрозии, отмеченной нарастанием мотивов бездомности и бесприютности. Осмысление художественных воплощений образа дома в протяженной хронологии литературного процесса обнаруживает узловое для данной парадигмы местоположение поэзии С. Есенина, Н. Клюева, С. Клычкова, П. Васильева, П. Орешина, А. Ганина. Наглядно иллюстрируется системообразующее воздействие творчества новокрестьянских поэтов на идейно-эстетические искания представителей деревенской прозы. Эту картину влияний можно было бы дополнить примером так называемых «тихих лириков». Мотивы сиротства и бесприютности в творчестве Н. Рубцова и А. Передревева, характерная для «тихих лириков» рефлексия по поводу дома безвозвратно утраченного, реконструируемого лишь в памяти лирического героя, обнаруживают тесную взаимосвязь с темой исследования.

Связанная с образностью проблематика, в контексте межнационального и межконфессионального взаимодействия разрабатывается в статье Сюе Чэнь «Национальный образ мира в “Солнце мертвых” И.С. Шмелева». С опорой на тезис о «единстве многонационального мира» исследуется «крымский текст» И. Шмелёва. Этнокультурный колорит как стилевую доминанту выявляет герменевтическое осмысление И.Б. Ничипоровым романа «Симон» Н. Абгарян.

Типологические аспекты «сверхтекстового единства» фиксируются в исследовании Е.С. Апальковой «Мифопоэтика П.П. Муратова (на примере рассказа “Эвзебий и Флорестан” из цикла “Магические рассказы”))». Затрагивается проблема соотносительности предания и личного творчества автора (А.Н. Веселовский), которое, на примере произведений П.П. Муратова, соотносится в исследовании Е.С. Апальковой не только с наделенными чертами сверхтекстового единства индивидуальным шумановским мифом, но и с традицией символизма, постсимволизма, романтизма и значимой для этого направления идеей «местного колорита».

На типологических аспектах взаимодействия фантастического и будничного начал, но воспринятых сквозь призму жанрового своеобразия, фокусирует внимание И.В. Васильева в исследовании «Сказка или реальность: о некоторых художественных особенностях русской литературы XX века». Появление в системе жанров М. Пришвина, М. Горького, А. Грина, Я. Окунова, А. Чаянова повести-сказки, сказки-были, с одной стороны, обнаруживает тесную взаимосвязь с мифопоэтической традицией народного предания, но в то же время на уровне синхронии литературного процесса отражает стремление решить насущную для контекста эпохи творческую сверхзадачу «сказку сделать былью»: найти жанровую формулу, способную преодолеть основополагающую для искусства слова (и искусства вообще) оппозицию факта и вымысла, эмпирической реальности, действительности и — мира художественного произведения.

Данный контекст вновь актуализирует многоаспектную типологическую проблему творческого метода. В контексте содержания монографии эта проблема становится определяющей, конкретизируясь в русле осмысления путей следования реализма как типа художественного мировосприятия и исторически обусловленной художественной системы, диалектики взаимодействия реалистического творческого метода с романтизмом, символизмом, акмеизмом, другими художественными явлениями, определившими и определяющими этапы развития отечественного литературного процесса.

Теоретическим аспектам, связанным с проблемой становления и взаимовлияния художественных систем, посвящено исследование А.И. Чагина «Пути русского неореализма: Александр Блок». Ракурс критического восприятия по большей части стереотипического понимания взаимодействия художественных систем как «преодоления» поверяется суждениями А.А. Блока, во многом предугадавшего пути развития русской поэзии XX столетия до- и послеоктябрьского периода. Аргументированно, с использованием герменевтического, биографического методов, показано, что про-

блема «многосложных» взаимоотношений символизма и реализма далеко не исчерпывается ситуацией противостояния и борьбы. В этом контексте значимы представленные в статье тезисы о возникновении символизма как романтической реакции на «художественный материализм» (Д.С. Мережковский), а также — о реалистическом ракурсе восприятия поэтики акмеизма. Типологическое, направленческое поверяется личным творчеством, авторским, в первую очередь, образом мысли А.А. Блока. В этой связи знаменательна приводимая в статье цитата из записных книжек поэта: «Написать доклад о единственном возможном преодолении одиночества — приобщение к народной душе и занятие общественной деятельностью» (с. 48). Это и лирически обусловленное, интимное признание, и — прозорливое напутствие, укорененное в «народническом комплексе» символизма, во многом объясняющем интенциональный поворот целого ряда писателей символистского круга к реализму.

Аспекты переосмысления понятийно-категориального аппарата, связанного с типологией реалистического направления, предложены в статье Н.З. Кольцовой и И.В. Монисовой «Снова о “реализме без берегов” и прочих “реализмах” XX века». Исследование актуализирует теоретико-литературную проблематику рецепции и интерпретации типологических явлений, полемически заостряя внимание на том, что многосложные вопросы уточнения границ тех или иных направлений (например, «магического реализма», не единожды упомянутого в монографии в разных контекстах), их взаимодействия и взаимовлияния, часто связаны не только с самими процессами, но и с терминологией, теми дефинициями, которые к ним применяются.

Неисчерпаемую проблематику взаимодействия изобразительного искусства и искусства слова, восходящую к трудам Лессинга и горациевой формуле «*ut pictura poesis*», актуализует исследование В.В. Сорокиной «Видовая изменчивость современной европейской прозы о живописцах». Заданный «межвидовой» ракурс восприятия текстов зарубежных и отечественных авторов (А. Королев, В. Маканин) фокусирует внимание на жанровом своеобразии, смежным видом искусства обусловленной трансформации жанровых рамок. В контексте интерпретации романа-сценария В. Маканина нельзя не отметить, что для других представителей «прозы 40-летних» также характерно пересечение проекций мира художественного слова и смежных видов искусства: музыки («Останкинская трилогия» В.В. Орлова), живописи («Белка» А.А. Кима).

Поводом для рассмотрения аспектов бытования детской и подростковой литературы, образа ребенка в статье О.С. Октябрьской

становится творчество А.П. Гайдара. Исследование демонстрирует давно назревшую необходимость возвращения творческого наследия замечательного русского советского писателя в границы поля исследовательской и читательской рецепции. Д.Ю. Васильева сходную типологическую проблематику исследует, проводя сравнительный анализ автобиографических произведений С. Аксакова, М. Горького, П. Санаева.

Содержание монографии формирует свою многоуровневую парадигму образов, объектов исследовательской рефлексии, включающей образ книги (А.А. Пауткин), собирательный образ «потерянного поколения» (Ш.Г. Умеров). Ключевое место в этом ряду отводится образам писателей, которые в качестве «биографического автора» и посредством художественных текстов вступают в многосложные, порой парадоксальные диалогические взаимоотношения: И. Шмелев, М. Цветаева и образ Пушкина (Л.Г. Кихней), В. Шаламов и З. Гиппиус (Д.В. Кротова), Г. Иванов и В. Маканин (А.А. Семина), К. Лукашевич, С. Сергеев-Ценский и образ Даши Севастопольской (А.И. Октябрьская-Кисничан), Вс. Некрасов, Е. Кропивницкий и творческое наследие Филарета Чернова (Г.В. Зыкова), образ Ф.М. Достоевского в современном литературном сознании (Л.А. Колобаева). Знаковым событием для истории отечественной литературы следует считать подготовленную М.В. Михайловой научную публикацию критико-биографического очерка Ю.В. Соболева, посвященного творчеству драматурга Сергея Александровича Найденова (Алексеева). Публикация не только содержит массу ценных историко-литературных фактов и подробностей, относящихся к чеховской эпохе русской драматургии, но уточняет пути идейно-эстетических исканий отечественной драматургии рубежа XIX–XX вв., их тесную взаимосвязь с жанровой проблематикой «драмы настроения», типологической проблемой наследования и оппозиции в контексте взаимодействия символизма и реалистического начала в искусстве.

Принцип художественной преемственности, формирующий восприятие рецензируемой книги как многоуровневого, но целостного научного труда, неразрывно связан с принципами филологического служения профессора Натальи Михайловны Солнцевой. Вступительные статьи издания А.В. Леденева, М.А. Хлебус, М.М. Голубкова, посвященные научной, преподавательской деятельности блестящего специалиста в области русской литературы, наставника, редактора, академического подвижника, органично задают ракурс восприятия сборника как «соразмерного и сообразного» коллективного труда, посвященного юбилею Н.М. Солнцевой и озаренного лучезарным обаянием ее личности.

Поступила в редакцию 01.03.2022

Принята к публикации 24.05.2022

Отредактирована 20.06.2022

Received 01.03.2022

Accepted 24.05.2022

Revised 20.06.2022

ОБ АВТОРЕ

Кожухаров Роман Романович — кандидат филологических наук, доцент кафедры новейшей русской литературы Литературного института имени А.М. Горького; r_k_md@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Roman Kozhukharov — Candidate of Philology, Associate Professor, Lecturer at the Department of Modern Russian Literature, A.M. Gorky Literary Institute; r_k_md@mail.ru

**K O S K O V Á J. NEURČITÉ TVARY SLOVESNÉ V ČEŠTINĚ,
RUŠTINĚ A NĚMČINĚ A JEJICH VZÁJEMNÁ
EKVIVALENCE. PRAHA: ACADEMIA, 2022. 274 s.**

А.И. Изотов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; a.i.izotov@mail.ru*

Аннотация: В рецензии представлена монография «Неличные формы глагола в чешском, русском и немецком языках и их взаимная эквивалентность», рассматривающая на материале входящего в состав Национального корпуса чешского языка многоязычного параллельного корпуса InterCorp функционирование в названных языках конструкций с причастием, деепричастием, инфинитивом и отглагольным существительным, образующими так называемую вторичную предикацию.

Ключевые слова: причастие; деепричастие; глагольное существительное; инфинитив; чешский язык; русский язык; немецкий язык; многоязычный параллельный корпус

Для цитирования: Изотов А.И. K o s k o v á J. Neurčité tvary slovesné v češtině, ruštině a němčině a jejich vzájemná ekvivalence. Praha: Academia, 2022. 274 p. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 4. С. 210–213.

**K O S K O V Á J. NEURČITÉ TVARY SLOVESNÉ V ČEŠTINĚ,
RUŠTINĚ A NĚMČINĚ A JEJICH VZÁJEMNÁ
EKVIVALENCE. PRAHA: ACADEMIA, 2022. 274 p.**

Andrey Izotov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; a.i.izotov@mail.ru

Abstract: The review presents the research paper *Nonfinite verb forms in Czech, Russian and German and their mutual equivalence*, analyzing the functioning of constructions with participles, transgressives, infinitives and verbal nouns forming the so-called “secondary predicates” in the named languages. The research is supported by a corpus analysis based on the parallel corpus InterCorp CNC.

Key words: participle; adverbial participle; verb noun; infinitive; Czech language; Russian language; German language; multilingual parallel corpus

For citation: Izotov A.I. K o s k o v á J. Neurčité tvary slovesné v češtině, ruštině a němčině a jejich vzájemná ekvivalence. Praha: Academia, 2022. 274 p. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 4, pp. 210–213.

Рецензируемая монография посвящена анализу на материале входящего в состав Национального корпуса чешского языка (Český národní korpus, см. <https://korpus.cz/>) многоязычного параллельного корпуса InterCorp образующих в чешском, русском и немецком языках так называемую вторичную предикацию конструкций с причастием, деепричастием, инфинитивом и отглагольным существительным, которые в монографии обозначены, отчасти вопреки сложившимся национальным лингвистическим терминологиям, «неличными формами глагола» (в русской академической традиции образования типа *мытье* или *чтение* не включаются в число форм глагола, как и образования типа *nesoucí* ‘несущий’, *(při)nesený* ‘(при)несённый’, *(při)nesší* ‘(при)нёсший’, *přišlý* ‘пришедший’ — в академической традиции чешской, подробнее см. [Изотов, 1993: 9–12]).

Данное исследование способно вызвать интерес уже в силу заметных, даже на первый взгляд, существенных расхождений в данной области чешского и русского языков. Рассматриваемый в исследовании тип чешских отглагольных существительных не только образуется парадигматически, но и сохраняет, в отличие от соответствующего русского типа, вид и возвратность (русским глаголам *повысить*, *повышать*, *повыситься* и *повышаться* соответствует одно отглагольное существительное *повышение*, тогда как чешским соотносительным глаголам *zvýšit*, *zvyšovat*, *zvýšit se*, *zvyšovat se* соответствуют **четыре** существительные, а именно *zvýšení*, *zvyšování*, *zvýšení se*, *zvyšování se*), что безусловно связано с большей, нежели в русском, функциональной нагруженностью конструкций с чешским отглагольным существительным. С другой стороны, так же бросается в глаза стилевая и стилистическая «уязвимость» чешских конструкций с деепричастиями и некоторыми типами причастий, см. [Giger, 2012]. Мы убеждены, что данные расхождения между близкородственными чешским и русским языками не могут не быть связанными с более чем тысячелетним влиянием на развивающийся чешский язык языка немецкого — прежде всего через живое общение с немецкоязычными поселенцами в землях Чешской короны, а после выхода «Закона о немецком языке в администрации» от 18 мая 1784 г. и как основного языка Габсбургской монархии. Поэтому выбор языков для сравнения — чешского, русского, немецкого — следует всячески одобрить.

Опираясь на традиции Пражской типологической школы, автор стремилась выявить степень проявления чешским, русским и немецким языками в области функционирования рассматриваемых конструкций изолирующего, агглютинативного, флективного, интрофлективного и полисинтетического языковых типов, ср. примеры В. Скалички для чешского языка: изолирующий тип *budu*

nosit [в отличие от *ponesu*], агглютинативный тип *orám, vy-orám, do-vy-orám, ne-do-vy-orám*, флективный тип *dobr-ý* [три грамматических значения выражаются одной флексией], интрофлективный тип *vojáci — vojáky, přítel — přátel, střelím — střílím*, полисинтетический тип *lidojed, maloměsto, modrobílý*, см. [Skalička, 2004: 479].

Отбирая фактический материал в корпусе InterCorp, автор находила выражающие «вторичную предикацию» конструкции с причастиями, с деепричастиями, с инфинитивами в его русских текстах, с глагольными прилагательными (т.е. с полными формами причастий с точки зрения русской академической традиции), с глагольными существительными, с деепричастиями и с инфинитивами в текстах чешских, с причастиями, с инфинитивами и с субстантивированными инфинитивами в текстах немецких, а также соответствия всем этим примерам в параллельных текстах данного корпуса, т.е. чешские и немецкие соответствия русским примерам, русские и немецкие соответствия чешским примерам, русские и чешские соответствия немецким примерам. Все примеры подвергались визуальному контролю для исключения результатов некорректного автоматического анализа. Тем самым анализировалась не теоретически возможная, а реально представленная в текстах корпуса InterCorp межъязыковая эквивалентика в области выражающих «вторичную предикацию» конструкций, пусть и ограниченная письменными переводными текстами.

Эквиваленты к конструкциям с причастиями анализируются во второй главе (с. 29–85), к конструкциям с деепричастиями — в третьей (с. 86–143), к конструкциям с глагольными существительными, включая конструкции с русскими существительными на *-ние/-тие* и с немецким субстантивированным инфинитивом — в четвертой (с. 144–187), к конструкциям с инфинитивом — в пятой (с. 188–228). Основные выводы из проведенного анализа формулируются в краткой заключительной главе (с. 229–239).

Завершается монография резюме на английском, немецком и русском языках, списком литературы, включающим 231 издание, а также именным и тематическим указателями.

Подводя итоги, констатируем, что рецензируемое издание будет, безусловно, весьма полезным русисту, слависту, германисту, а также специалистам по сопоставительному языкознанию и типологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Изотов А.И. Чешские атрибутивные причастия на фоне русских. М., 1993. 100 с.
2. Giger M. Participiální systém češtiny a pozice přičestí minulého činného na -(v)š- v něm // Čmejrková S., Hoffmannová J., Klímová J. Čeština v pohledu synchronním

a diachronním. Stoleté kořeny Ústavu pro jazyk český. Praha: Nakladatelství Karolinum, 2012, S. 567–574.

3. Skalička V. Souborné dílo. Praha: Nakladatelství Karolinum, 2004. 920 s.

REFERENCES

1. Izotov A.I. *Cheshskie atributivnye prichastiia na fone russkikh* [Czech attributive participles against the background of Russian]. Moscow, MSU Philol. Faculty Publ., 1993, 100 p. (In Russ.)
2. Giger M. *Participiální systém češtiny a pozice přičestí minulého činného na -(v)š- v něm* [The participial system of Czech and the position of the last active participle with -(v)š- in it]. In: Čmejrková S., Hoffmannová J., Klímová J. *Čeština v pohledu synchronním a diachronním. Stoleté kořeny Ústavu pro jazyk český* [Czech in synchronous and diachronic view. Centenary roots of the Institute for the Czech language]. Prague, Karolinum Publ., 2012, pp. 567–574. <https://doi.org/10.5167/uzh-80476>. (In Czech)
3. Skalička V. *Souborné dílo*. Prague, Karolinum Publ., 2004. 920 p. (In Czech)

Поступила в редакцию 01.03.2022

Принята к публикации 24.05.2022

Отредактирована 20.06.2022

Received 01.03.2022

Accepted 24.05.2022

Revised 20.06.2022

ОБ АВТОРЕ

Изотов Андрей Иванович — доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; a.i.izotov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Andrey Izotov — Dr.Habil. in Philology, Professor, Department of Slavic Philology, Lomonosov Moscow State University; a.i.izotov@mail.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

XV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ICHoLS XV)

М.А. Косарик

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; roman@philol.msu.ru*

Аннотация: Статья посвящена Международной конференции по истории языкознания ICHoLS XV. На основании обзора проблематики ее заседаний автор отмечает межпарадигматический характер современного этапа науки, подчеркивая важность лингвистической историографии для уточнения понятий и развития терминосистем при разнообразии подходов к языку.

Ключевые слова: лингвистическая историография; история лингвистических идей

Для цитирования: Косарик М.А. XV Международная научная конференция по истории языкознания (ICHoLS XV) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 4. С. 214–219.

XV INTERNATIONAL CONFERENCE ON THE HISTORY OF LANGUAGE SCIENCE (ICHoLS XV)

Marina Kossarik

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; roman@philol.msu.ru

Abstract: The paper provides an overview of the XV International Conference on the History of Language Science (ICHoLS XV). The author points out that the presentations made by the participants of the numerous workshops and sessions within ICHoLS XV were devoted to a very broad range of topics, which, as the author notes, is typical of interparadigmatic periods in the history of linguistics (like the modern period). In such circumstances it is crucial to address the history of language science in order to reassess the basic notions of linguistics and to develop linguistic terminology making it correspond to the ongoing diversification of approaches to language studies.

Key words: linguistic historiography; history of linguistics

For citation: Kossarik M.A. XV International Conference on the History of Language Sciences (ICHoLS XV). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 4, pp. 214–219.

Ограниченный объем статьи ставит автора перед выбором: представить конференцию в целом или остановиться на небольшом числе докладов (которые все же невозможно проанализировать детально). Задача этой статьи — максимально полно (хотя поневоле схематично) отразить тематику лингвистической историографии на XV Международной конференции по истории лингвистических наук¹.

В первом пленарном докладе Дж. Граффи (G. Graffi), отмечая специфику приложения концепции Т. Куна к истории лингвистической мысли, настаивал на необходимости преодолеть разрыв между лингвистической историографией и лингвистикой, на пользе для науки их взаимодействия. Изучение национальных лингвистических школ было предметом остальных пленарных докладов: Дж. Гоббера (G. Gobber) — вклад итальянских исследований, особенно трудов В. Пизани; М. Манчини (M. Mancini) — изучение в Италии лингвистической мысли древнего и средневекового Ирана. Огромный интерес вызвал доклад на заключительном пленарном заседании П. Серио (P. Sériot) о Ленинградской школе германистов 1920–1940 гг., посвященный пониманию лингвистической типологии, ее философских, культурологических и естественно-научных истоков.

Темы круглых столов и секций² отражают широту проблематики конференции: анализ направлений и принципов описания языка; история концепций, понятий, терминологии; изучение разных исторических эпох и языковых ареалов. Случаи пересечения тематики секций объясняются 1) особым вниманием к некоторым вопросам и 2) существованием сообществ ученых, занимающихся близкими темами.

Исследования в области истории языкознания: формирование и распространение представлений о языке в романском языковом ареале³ (R. Cavaliere, M.A. García Aranda, R. Oliveira Batista, R. Ponce de León, M. Cardozo Silva dos Santos, N. Barbosa Bastos, R.H. Pires de Brito, M.H. Moura Neves, A.V. Lopes Coneglian, M. Quadros Leite, M. Kossarik, L. Zholudeva, Pessoa de Barros, M.C. Fonseca, F. Gomes, M.C. Barros, L. Ferreira Kaltner, M.G. Fernandes, R. Kemmler, C. Butti, C. Possoli Beltram).

¹ XV International Conference on the History of the Language Sciences, 23–27 августа 2021 г., Милан (онлайн).

² Ограниченный объем статьи позволяет лишь обозначить их тематику, дав о докладчиках сведения минимальные, но позволяющие найти публикации этих авторов.

³ Historiographical studies: the construction and dissemination of linguistic knowledge within the Romance languages domain.

Соссюр и Женевская лингвистика: синтаксис и семиотика⁴. Между формой и смыслом: структуралистский поиск общих значений⁵ (E.B. Bronckart, B. Turpin, G. Cosenza, R. Angelis, T. Bearth, G. Basile, J. Lee, S.D. Kim, E. Fadda, C. Stancati, L. Pesini, J. D'Ottavi, L. Cigana, D. Romand, A. Picciuolo, E. Krásová, V. Bank Jensen, S. Aurora, H. Jørgensen), A. Sales, M. Barbosa, A. Stawinski, D. Gambarara, I. Rodrigues Maldonado, K. Alves da Silva, M.F. Pereira de Castro, M.-L. Lery Lachau, N. Rabelo Bakker Faria, R. Attie Figueira, S. Monte Henriques, T.T. Santos Correia).

Средневековая лингвистика и ее связь с последующими этапами была содержанием следующих круглых столов: Грамматика, мета-язык и глоссы на авторитетном языке как отражение рефлексии над языком в Средние века: средневековая латинская грамматика; грамматика и другие искусства; синтаксис; греческая традиция; ирландская традиция; церковнославянская и современная русская традиции; сирийская традиция⁶ (L. Biondi, S. Merlin, A. Rizza, A. Luhtala, P. Cotticelli Kurras, L. Melazzo, F. Cotugno, C. Martinelli, N. Santoni, C. Marmo, L. Alfieri, F. Lambert, D. Poli, V. Sadovski, M. Farina); Коммуникация смыслов: от Средних веков к Просвещению⁷ (S. Gensini, A. Bianchi, D. Poli, N. Leonardi, A. Bartolotta, M. Tardella, M. Muscarillo, F.M. Dovetto).

Вклад журнальных рецензий, отчетов в развитие лингвистических научных школ и направлений — объект внимания участников круглого стола “Серая” лингвистика — обзоры и их вклад в историю лингвистики⁸ (J.-B. Saint-Gérard, J.-P. Saint-Gérard, M. Jorge, E. Sofia, H.B.-Z. Shyldkrot, S. Moret, G. Cosenza, S. Archaimbault, M. Käsper).

Горизонты проекции: история представлений о будущем лингвистики⁹ — этот круглый стол был посвящен анализу перспектив развития языкознания, какими они виделись в XIX — середине XX в. (J. Léon, D. Savatovsky, L. Chevillard, J.E. Aquino).

Немецкий язык как иностранный на протяжении веков¹⁰ (R. Kemmler, A. Andrlová Fidlerová, M.J. Corvo Sánchez, H. Glück, K.F.X. Hubert, B. Marizzi, N. McLelland, M. Pierce, M.V. Prather).

⁴ Saussure et l'école de Genève: Syntaxe et sémiotique.

⁵ Between form and meaning: the structural quest for “Gesamtbedeutungen”.

⁶ Grammars, metalanguage, and glossing on the model language as reflection on the target language in the Middle Ages: Medieval Latin Grammar — Grammar and Other Arts; Syntax; Greek tradition, Irish tradition, Church Slavonic and modern Russian tradition, Syrian tradition.

⁷ The meaningful communicative exchange from the Middle Ages to the Enlightenment.

⁸ Linguistique grise. Le compte-rendu et ses apports à l'histoire de la linguistique.

⁹ Horizons de projection — Histoire des représentations de l'avenir des savoirs linguistiques.

¹⁰ German as a Foreign Language Throughout the Centuries.

Язык как свидетельство¹¹ — круглый стол по вопросам языка в нелингвистических сочинениях и документах — дипломатических, естественнонаучных, торговых и т.п. — от эпохи Возрождения до XIX вв. (С. Hamans, С. Stockigt, E. Zimont, F. Solleveld, R. Fernández Rodríguez, T. van Hal, M. Sergeev, A. Pytlowany).

Межъязыковое использование грамматических категорий и его механизмы от античности до современности¹² — круглый стол немногочисленный, но весьма значимый теоретически (R. Van Rooy, M. Maleux, С. Muru, G. Haßler).

Цифровые ресурсы и специализированная библиографическая информация в истории иберо-романского языкознания: проект BiTe-Ap1¹³ (E. Battaner, M.A. Esparza, С. Herranz, V. Acevedo López, N. Fernández de Gobeo, M. Gil de la Puerta).

Разнообразны по тематике секционные заседания.

Музейные коллекции, выставки, посвященные языкам, языковой культуре, памятникам XVII — XXI вв.¹⁴ (M. Sonmez, M. Wellington Gahtan).

История языкознания. Психолингвистика и нейропсихология¹⁵ (D. Romagno, J. Joseph, M. De Palo, F. Diodato).

Взаимно дополняющие фреймы языковых запросов¹⁶ (F. Vonk, M.P. Tenchini, S. Cattaruzza).

Описание автохтонных языков Америки. Миссионерская лингвистика. Этно- и социолингвистика¹⁷ (M. Valdovinos, A. Hernandez Trivino, L. Domínguez, D. Moore, M. Kilarski, E.H. Jahr, M. Verlato).

История американской лингвистики (“History of American Linguistics” — F. Newmeyer, M. Thomas).

История перевода, практика и теория перевода, роль переводчиков¹⁸ (A. Solomonovskaya, E. Ballardini, A. Isanina).

История общего языкознания. Фонетика. Фонология. Синтаксис, Семантика¹⁹ (M. Servilio, E. Galazzi, M.A. Shakeri, M. Konvička, M. Grassano, K. Kadooka, G. Bergounioux, V. Jensen, S. Covino, H. Basbøll, M. Schoenenberger, F. Dedè, C. Qu, M.C. Gatti, T. Bolkvadze, A. Andronov, G. Gordienko).

¹¹ Language as a Specimen.

¹² The cross-linguistic application of grammatical categories and its mechanisms from antiquity to modern times.

¹³ Recursos digitales e información bibliográfica especializada para la Historia de la Lingüística hispánica: el proyecto BiTe-Ap1.

¹⁴ Language and Museums.

¹⁵ History of Linguistics, Psychology and Neuropsychology.

¹⁶ Complementary Frames for Language Inquiries.

¹⁷ History of Linguistics of Aboriginal Language.

¹⁸ History of translation techniques and theories, the role of interpreters.

¹⁹ History of General Linguistics, Phonetics, Phonology, Syntax, Semantics.

История грамматики²⁰ (C. Chabernaud, L. Alfieri, B. Colombat, G. Toscano y García, M. Vieira da Silva, M. Trojar, A. Lahaussois, B. Bouard, A. Freitas, S. Piron).

История философии языка и семиотики²¹ (E. Velmezova, M. Falco, R. Petrilli, L. Chalozin-Dovrat, S. Frigeni).

История индоевропейского языкознания²² (E. Aussant, M. Vai, T. Pontillo, M.P. Candotti, D. Mocci, A.M. Borghero, A.T. Lettner).

Проблематика научных парадигм²³ (F. Gregersen, M. Rapone, P.-Y. Testenoire, M. Hamunen, F.M. Dovetto).

История преподавания языка²⁴ (E. Lidgett, M.J. García Folgado, V. Gaviño Rodríguez, M. Viémon, D. Zaleskaya, E. Humphries, S. Gildardi, H. Lombardini).

Проведенный обзор подводит к следующему заключению. Тематика докладов конференции по истории лингвистической мысли, демонстрируя разную степень внимания к конкретным вопросам, разумеется, не покрывает всей проблематики современного языкознания. Это закономерно и, очевидно, отражает внутреннюю логику развития лингвистики. Некоторые наиболее актуальные и быстро развивающиеся направления, находясь на стадии развития (накопления фактов и еще идущего процесса решения базовых вопросов, пребывающих пока в области эмпирии), хотя и привлекают внимание историков науки, еще не являются центром внимания лингвистической историографии. В то же время обращение к, казалось бы, не слишком актуальным, более традиционным темам науки о языке помогает четко выстроить ее структуру, осознать все аспекты фундаментальных понятий, концепций и принципов изучения и описания, установить их системные (уровневые), функциональные и исторические связи, что свидетельствует о важнейших процессах утверждения принципиально нового этапа современной лингвистики как строгой и зрелой науки, структурирование которой за последние десятилетия усложнилось, став при этом более четким и строгим. Многообразие тем и подходов к языку связано, как представляется, с ярко выраженным межпарадигматическим характером современного этапа науки о языке²⁵. Это ярко демонстрирует ICHoLS 2021 г., отражающий широкий спектр интересов в науке о языке. И в этой ситуации вполне закономерно обращение к истории науки, необходимое для осознания на новом витке основных понятий,

²⁰ History of Grammar.

²¹ History of Philosophy of Language and Semiotics.

²² History of Indoeuropean Linguistics.

²³ History of Conflicting or Competitive Paradigms.

²⁴ History of Language Teaching.

²⁵ О чем неоднократно приходилось писать автору этого обзора.

принципов изучения и описания, областей применения, а также уточнения и развития соответствующих терминосистем.

Поступила в редакцию 07.04.2022

Принята к публикации 24.05.2022

Отредактирована 19.07.2022

Received 07.04.2022

Accepted 24.05.2022

Revised 19.07.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Косарик Марина Афанасьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; roman@philol.msu.ru

ABOUT THE AUTHOR

Marina Kossarik — PhD, DrSc, professor, head of the Department of Romance linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; roman@philol.msu.ru

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АЛИСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» (МГУ, 25 февраля 2022)

А.М. Бибикова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; alexandra.m.b@mail.ru*

Аннотация: Представлен обзор научных докладов, прозвучавших на прошедшей 25 февраля 2022 г. на базе филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова VI Международной научной конференции «Алисовские чтения», посвященной годовщине со дня рождения одного из основателей итальянистики в России Т.Б. Алисовой. В конференции приняли участие более 40 лингвистов, литературоведов и культурологов из Москвы, Петербурга, других университетских и научных центров России и Италии.

Ключевые слова: филология; лингвистика; литературоведение; культура; Алисова

Для цитирования: Бибикова А.М. VI Международная конференция «Алисовские чтения» (МГУ, 25 февраля 2022) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 4. С. 220–225.

VI INTERNATIONAL CONFERENCE “ALISOVA’S READINGS” (MSU, February 25, 2022)

Alexandra Bibikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, alexandra.m.b@mail.ru

Abstract: This is an overview of the reports presented at the International conference on Italian Languages, Literature, and Culture “Alisovskiye chteniya” held on February 25, 2022 at the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. The scientific gathering celebrated the anniversary of Professor Alisova, a founder of the italianistics in Russia. More than 40 attendees included language, literary and cultural experts from Russia and Italy.

Key words: philology; linguistics; literary criticism; culture; Alisova

For citation: Bibikova A.M. (2022) VI International Conference “Alisova’s readings” (MSU, February 25, 2022). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 4, pp. 220–225.

Научная конференция итальянистов «Алисовские чтения», которую организует кафедра романского языкознания филологиче-

ского факультета МГУ в память о Татьяне Борисовне Алисовой, в 2022 г. прошла в онлайн-формате 25 февраля. Широта проблематики, интердисциплинарность конференции, посвященной языку, литературе и культуре Италии, обусловлена принципами, заложенными Т.Б. Алисовой в изучение итальянистики. В более чем 40 докладах были представлены история и современное состояние, практическое изучение и теоретическое осмысление вопросов языка, литературы и искусства Италии, актуальные проблемы перевода и методики преподавания. Наряду с маститыми итальянистами с докладами выступили и аспиранты, магистранты и студенты старших курсов (МГУ, ИМЛИ РАН им. А.М. Горького).

Конференцию открыла заведующая кафедрой романского языкознания, профессор М.А. Косарик, напомнив о роли Т.А. Алисовой в жизни Университета и ее значимости для развития романистики и итальянистики в России.

Заседание **секции «История и культурология: Италия-Россия»** открывал доклад *М.Г. Талалая* (Институт всеобщей истории РАН) «Странный случай двух биографий Петра I, вышедших в Венеции в одном и том же 1737 году»: в докладе говорилось о “*Vita di Pietro il Grande*” венецианского аббата А. Катифоро и книге о Петре I А. Скьядды. *Т.Л. Мусатова* (МГУ) продолжила тему исторических связей России и Италии докладом «Император, коллекционер и меценат. День Николая I в Болонье (1845)». *О.Ю. Муштанова* (МГИМО (У) МИД России) посвятила свой доклад «Итальянизмы в архитектуре Архангельского собора Московского Кремля» анализу ренессансных элементов, привнесенных Алевизом Новым в архитектурный облик Соборной площади и дальнейшему процессу усвоения итальянизмов русской архитектурной традицией.

М.Н. Бахматова (МГУ) выступила с докладом «Веронский список “Истории” Дж. Карольдо», выдающегося государственного деятеля Венецианской республики, сообщив новую информацию о списке 664 XVII в.

О.С. Крюкова (МГУ) в докладе «Образ жизни и национальный характер итальянцев в травелогах С.П. Шевырева» представила анализ текстов сборника «Итальянские впечатления» (СПб.: Академический проект, 2006). Шевырев выдвигает тезис о значимости народных праздников и для самих итальянцев, и для тех, кто пытается проникнуть в их национальный характер. Тему народных праздников и традиций в своем докладе «Традиции флагеллантства в современных обрядах Пасхальной недели в Калабрии» продолжила *С.А. Сиднева* (МГУ). *Д.А. Шевлякова* (МГУ) в докладе «Рецепция

национального культурного наследия в нарративах итальянских комиксов по Леонардо да Винчи» анализирует рисованные комиксы 2020–2022 гг., делая выводы о том, какие элементы национальной культуры являются релевантными в массовом сознании. *Н.М. Асланова* (МГУ) в докладе «Социокультурные особенности политической мифологии С. Берлускони» указывает на значимость политической мифологии в Италии периода Второй республики.

Несколько докладов секции были посвящены драматическому и оперному искусству Италии. *Н.В. Преснова* (МГУ) в докладе «Рецепция “Антигоны” в Италии XVI–XVIII вв.» осветила историю публикации и переработки трагедии Софокла. *А.В. Аксёнова* (МГУ) выступила с докладом «Стилистическое своеобразие либретто П. Метастазियो в рамках эстетики XVIII в.», а *А.В. Калашиников* (РГГУ) в докладе «Варианты написания названия оперы Й. Гайдна “La Marchesa Nespola”» рассказал о несохранившейся комедийной опере Гайдна на итальянский сюжет.

Часть заседания **секции «Итальянская литература и театр»** была посвящена Данте Алигьери, 700-летняя годовщина смерти которого широко отмечалась в Италии и других странах в 2021 г. *А.В. Топорова* (ИМЛИ РАН им. А.М. Горького, РГГУ) выступила с докладом «Концепт трепета (tremor, tremare) в поэзии Данте», где он приобретает совершенно особое значение в контексте преобразующей любви к донне — трепета как духовного, а не физического опыта. *Е.В. Фейгина* (МГУ) продолжила эту тему в своем докладе «Любовь в «Божественной комедии» Данте как динамический импульс и аксиологический смысл», а *А.В. Калашиников* (РГГУ) выступил с докладом «Животный мир в кантике «Ад» «Божественной комедии».

Прозвучал также доклад *Е.А. Грининой и Г.С. Романовой* (МГИМО (У) МИД России) «Куртуазная любовь при итальянском дворе XIII века», где анализировалось творчество нескольких известных трубадуров итальянского происхождения (Сордель, Юк де Сан Сирк и др.). Доклад *М.А. Кедровой* (СПбГУ) «Чувства и чувствительность в средневековых итальянских видениях (на материале поэзии рубежа XIII–XIV вв.)» включал анализ «Книги трех Писаний» Бонвезина да ла Рива, «Адского Вавилона» и «Небесного Иерусалима» Джакомино да Верона. *В.С. Сычёва* (Литературный институт им. А.М. Горького) в докладе «Национальный юмор в тосканской поэзии» рассматривает феномен национальной тосканской иронии и ее влияние на творчество флорентийских поэтов с XIII до XX в. *С.В. Балаева* (СПГХПА им. А.Л. Штигица, Санкт-Петербург) посвятила свое

выступление «Категории познания в “Дневнике размышлений” Дж. Леопарди».

Другая часть заседания секции была посвящена литературе и театру Италии XX–XXI вв.

Два доклада были посвящены итальянскому театру: выступление *М.М. Лянуновой* (Литературный институт им. А.М. Горького) «Жанр “комедия” в итальянском театре» и *Е.Г. Грушевской* (МГУ) «Синтезы итальянских футуристов как пример новой драматургии». Прозвучали доклады *Л.Е. Сабуровой* (РГГУ, ИМЛИ РАН им. А.М. Горького) «“Американские лекции” И. Кальвино как ключ к его роману “Невидимые города”» и *А.Н. Ушаковой* (ОЧУВО «Международный инновационный университет», Нижегородский филиал) «Особенности поэтики книги Дино Буццати “Невероятное нашествие медведей на Сицилию”». Доклад *А.В. Ямпольской* (Литературный институт им. А.М. Горького) «Творчество Умберто Сабы в освещении Пьера Пазолини», в годовщину столетия со дня рождения известного кинорежиссера, поэта и писателя, позволяет российской аудитории увидеть П.П. Пазолини в новом свете — как талантливого, компетентного филолога и литературного критика. Также неподдельный интерес аудитории вызвал доклад «Образ Эфиопии и Эритреи в современной постколониальной литературе Италии» *Ю.И. Николаевой* (РГГУ), в котором сопоставляются романы Э. Флайано, Г. Германди, Э. Дель Оро, В. Лонги. Тема детства в современной итальянской литературе была освещена в докладах *Т.Б. Быстровой* (РГГУ) «Диптих о семье Понтекорво в творчестве Алессандро Пиперно» и *Е.В. Смагиной* (РГПУ им. Герцена, Санкт-Петербург) «Взросление в эпоху пандемии: Никколо Амманити и его роман “Анна”».

На заседании **секции «Итальянский язык: история и современность. Вопросы преподавания»** аудитории предлагалось прослушать доклады на разные актуальные темы. Так, современная социолингвистическая ситуация в южных регионах Италии освещалась в докладах *О.Д. Фаис-Леутской* (Институт Этнологии и Антропологии РАН) «Статус, сферы и формы использования итальянского языка в современной Сицилии» и *М.Е. Кабицкого* (РГГУ, МГУ) «К вопросу об этнической и языковой таксономии (на примере Италии)».

Сопоставлению русского и итальянского текста и проблемам перевода были посвящены доклады переводчицы *М. Реа* (LINK CAMPUS UNIVERSITY, Рим, Италия) «О переводе поэмы “Новогоднее” у Марины Цветаевой», профессора *О.Ю. Школьниковой* (МГУ) «Оформление отрицания в итальянском языке в сопоставле-

нии с русским», *Р.А. Говорухо* (РГГУ) «Роль дейктических местоимений в русском и итальянском текстах», *М.А. Козловой* (Литературный институт им. А.М. Горького) «“Диалоги” Торквато Тассо: опыт переводческого комментирования».

Живой интерес аудитории вызвали выступления, касающиеся разных аспектов методики преподавания: *М.А. Асташиной* (ФГБОУ ВО МГППУ) «Использование иноязычных рекламных текстов для развития лингвистической, коммуникативной и межкультурной компетенции (на примере итальяноязычной рекламы)», *З.С. Тюриной* (ГАОУ ВО МГПУ) «Развитие образной речи студентов с использованием роликов YouTube (на примере материалов канала Il Milanese imbruttito)» и *Е.В. Охотниковой* (МПУ, НИУ ВШЭ) «Test di cultura generale: к вопросу о культурном компоненте в преподавании итальянского языка в вузе».

Были заслушаны доклады, связанные с историей итальянского языка и его современным состоянием: *Д.А. Кутеко* (МГУ) «Особенности употребления местоимений в комедиях итальянских авторов XVI века», *М.Ю. Десятовой* (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет) «Языковые особенности письма Галилео Галилея Великой герцогине Кристине Лотарингской», *М.С. Соколовой* (МГУ) «Пейоративные суффиксы в итальянском языке». Актуальной полемике вокруг предложений использовать знак шва или астериск в окончаниях существительных, прилагательных и местоимений вместо окончаний мужского рода в качестве обобщающего был посвящен доклад *В.А. Кудиновой* (МГУ) «Актуализация категории рода в современном итальянском языке».

Некоторые докладчики секции анализировали различные языковые аспекты современных художественных текстов: *А.А. Цыганкова* (МГУ) выступила с докладом «Прецедентные имена и их функции в романе Умберто Эко “Имя розы”», *А.М. Курилов* (МГУ) в докладе «Своеобразие концепта “здоровье/болезнь” в романе И. Зевево “Самопознание Дзено”» рассмотрел эмотивную составляющую концепта. *С.Н. Шевченко* (МГЛУ) выступила с докладом «Концептуальные и стилистические особенности современной итальянской поэзии: корпусный анализ (программа для корпусного анализа AntConc)».

Важнейшим результатом работы конференции стали многочисленные дискуссии, выявившие сходные процессы в истории и культуре России и Италии и наметившие новые направления исследований в рамках италянистики. Итоги конференции убедительно показывают, что интенсивное изучение итальянского языка, лите-

ратуры и культуры, их сопоставительных анализ с русским языком, литературой и культурой продолжается, а интерес к истории и развитию италянистики проявляют многие исследователи. Важно отметить, что в работе всех секций конференции приняли самое живое участие аспиранты, магистранты и студенты МГУ и других вузов России.

Поступила в редакцию 11.04.2022
Принята к публикации 24.05.2022
Отредактирована 20.07.2022

Received 11.04.2022
Accepted 24.05.2022
Revised 20.07.2022

ОБ АВТОРЕ

Бибикова Александра Михайловна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; alexandra.m.b@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexandra Bibikova — PhD, Senior Teaching Fellow, the Department of Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; alexandra.m.b@mail.ru

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДОСТОЕВСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС XIX ВЕКА. ПОЭТИКА ПРОЗЫ ДОСТОЕВСКОГО»

А.Б. Криницын

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; derselbe@list.ru*

Аннотация: 23–24 октября 2021 г. в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова состоялась Всероссийская научная конференция, посвященная двухсотлетию со дня рождения Ф.М. Достоевского, организованная филологическим факультетом и кафедрой истории русской литературы. Председателями оргкомитета являлись профессора В.Б. Катаев и А.Б. Криницын. В конференции приняли участие около 40 докладчиков. На фоне множества юбилейных конференций, посвященных журналистике, философии, историософии, религиозным воззрениям писателя, филологический факультет нашел свою особенную нишу, предложив рассмотреть творчество Достоевского прежде всего с его художественной стороны, поэтики и литературных связей, хотя в целом профиль докладов оставался достаточно широким. Симпозиум удачно объединил общепризнанных корифеев достоевистики с молодыми исследователями — аспирантами и магистрами.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; В.В. Набоков; «Петербургский сборник»; Б.Г. Герасимов; Н.П. Вагнер; И.С. Шмелев; А.П. Чехов; романтизм

Для цитирования: Криницын А.Б. Всероссийская конференция «Достоевский и литературный процесс XIX века. Поэтика прозы Достоевского» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 4. С. 226–232.

THE ALL-RUSSIAN CONFERENCE “DOSTOEVSKY AND THE LITERARY PROCESS OF THE XIX CENTURY. POETICS OF DOSTOEVSKY’S PROSE”

Alexander Krinitsyn

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; derselbe@list.ru

Abstract: On October 23–24, 2021, at Lomonosov Moscow State University a conference commemorating Dostoevsky’s two hundredth anniversary was organized by Faculty of Philology and the Department of the history of Russian literature. The chairpersons of the arrangements committee were professors V.B. Kataev and A.B. Krinitsyn. In the midst of a large number of anniversary conferences, dedicated to journalism, philosophy, historiography and religious ideas of the writer, the

philological faculty managed to find its special niche focusing primarily on artistic aspects of Dostoevsky's works, poetics and literary connections, the profile of reports being still a wide one. The conference was an occasion successfully gathering reputable scholars and experts in Dostoevsky studies and young researches — post-graduate students.

Key words: F.M. Dostoevsky; V.V. Nabokov; “Petersburg Collection”; B.G. Gerasimov; N.P. Wagner; I.S. Shmelev; A.P. Chekhov; romanticism

For citation: Krinitsyn A.B. (2022) The All-Russian Conference “Dostoevsky and the Literary Process of the 19th Century. The Poetics of Dostoevsky's Prose”. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 4, pp. 226–232.

В год двухсотлетнего юбилея со дня рождения Ф.М. Достоевского состоялось множество праздничных, научных и культурных мероприятий, посвященных великому писателю и проводившихся в том числе на высоком государственном уровне. Были осуществлены научные издания, кардинально обновлены и расширены экспозиции музеев писателя в Москве и Петербурге. Московский государственный университет не мог остаться в стороне: симпозиумы, посвященные Достоевскому, состоялись на журналистском и филологическом факультетах, совершенно различные по тематике. В то время как большинство конференций этого года сосредоточивались на журналистике, философии, историософии, религиозных воззрениях писателя, или же новооткрытых аспектах его биографии, филологический факультет в лице кафедры истории русской литературы нашел свою особенную нишу, предложив рассмотреть творчество Достоевского с его художественной стороны, и заявил название для всероссийской конференции: «Достоевский и литературный процесс XIX века. Поэтика прозы Достоевского». Авторитет МГУ и одной из самых старых кафедр факультета помог привлечь к конференции внимание многих исследователей, что было нелегко, учитывая поистине бесчисленное число симпозиумов юбилейного года. Конференция проходила два дня — 23 и 24 октября 2021 г. Благодаря режиму online в ней смогли принять широкое участие ученые со всей России, от Восточной Сибири до Петрозаводска. Еще одной важной особенностью симпозиума стало то, что он объединил корифеев достоевистики, заведующих кафедрами, профессоров и докторов наук, с молодыми исследователями — аспирантами и магистрами, что сделало его атмосферу очень открытой, а обсуждение — живым и плодотворным. Начинающие специалисты получили уникальную возможность быть выслушанными целым рядом известных ученых. Всеобщее участие в дискуссии радовало.

Открыл конференцию приветственным словом участникам и.о. декана филологического ф-та профессор А.А. *Лингарт*, отметивший непреходящую важность наследия Достоевского для понимания духовных и политических реалий современности. Продолжил его слова заведующий кафедрой истории русской литературы профессор В.Б. *Катаев*, рассказавший о традициях изучения творчества Достоевского учеными Московского университета.

Научную часть открыла д.ф.н. Л.И. *Сараскина* с докладом «Образ Достоевского в поэзии Владимира Набокова», который отличался острой концептуальностью, поскольку Набоков, как известно, считал себя художественным антиподом и антагонистом Достоевского, при том что во многих эмигрантских романах ощутимо влияние последнего. Благодаря тому, что Л.И. Сараскина является признанным специалистом по обоим авторам, выбранный ею частный аспект сравнения блестяще продемонстрировал воздействие мотивов Достоевского в некоторых набоковских стихах, в частности в знаменитой притче «Садом шел Христос с учениками...»

Проф. О.Ю. *Юрьева* (Иркутск) представила доклад «О генезисе образа Гани Иволгина», в котором было убедительно доказано, что недостаточно разработанный исследователями образ Гани Иволгина сформировался как «зеркальный синтез» по отношению к образу Идиота из подготовительных материалов к роману, так что развитие образа шло по пути расщепления первоначально задуманного характера Идиота. Переход осуществлялся по принципу «язык в зеркале» (Достоевский), т.е. черты Идиота были измельчены, профанированы, снижены, что и обусловило впечатление «незавершенности» характера Гани, которого Достоевский планировал провести параллельно образу Мышкина через весь роман и подвести к очищению через «великий подвиг».

Проф. БГПУ (Уфа) В.В. *Борисова* выступила с сообщением «Личность Ф.М. Достоевского в свете “Дела о куманинском наследстве”», которое обобщило результаты ее долгой архивной работы, являющейся, в свою очередь, частью большого замысла — создания полноценной научной биографии Достоевского, над которым в рамках гранта РФФИ трудился целый коллектив авторов.

Проф. СПбГУ С.А. *Кибальник* в докладе «“Молодая эмиграция” в романе “Идиот”» выдвинул оригинальную гипотезу о том, что в эпизоде посещения князя Мышкина «нигилистами» отразились претензии «молодой эмиграции» к Герцену по вопросу о так называемом «бахметьевском фонде», а также нелестные характеристики ее Герценом. Памфлет А.А. Серно-Соловьевича «Наши домашние дела» рассматривается как еще один источник «газетного» фельетона Келлера на Мышкина.

Проф. РГГУ *Т.В. Ковалевская* рассказала о «Первом послании апостола Иоанна в мысли и творчестве Ф.М. Достоевского». По мнению докладчика, Первое послание Иоанна в концентрированной форме выражает ключевую парадигму бытия человека в мире: человек включен в вертикальную и горизонтальную парадигмы общения. Не только любовь к человеку происходит из любви к Богу, но и любовь к Богу происходит из любви к людям. Эта же мысль звучит в «Братьях Карамазовых». Но при этом текст Послания и текст Достоевского представляют собой не просто «контраст» или противоречие, но антиномию, на которой покоится вся религиозная антропология писателя.

Проф. ИМЛИ РАН *В.М. Гуминский* поставил «Зимние заметки о летних впечатлениях» Достоевского в широкий «контекст развития русской литературы XVIII – первой половины XIX вв.», сопоставив очерк Достоевского с описаниями путешествий в Европу Д.И. Фонвизина и А.А. Григорьева, что позволило, во-первых, составить типы русских путешественников, а во-вторых, обрисовать концепты Западной Европы, от «земного рая» до «царства Ваала». Интересным тезисом В.М. Гуминского стала его попытка продемонстрировать, что Белинский — «тайный славянофил».

Профессор *А.А. Казаков* (Томск) выступил с докладом: «“Записки из подполья” и “непсихологическая” антропология Достоевского», где рассматривалась повесть «Записки из подполья» как момент системного формирования непсихологической модели человека у Достоевского, т.е. антропологии вне метафоры «внутреннего мира» или «сердца и мыслей» в духе «Бедных людей».

В докладе доцента МПГУ *Т.С. Карпачевой* «Приживальщики и мировое зло в романе Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы”» было предложено, в развитие теодицеи Достоевского, при ответе на вопрос Ивана, кто, если не Бог, виноват в детских страданиях, обратить внимание на гостей генерала, «приживальщиков», которые не препятствуют совершению злодеяния и связаны многими мотивами с образом чёрта.

Доцент МГУ *Р.Б. Ахметшин* представил сообщение: «Записные книжки как творческая лаборатория Достоевского» и рассказал о малоизученном архиве Е.Н. Коншиной (1890–1972), внесшей большой вклад в изучение рукописей русских писателей, в частности Достоевского.

Проф. *Н.И. Николаев* и доцент *Т.В. Швецова* (Северодвинск) познакомили присутствующих со своим видением концепции «Петербургского сборника», в свое время представившего читателям впервые имя Достоевского. В докладе была предпринята попытка представить новые литературные стратегии, заложенные в большей

части художественных и публицистических текстов, представленных в «Петербургском сборнике» и качественно отличающих его от «Физиологии Петербурга», которыми объясняются, как это представляется авторам, и художественные новации «Бедных людей».

Ассистент МГОУ *В.Н. Степченкова* рассмотрела мотив денег в романе «Братья Карамазовы» и предложила в связи с ним оригинальную типизацию героев романа. Одновременно была продемонстрирована сюжетная функция данного мотива.

Ст. преп. РГСУ *К.П. Смольняков* выступил с докладом «Достоевский о путях познания истины и характере русского народа», который затрагивал тему гносеологии у Достоевского в свете характерного для него апофатического богословия. Особенности соотношения разума и веры в русском православии предопределили, по мнению исследователя, специфические черты русского народного самосознания и характера.

Доклад доцента МГУ *Г.В. Москвина* «Идейная роль снов Свидригайлова в ночь перед самоубийством» был построен на тонких наблюдениях над текстом «Преступления и наказания» и был направлен на то, чтобы переосмыслить поэтику снов как в данном романе, так и «пятикнижии» в целом.

Профессор МГУ *И.А. Беляева* в своем докладе выявила мотивы «Бедных людей» Достоевского в «Холостяке» Тургенева, рассмотрев не только переклички в сюжетах «Бедных людей» и «Холостяка», но и отсылки к сюжетным ситуациям и персонажам-амплуа (например, литератор) из романа Достоевского в пьесе Тургенева.

Доцент *Е.Ю. Сафронова* (Барнаул) представила доклад на тему «Б.Г. Герасимов как исследователь творчества Ф.М. Достоевского», где было освещен вклад в науку о Достоевском семипалатинского ученого-краеведа, настоятеля Никольского собора, который, став председателем Семипалатинского подотдела Русского Географического Общества, инициировал сбор материалов о Достоевском в Сибири.

Науч. сотрудник философского ф-та МГУ *Ю.В. Пущаев* поднял интересную культурологическую тему: «Советский Достоевский: Восприятие романа “Бесы” Ф.М. Достоевского в советской культуре в 1920-е годы», проследив через призму отношения к роману «Бесы» эволюцию советской идеологии и культуры. В сообщении разбирались дискуссии между В.П. Полонским и Л.П. Гроссманом, высказывания о романе А.В. Луначарского и В.Ф. Переверзева, желавшего даже представить Достоевского чуть ли не «революционным писателем — именно на материале «Бесов» (в статье «Достоевский и революция»). Доклад вызвал долгую и ожесточенную полемику, доказав актуальность поднятой темы.

Проф. Л.Е. Бушканец (Казань) рассказала о влиянии «Мальчика у Христа на елке» Достоевского на «Сказки» Н.П. Вагнера, отношения которого с Достоевским до сих пор рассматривались только в биографическом контексте.

В докладе ведущего научного сотрудника музея Достоевского О.В. Золотько представила доклад «О “повторениях во вселенной” в рассказе Ф.М. Достоевского “Сон смешного человека”» были рассмотрены произведения фантастической литературы, научные и философские гипотезы о структуре и развитии вселенной, получившие отражение в сюжете рассказа Достоевского (статья Н.Н. Страхова «Жители планет», повесть Вольтера «Микромегас», сочинение Э. Сведенборга «О небесах, о мире духов и об аде» и др.). «Двойники» Земли и Солнца, по мнению, О. Золотько, вводятся в рассказе как экспериментальное пространство, в котором развивается история человечества.

К.н.ф. С.В. Снигирева представила доклад на малоизученную и интригующую тему: «Философия человекобожества и сектантство (к теме культурного раскола в романе “Бесы”»». В докладе анализировалось намерение Петра Верховенского паразитировать на легендах о скопческом батюшке-искупителе Кондратии Селиванове, и хлыстовских «христов» из народа. Достоевский сближает человекобожество нигилистов и самообоожествление сектантов из народа как показатели общей духовной болезни, охватившей русское общество вследствие разъединения народа и интеллигенции.

Интересные на высоком научном уровне доклады были сделаны магистрантами и бакалаврами кафедры истории русской литературы МГУ: Д.А. Парменовой («Пути небесные» И.С. Шмелева и «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского: точки соприкосновения»), Н.С. Антроповой («Образы насекомых в романе “Преступление и наказание” Ф.М. Достоевского»), А.Л. Леоновой («Роман “Бесы” и молодежь 1860-х годов»), А.К. Фисенко («Пейзаж как форма эмоционально-психического портрета героев в творчестве Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова»).

Всегообщее оживленное участие привлек круглый стол, посвященный теме «Достоевский и романтизм». Организатор конференции проф. МГУ А.Б. Криницын задал направление дискуссии своим вводным выступлением, на котором выдвинул тезис, что под «реализмом в высшем смысле», декларируемом Достоевским в качестве собственного творческого метода, в значительной мере скрывается указание на романтические черты поэтики и мировидения писателя, которые и были обрисованы в шести пунктах (немецкий фантастический романтизм, «неистовый» романтизм, байронический,

романтическая ирония, романтическое понимание религии, национальный «славянофильский» романтизм).

Поступила в редакцию 21.02.2022

Принята к публикации 24.05.2022

Отредактирована 20.06.2022

Received 21.02.2022

Accepted 24.05.2022

Revised 20.06.2022

ОБ АВТОРЕ

Криницын Александр Борисович — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; derselbe@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander Krinitsyn — Prof. Dr., Department of the history of Russian literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; derselbe@list.ru

ЮБИЛЕИ

ОТ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА ДО КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ: К ЮБИЛЕЮ О.В. АЛЕКСАНДРОВОЙ

Д.С. Мухортов, И.Э. Стрелец

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Москва, Россия; dennismoukhortov@mail.ru, sagitil@mail.ru*

Аннотация: В этом году юбилей отмечает доктор филологических наук, заслуженный профессор Московского университета О.В. Александрова. Празднование совпало с 40-летием ее административной работы в должности заведующей кафедрой английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Статья посвящена научным интересам и профессиональной деятельности Ольги Викторовны.

Ключевые слова: О.В. Александрова; синтаксис английского языка; когнитивно-дискурсивная парадигма; филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова; кафедра английского языкознания

Для цитирования: Мухортов Д.С., Стрелец И.Э. От экспрессивного синтаксиса до когнитивной лингвистики: К юбилею О.В. Александровой // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 4. С. 200–204.

FROM EXPRESSIVE SYNTAX TO COGNITIVE LINGUISTICS: CELEBRATING THE ANNIVERSARY OF OLGA ALEKSANDROVA

Denis Mukhortov, Ilya Strelets

MGIMO University, Moscow, Russia; dennismoukhortov@mail.ru, sagitil@mail.ru

Abstract: This paper focuses on some milestones in Prof. Aleksandrova's scientific, professional, and managerial career, Doctor of Philology, Honored Professor of Moscow University, who is celebrating her glorious jubilee this year. The celebration coincided with the 40th anniversary of Olga Aleksandrova's career as Head of the Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

Key words: Olga Aleksandrova; English syntax; cognitive-discursive paradigm; Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Department of English Linguistics

For citation: Mukhortov D., Strelets I. (2022) From Expressive Syntax to Cognitive Linguistics: Celebrating the Anniversary of Olga Aleksandrova. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 4, pp. 200–204.

В августе этого года юбилей отметила доктор филологических наук, заслуженный профессор Московского университета Ольга Викторовна Александрова. С ее именем неразрывно связана деятельность кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Выполненные под руководством выдающегося советского лингвиста О.С. Ахмановой кандидатская и докторская диссертации — «Формы и функции парентетических внесений в современном английском языке» и «Синтаксические диеремы в системе речи» — давно стали визитной карточкой Александровой как исследователя и ученого. Подготовленные на их основе монографии «Семиотика неплавной речи» (Премия Ленинского комсомола 1979 г.) и «Проблемы экспрессивного синтаксиса» (1983) оказались событийными для отечественной филологии.

Приняв от О.С. Ахмановой в 1982 г. заведование кафедрой, О.В. Александрова продолжила проводить в жизнь стратегию своего Учителя по обеспечению жизнедеятельности кафедры и разработке актуальных научных направлений.

В середине 1990-х годов Ольга Викторовна начинает развивать положения когнитивно-дискурсивной парадигмы (Кубрякова, Александрова 1997, 1999), активно поддерживает становление лингвопоэтики. В 2000-х годах придает импульс изучению языка СМИ (Александрова, 2003) и лингвокультурологии (Александрова, 2008; Aleksandrova, 2011), популяризирует такие практико-ориентированные направления, как синхронный перевод, терминология (Александрова, 2021), английский язык для деловых целей, политический и дипломатический дискурс (Александрова, 2018; Александрова, Стрелец, 2021).

На сегодняшний день список ее публикаций достигает двухсот научных и научно-методических работ на русском и английском языках, в том числе ряда монографий, посвященных проблемам английской грамматики, сопоставительным аспектам английского и русского языков, когнитивной лингвистики. Под научным руководством О.В. Александровой защищено более 90 диссертаций, десять из которых — докторские.

Ее деятельность не ограничивается кафедрой английского языкознания. О.В. Александрова — бессменный член диссертационного совета Московского университета по германским языкам. С 2019 г. — заместитель председателя диссертационного совета МГУ по специальности 13.00.02 — «Теория и методика обучения и воспитания». Более десяти лет — заместитель декана филологического факультета МГУ по научной работе. С 2012 г. — председатель Экспертного совета по филологии и искусствоведению Высшей атте-

стационарной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

О.В. Александрова — член редакционного совета журнала «Известия Южного федерального университета. Филологические науки», «Вестник Алтайского государственного университета. Филология и человек», член редакционной коллегии «Вестника Московского университета. Серия 9: Филология» и некоторых других изданий, включенных в Перечень ВАК.

Ольга Викторовна оказывает активную поддержку ряду профессиональных сообществ, среди которых можно выделить Научный совет по филологическим наукам Российского профессорского собрания и Российскую ассоциацию лингвистов-когнитологов.

Среди многочисленных наград О.В. Александровой — звание лауреата Ломоносовской премии за педагогическую работу (2001) и премии Международной федерации ассоциаций преподавателей современных языков при ЮНЕСКО — FIPLV (2005).

В становлении Ольги Викторовны как незаурядной личности большую роль сыграли родители — Виктор Васильевич и Ирина Михайловна Гришины. Она свято чтит их память и, как сама признается, во всех делах ей «помогали их неизменная любовь, поддержка и вера». Счастливая мать и бабушка, Ольга Викторовна благодарна детям и внукам за то, что «с пониманием относятся к ее работе и вечной занятости» (Актуальные проблемы..., 2012: 6).

Ольга Викторовна с большим теплом рассказывает о Е.С. Кубряковой, И.Р. Гальперине, Д.А. Штелинге, Н.А. Кобриной, В.И. Попове, Т.А. Комовой, Р. Квёрке, С. Гринбауме, Дж. Личе, Я. Фишаке, а также М.Я. Блохе, С.Г. Тер-Минасовой, В.З. Демьянкове, В.И. Заботкиной, наставниках, друзьях. Неизменно выделяет своего учителя Ольгу Сергеевну Ахманову — человека с даром научного предвидения, энциклопедическими знаниями, необыкновенной работоспособностью. Среди своих первых учителей называет Марину Леонтьевну Ремнёву, с которой довелось вместе работать на филологическом факультете более тридцати лет, чей опыт и профессионализм высоко ценит, а смелостью в решении многих задач восхищается.

Коллеги и друзья отмечают, что Александровой многое удастся не только благодаря стратегическим умениям и административным навыкам, но и удивительному терпению, обаянию, глубокому уважению к людям, с которыми приходится иметь дело, человеческому участию, готовности понять ситуацию, такту, дипломатической гибкости.

Профессор Самарского университета А.А. Харьковская как давний преданный друг кафедры английского языкознания, говоря об Ольге Викторовне, отмечает: «Она являет собой пример постоянства

в своих привязанностях и верности делу, которому мы все служим. Природная сдержанность, умение “держаться дистанции” не всегда дают нам открыть и увидеть всю глубину ее мира, для каждого из нас он открывается не сразу, в свое время, однако этот мир широк и таинственно прекрасен» (Актуальные проблемы..., 2012: 8).

Поздравляя Ольгу Викторовну Александрову с двумя знаковыми событиями в жизни и профессиональной деятельности, хочется пожелать ей доброго здоровья, оптимизма и успешной реализации всего задуманного.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуальные проблемы английского языкознания: Сб. ст. к юбилею проф. О.В. Александровой / Под ред. Т.А. Комовой, Д.С. Мухортова. М.: МАКС Пресс, 2012. 396 с.
2. Александрова О.В. Дискурсивные основы современной дипломатии // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения: Сб. ст. / Отв. ред. О.Д. Вишнякова. Пльзень; М.: Градиент, Западночеш. ун-т, 2018. С. 20–30.
3. Александрова О.В. Изменение терминологии в условиях новой языковой парадигмы // Актуальные проблемы современной лингвистики: Сб. науч. ст. к юбилею д.ф.н., проф. И.Б. Руберт. СПб., 2021. С. 7–12.
4. Александрова О.В. Концептуальное пространство языка и социокультурная картина мира // Язык. Культура. Общение: Сб. науч. ст. в честь юбилея заслуж. проф. МГУ имени М.В. Ломоносова С.Г. Тер-Минасовой / Отв. ред. Г.Г. Молчанова. М.: Гнозис, 2008. С. 107–115.
5. Александрова О.В. Язык средств массовой информации как часть коллективного пространства общества // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Сб. ст. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 89–99.
6. Александрова О.В., Стрелец И.Э. Место и роль дипломатического дискурса в составе современных дискурсивных исследований // Когнитивные исследования языка. 2021. № 1 (44). С. 413–420.
7. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: Сб. ст. М.: Изд. Моск. ун-та, 1997. С. 15–26.
8. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Структура и семантика художественного текста. Доклады VII Международной конференции: Сб. ст. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. С. 186–197.
9. Aleksandrova O.V. New Approaches to Mass Media Discourse // Актуальные проблемы современной лингвистики. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. С. 4–9.

REFERENCES

1. Aktualnye problemy anglijskogo jazykoznanija: Sb. st. k jubileju prof. O.V. Aleksandrovoj [Problems of English Linguistics]. Ed by T.A. Komova, D.S. Mukhortov. Moscow: MAKSS Press, 2012, 396 p. (In Russ.)
2. Aleksandrova O.V. Diskursivnye osnovy sovremennoj diplomatii [Discursive Foundations of Modern Diplomacy] // Jazyk, literatura i kultura kak grani mezhkulturnogo obshhenija [Language, Literature and Culture as Facets of Intercultural Communication]. Ed by O.D. Vishnjakova. Plzen; Moscow: Gradient, West Bohemia University Press, 2018, pp. 20–30. (In Russ.)

3. *Aleksandrova O.V.* Изменение терминологии в условиях новой языковой парадигмы [Terminological Changes within a New Linguistic Paradigm] // *Aktualnye problemy sovremennoj lingvistiki* [Problems of Modern Linguistics]. St. Petersburg, 2021, pp. 7–12. (In Russ.)
4. *Aleksandrova O.V.* Konceptualnoe prostranstvo jazyka i sociokulturnaja kartina mira [Conceptual Space of Language and Socio-Cultural Picture of the World] // *Jazyk. Kultura. Obshhenie* [Language. Culture. Communication]. Ed by G.G. Molchanova. Moscow: Gnozis, 2008, pp. 107–115. (In Russ.)
5. *Aleksandrova O.V.* Jazyk sredstv massovoj informacii kak chast' kolektivnogo prostranstva obshhestva [The Language of the Media as Part of the Collective Space of Society] // *Jazyk SMI kak obekt mezhdisciplinarnogo issledovanija* [Media Language as an Object of Interdisciplinary Research]. Moscow: Moscow University Press, 2003, pp. 89–99. (In Russ.)
6. *Aleksandrova O.V., Strelets I.E.* Mesto i rol diplomaticheskogo diskursa v sostave sovremennyh diskursivnyh issledovanij [The Role and Place of the Diplomatic Discourse Within the Sphere of Modern Discourse Studies]. *Cognitive Studies of Language*. 2021. № 1 (44), pp. 413–420. (In Russ.)
7. *Кубрякова Е.С., Александрова О.В.* Vidy prostranstv teksta i diskursa [Types of Spaces of Text and Discourse] // *Kategorizacija mira: prostranstvo i vremja* [Categorization of the World: Space and Time]. Moscow: Moscow University Press, 1997, pp. 15–26. (In Russ.)
8. *Кубрякова Е.С., Александрова О.В.* O konturah novoj paradihmj znanija v lingvistike [On the Contours of a New Paradigm of Knowledge in Linguistics] // *Struktura i semantika hudozhestvennogo teksta: Doklady VII Mezhdunarodnoj konferencii* [The Structure and Semantics of a Literary Text: Papers of the VII International Conference]. Moscow: Moscow University Press, 1999, pp. 186–197. (In Russ.)
9. *Aleksandrova O.V.* New Approaches to Mass Media Discourse // *Актуальные проблемы современной лингвистики*. St. Petersburg: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. С. 4–9.

Поступила в редакцию 05.04.2022

Принята к публикации 05.06.2022

Отредактирована 17.06.2022

Received 05.04.2022

Accepted 05.06.2022

Revised 17.06.2022

ОБ АВТОРАХ

Мухортков Денис Сергеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1 факультета международных отношений МГИМО (У) МИД России; dennismoukhortov@mail.ru

Стрелец Илья Эрнстович — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета управления и политики МГИМО (У) МИД России; sagitil@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Denis Mukhortov — PhD, Associate Professor of English Department No 1, School of International Relations, MGIMO University; dennismoukhortov@mail.ru

Ilya Strelets — PhD, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, School of Governance and Politics, MGIMO University; sagitil@mail.ru

ИВО ПОСПИШИЛ

А.Г. Шешкен

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; asheshken@yandex.ru*

Аннотация: Заметка посвящена 70-летию выдающегося чешского слависта, исследователя русской литературы профессора университета в Брно доктора филологии Иво Поспишила.

Ключевые слова: компаративистика; чешская литературоведческая русистика; русский роман; юбилей; Иво Поспишил

Для цитирования: Шешкен А.Г. Иво Поспишил // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 4. С. 238–240.

IVO POSPÍŠIL

Alla Sheshken

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; asheshken@yandex.ru

Abstract: The paper is devoted to the 70th anniversary of the outstanding Czech Slavist, researcher of Russian literature, Professor of the University of Brno, Doctor of Philology, Ivo Pospíšil.

Key words: comparative studies; Czech literary Russian studies; Russian novel; anniversary; Ivo Pospíšil

For citation: Sheshken A.G. (2022) Ivo Pospíšil. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 4, pp. 238–240.

14 мая 2022 г. исполнилось 70 лет выдающемуся чешскому слависту и специалисту по русской литературе профессору Иво Поспишилу. Он принадлежит к славной когорте ученых и педагогов Университета имени Масарика в Брно, где около тридцати лет заведовал кафедрой славистики. И. Поспишил также был многолетним председателем Ассоциации чешских славистов, Центральноевропейского Центра славянских исследований и Славистического общества Франка Воллмана, председателем Литературоведческого общества Чешской Республики. Научная активность ученого была и остается исключительно высокой: библиография его трудов включает более 3000 наименований. Кроме статей в авторитетных журналах и научных сборниках, изданных в Чехии и за ее пределами, это несколько десятков монографий, учебников, словарей, подго-

товленных им лично и в соавторстве с другими чешскими учеными. Так, под его руководством вышло уникальное издание — «Словарь русских, украинских и белорусских писателей» (2001).

Сфера научных интересов профессора Поспишила включает историко-литературный анализ литературных явлений, исследования закономерностей литературного процесса, движение жанров, компаративистику в сочетании с современными теориями и школами (нарратология, конструктивизм, рецептивная эстетика и др.). Ученый выдвигает оригинальные концепции становления и развития разных литературных и культурных явлений, чем вносит огромный вклад в развитие теории литературы. Широкую известность получила, в частности, его работа, написанная в соавторстве с другим крупным чешским ученым М. Зеленкой «Рене Уэллек и межвоенная Чехословакия. К истокам структуральной эстетики» (1996).

Исследование русской литературы, в первую очередь история и типология романного жанра от Пушкина до постмодернизма, занимает центральное место в научной и педагогической активности профессора Поспишила. В фундаментальном труде «Снова в гостях у русского романа. История, узловые проблемы развития, теория и международные связи. От истоков до современных перспектив» (2005) чешский ученый предложил собственную концепцию формирования и эволюции жанра. Он подчеркнул важность синтеза европейской традиции и национального художественного опыта, значение исторических условий формирования романа, как и многочисленных психосоциологических факторов и эволюции философских представлений, распространенных в русском обществе. Весьма активна редакторско-издательская деятельность профессора. Он возглавляет редколлегия научного журнала «Новая русистика», который является возрожденным в 2008 г. вариантом ведущего в области русистики печатного органа бывшей Чехословакии *Československá rusistika*.

Профессор Поспишил широко известен в нашей стране, ряд его трудов переведен на русский язык, он активно участвует в конференциях и научных изданиях нашего факультета. Поздравляем уважаемого коллегу с юбилеем, желаем здоровья и дальнейших научных свершений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Pospíšil I. a kol.* Slovník ruských, ukrajinských a běloruských spisovatelů. Praha, 2001. 680 s.
2. *Pospíšil I., Zelenka M.* René Wellek a meziválečné Československo. Ke kořenům strukturální estetiky. Brno, 1996.

3. *Pospíšil I.* Ruský román znovu navštívený. Historie, uzlové body vývoje, teorie a mezinárodní souvislosti. Od počátků k výhledu do současnosti. Brno, 2005.

REFERENCES

1. *Pospíšil I. a kol.* Slovník ruských, ukrajinských a běloruských spisovatelů. Praha. 2001. 680 s.
2. *Pospíšil I., Zelenka M.* René Wellek a meziválečné Československo. Ke kořenům strukturální estetiky. Brno, 1996.
3. *Pospíšil I.* Ruský román znovu navštívený. Historie, uzlové body vývoje, teorie a mezinárodní souvislosti. Od počátků k výhledu do současnosti. Brno, 2005.

Поступила в редакцию 12.05.2022

Принята к публикации 24.05.2022

Отредактирована 20.07.2022

Received 12.05.2022

Accepted 24.05.2022

Revised 20.07.2022

ОБ АВТОРЕ

Шешкен Алла Геннадьевна — профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; asheshken@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alla Sheshken — Prof. Dr., Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; asheshken@yandex.ru

ISSN 0201-7385. ISSN 2074-1588

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2022. № 4. 1–240.